

中國詩歌之三十個世紀

Юрий Ключников

Поднебесная хризантема

30 веков китайской поэзии

天下之菊花

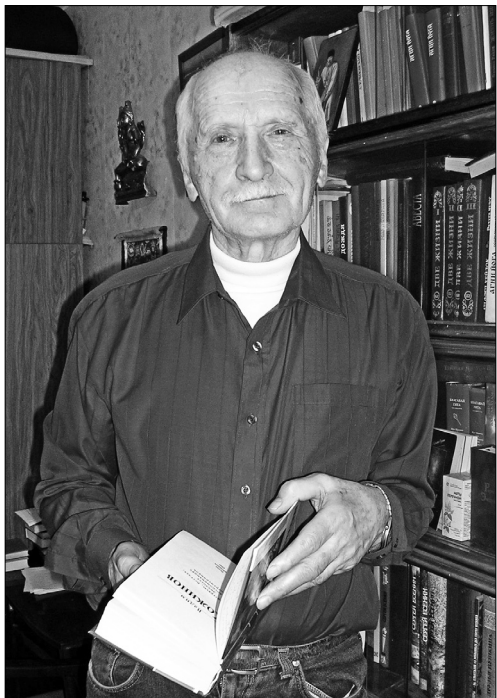

Юрий Ключников

**ПОДНЕБЕСНАЯ
ХРИЗАНТЕМА:**

**30 ВЕКОВ
КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ**

概述

《天上的菊花：中国诗歌的30个世纪》一书以中国著名诗歌为蓝本进行了自由翻译和诗歌创作。本书作者克留契尼科夫是俄罗斯著名诗人、哲学家、随笔作家、旅行家、译家，著有多部作品。本书除收录400篇中国诗歌以外，还包括译者序言、译者仿写的60多篇致敬中国人民的献词和诗歌、译者的诗歌创作、翻译履历和文章，以及中国诗歌的专有名词、概念词汇。本书收录的中国诗歌主题包括爱、信仰、自然之美、团结、友谊、离愁别绪、思乡、怜悯贫弱、服务人民、问道、精益求精。凭借独具魅力的中国传统诗歌咏叹，本书将吸引更广泛的读者群体。

Союз писателей России

Международный Альянс
Стратегических Проектов БРИКС

Юрий Ключников

ПОДНЕБЕСНАЯ ХРИЗАНТЕМА:

30 веков
КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ

*Вольные переводы.
Свободные переложения.
Стихи по мотивам*

Беловодье

МОСКВА
2018

УДК [821.161.1-1+821.161.1-1=03.581](081)Ключников Ю.
ББК 84(2=411.2)-5я44+84(5Кит)-5я44+83.3(5Кит)-7Ключников Ю.я44
К52

Литературные редакторы:

Г. В. Иванов, М. С. Бушуева

Научный редактор:

А. Е. Лукьянов, профессор-синолог,
редактор поэтического текста сборника

Ключников Юрий.

К52 Поднебесная хризантема: 30 веков китайской поэзии. Вольные переводы. Свободные переложения. Стихи по мотивам / Юрий Ключников; Союз писателей России. — М.: Беловодье, 2018. — 688 с.

ISBN 978-5-93454-240-6

«Поднебесная хризантема: 30 веков китайской поэзии» — сборник вольных переводов, свободных переложений и стихов по мотивам произведений самых известных поэтов Китая принадлежит перу Ю. М. Ключникова, известного русского поэта, философа, эссеиста, путешественника, переводчика, автора многих книг. Помимо 400 стихотворений китайской поэзии данный сборник включает вступительную статью автора, 60 авторских стихов-подражаний и посвящений великим китайцам; послесловие и комментарии С. Ю. Ключникова, творческую биографию поэта-переводчика. Темы китайской поэзии, отражённые в сборнике: любовь, верность, красота природы, единение, дружба, грусть от разлуки с любимыми и друзьями, тоска по родине, сострадание к слабым и бедным, служение народу, поиски Дао, путь к совершенству. Неповторимые интонации каждого из поэтов пробуждают интерес к китайской поэтической традиции и делают сборник привлекательным для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-93454-240-6

УДК [821.161.1-1+821.161.1-1=03.581](081)Ключников Ю.
ББК 84(2=411.2)-5я44+84(5Кит)-5я44+83.3(5Кит)-7Ключников Ю.я44

© Ю. М. Ключников, 2018
© ООО «НПЦТ «Беловодье», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

<i>З. Г. Лапина.</i> Поэзия восхождения	9
<i>Ю. М. Ключников.</i> Тысячелетия поэзии Китая	13

Часть I ДРЕВНЕКИТАЙСКАЯ ПОЭЗИЯ (XI—VI вв. до н. э.)

Из «Ши-цзина»	29
«Девятнадцать древних стихотворений»	43

Часть II КИТАЙСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ КЛАССИКА В ПОЭТИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДАХ

1. Даосская философская классика в стихотворных переложениях

Лао-цзы (VI—V вв. до н. э.)	68
Дао дэ цзин	74
Чжуан-цзы (369—286 до н. э.)	156
Притчи	159

Стихи даосских алхимиков

Чжан Бодуань (984—1082)	165
Чжу Дуньжу (314—366)	167

2. Стихи о «Книге Перемен»

Фу Сянь (III в.)	172
Мэн Цзяо (751—814)	173
Оуян Сю (1007—1072)	175

Содержание

Чжу Си (1130—1200)	177
Цю Чэн (XII в.)	179
Фан Сяожу (1357—1402)	181

3. Конфуцианская философская классика

в поэтических переложениях

Конфуций (Кун-цзы) (551—479 до н. э.)	182
Из «Лунь юя». Стихотворные переложения афоризмов Конфуция	187

4. Философская классика моизма

в поэтических переложениях

Мо-цзы (Мо Ди) (ок. 470—391 до н. э.)	207
Афоризмы Мо-цзы (Мо Ди)	209

5. Стихи и притчи чаньских мастеров и поэтов

в поэтических переложениях

Бодхидхарма (440—528)	215
Ши Ванмин (VI в.)	219
Хуэйинэн (638—713)	223
Цзи Гун (1130—1207)	226

Часть III

КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

(IV в. до н. э. — XVIII в. н. э.)

Цюй Юань (ок.340—278 до н. э.)	230
Цзя И (201—169 до н. э.)	236
Чжан Хэн (78—139)	240
Цао Чжи (192—232)	243
Тао Юаньмин (365—427)	250
Шэнь Юэ (441—513)	275
Чэнь Цзыан (661—702)	277

Содержание

Мэн Хаожань (689—740)	282
Ван Вэй (699—759)	288
Ли Бо (701—762/763)	309
Ду Фу (712—770)	336
Бо Цзюйи (772—846)	359
Ли Юй (Ли Хоучжу, Ли Чун-гуан) (император) (937—978)	370
Су Ши (1037—1101)	375
Ли Цинчжао (1084—1155)	388
Гуань Ханьцин (1219—1301)	399
Вэнь Тяньсян (1236—1283)	403
Гао Ци (1336/1337—1374)	409
Лю Цю (Цзы) (1392—1443)	415
Ли Мэнъян (1473—1530)	417
Ли Юй (прозаик, драматург, поэт) (1610?—1680)	421
Стихи из романа «Подстилка из плоти»	423
Цао Чжань (Цао Сюэцин) (1715—1763/1764)	426
Стихи из романа «Сон в Красном тереме»	428

Часть IV ПОЭЗИЯ КИТАЯ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА (XIX—XX вв.)

Тан Сыгун (1865—1898)	437
Лу Синь (1881—1936)	446
Го Можо (1892—1978)	453
Мао Цзэдун (1893—1976)	468
Ай Цин (1910—1996)	496
Чжэн Мин (род. в 1920 г.)	510
Хай-цзы (1964—1993)	514
Лян Сяо Мин (род. в 1963 г.)	532

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ю. М. Ключников. Разговоры с Дао <i>Стихи-подражания китайской поэзии</i>	536
Стихи французских поэтов, переводивших китайскую поэзию <i>(в переложениях Ю. М. Ключникова)</i>	551
С. Ю. Ключников. Поэзия в истории Поднебесной	554
Словарь символов китайской поэзии	647
Биографические и справочные данные о Ю. М. Ключникове.	651
SUMMARY. Biography	654
Современники (литераторы, деятели искусств, композиторы, журналисты) о Юрии Ключникове и его творчестве	659
Указатель стихотворений	671

От издателя

Сердечно благодарю всех людей, помогавших подготовить этот сборник. Моя особая благодарность профессору-синологу Анатолию Евгеньевичу Лукьянову, взявшему на себя нелегкий труд научного редактирования поэтической части сборника «Поднебесная хризантема», несмотря на свое несогласие с некоторыми теоретическими положениями, высказанными в статьях книги. Прошу не подходить к книге в целом и отдельным статьям со слишком строгими академическими мерками. Цель издания — показать красоту китайской поэзии, её глубинное созвучие с поэзией русской и привлечь внимание российского читателя к духовной культуре Поднебесной.

С. Ю. Ключников,
*главный редактор издательства «Беловодье»,
член Союза писателей России,
кандидат философских наук*

ПОЭЗИЯ ВОСХОЖДЕНИЯ

Я знакома с творчеством сибирского поэта и переводчика французской и персидской поэзии Юрия Михайловича Ключникова уже много лет. Этот тот редкий случай, когда, читая поэта, чувствуешь, что нет ни одного стихотворения, которое я бы не приняла как что-то очень близкое сердцу. Моя высокая оценка в полной мере относится и к его вольным переводам и переложениям китайской поэзии в книге «Поднебесная хризантема». В ней Ю. М. Ключников охватил огромный период китайской поэзии длиной в 30 веков — от «Ши-цзина» до Мао Цзэдуна и Хай-цзы. Ю. М. Ключников создал оригинальный жанр. Средствами русской поэзии с её рифмами и размерами он точно и качественно сумел передать настроение и дух каждого из представленных китайских мастеров слова. Для меня его вольные переводы и переложения, стихи по мотивам лириков Китая, приближающие китайскую поэзию к русской, сопоставимы с оригиналом. Ю. М. Ключников показал, насколько сакральна поэзия китайцев, даже если речь идёт о бытовых темах, явлениях природы или простых человеческих чувствах.

Удивительно, что это удалось сделать человеку, который не знает китайского языка. Кстати, само знание языка ещё не гарантия успешного перевода китайских стихотворений. Ю. М. Ключникову это удаётся благодаря его большому художественному

таланту, что подтверждают его коллеги — известные российские литераторы. Поэт проник в тайны китайской души и показал нам всем, что эта душа созвучна русской. Можно сказать, он искал Россию в Китае и нашёл её в стихах и одах поэтов Поднебесной.

Но нельзя не сказать о ещё одном объяснении творческого успеха 87-летнего поэта, всю жизнь работавшего в творческом плане над освоением наследия Востока, и в духовном плане — над собой. Такая работа пробуждает в творце мудрость и художественный дар — поэтическую интуицию. На крыльях «шестого чувства» поэт преодолевает языковые и культурные барьеры, и проникает в глубину и суть поэзии. В его творчестве удачно соединились внимательное изучение подстрочников и многочисленных переводов с собственными интуитивными прозрениями. Благодаря этому он пробивается сквозь сложнейшую «китайскую грамоту» иероглифов. В стихах поэт достраивает невидимые грани образа и смысла до совершенной гармонии и полноты.

Приведу пример, наиболее близкий мне. Возьмём известное высказывание Конфуция о периодах его жизни, в каждом из которых мудрец чему-то научился:

«В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учёбе. В тридцать я обрёл самостоятельность. В сорок лет я избавился от сомнений. В пятьдесят лет я познал волю неба. В шестьдесят лет я научился отличать правду от неправды. В семьдесят лет я стал следовать желаниям своего сердца».

Мне очень понравилось лаконичное и точное вольное переложение этого высказывания Конфуция, сделанное Юрием Ключниковым:

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

Учитель поведал:
«С пятнадцати лет
Я понял — без мудрости жизни мне нет.
Ещё раз число этих лет пролетело,
Как Дао отдал свою душу и тело.
Сомненья и слабости в сорок изгнал,
Свой будущий путь до конца осознал.
Обрёл в пятьдесят нерушимую веру,
Стал правду от лжи в шестьдесят отличать.
А в семьдесят сделал привычкою меру —
На крайности все налагаю печать».

В поэтическом переложении точно передано понимание, открывшееся мне в результате размышлений над творчеством знаменитого китайского мудреца. Мне особенно понравилось, как поэт сумел передать в этом стихотворении квинтэссенцию «Лунь юя» — идею непрерывного совершенствования как космический императив для человека. В стихотворении речь идёт не только о периодах жизни человека, но прежде всего об эволюции человеческого «я» и о ступенях восхождения.

И таких ярких открытий в книге много, они буквально рассыпаны по её страницам. Потому главное чувство, которое возникло у меня от сборника, могу выразить так: наконец-то у русского читателя появилась книга, позволяющая ему получить такое же наслаждение от музыки и красоты китайского стиха, какое доступно самим китайцам.

Давайте поздравим друг друга с этим событием!

*З. Г. Лапина, доктор исторических наук,
заслуженный профессор ИСАА МГУ,
китаевед, культуролог*

ТЫСЯЧЕЛЕТΙΑ ПОЭЗИИ КИТАЯ

Предисловие автора

1

Сборник, который вы держите в руках, часть большого литературного и культурного проекта, который я в меру своих сил пытаюсь осуществить многие годы. Этот проект предполагает перевод на русский язык лучших образцов мировой поэзии. Перевод художественный, то есть вольный. Начал я заниматься этим ещё в студенческие годы. Помимо написания собственных стихов (а я, прежде всего, русский поэт) пытался переводить французскую поэзию (Готье, Верлен, Рембо, Валери). Много лет читал и изучал западную литературу, а с 1977 года большую часть личного времени отдаю литературе Востока. Изучаю её, прежде всего, как поэт. По мере углубления в мировую культуру мне становилось ясно, что духовные учения, а также поэтические культуры Востока и Запада обладают удивительным созвучием. Выпустив два сборника вольных переводов — суфийской и французской поэзии, я вернулся к стихам китайских поэтов, в результате чего родилась «Поднебесная хризантема».

Китайская поэзия несравнима ни с какой другой, даже с французской и русской. Это не умаление мирового значения двух последних, это, на мой взгляд, справедливая констатация того факта, что в Китае были заложены прочные основы всей миро-

вой поэзии: идеи, темы, метрика, рифма и многое другое. Даже возраст сонета, как литературной формы, который, по общему мнению западных учёных, родился в XIII веке в Италии, может быть отодвинут на куда более ранние времена. По крайней мере в древнейшей «Книге песен» — «Ши-цзин», содержащей образцы поэзии XI в. до н. э., имеются стихи размером в 14 строк со смежной, перекрёстной и опоясывающей рифмовкой.

Я не китаевед и не историк китайской литературы, но в процессе работы у меня появилось собственное понимание жанров китайской поэзии, а также осознание периодов её развития. Заранее прошу прощения за вольную периодизацию и смысловой отбор стихов. Весь огромный свод китайской поэзии за 30 веков её существования я разделил для себя на четыре части:

1) древняя китайская поэзия, состоящая из песен, гимнов, од и первых стихотворений, своего рода прото-лирики, из которой потом родилась классическая лирика Китая, которую мы знаем и любим;

2) китайская философская классика, в которую входят «Книга Перемен» («И-цзин»), произведения даосских мыслителей (Лао-цзы и Чжуан-цзы), фрагменты творений Конфуция («Лунь юй»), произведения основателя моизма Мо Ди, переводы стихотворений чань-буддийских и даосских мастеров;

3) классическая лирическая поэзия, начинающаяся с откровений Цюй Юаня, жившего в IV—III веках до н. э. и завершающаяся произведениями поэтов XVIII века;

4) китайская поэзия нового и новейшего периода, современная социально-философская лирика, вбирающая в себя произведения поэтов конца XIX и всего XX века.

С одной стороны — это все огромное и единое древо китайской поэзии, с другой — четыре этапа становления поэтического гения Поднебесной.

В научной синологии принята периодизация поэзии Китая по «династическому» признаку: поэты династии Чжоу, Цинь, Хань, Тан, Цинь и т. д. Каждой из эпох соответствуют разные поэтические стили. Я почти не касаюсь данных тем, поскольку они слишком бы увеличили объём книги. Кроме того, меня интересовали не столько историческая и филологическая стороны дела, сколько рост духа Поднебесной, обеспечивший феноменальный культурный, экономический и политический взлёт этой страны, поставивший в тупик амбициозный Запад. В самом деле, Китай стал мировым лидером во всех вышеназванных областях за какие-то 30—40 лет. Как такое могло произойти? Когда-то Наполеон обронил знаковую фразу: «Китай — спящий гигант, и горе миру, когда этот гигант проснётся». Но, похоже, мощное китайское пробуждение — благо для мира, поскольку китайцы ведут очень ответственную политику на планете. Многие в китайском примере впечатляет, но одно из достижений Поднебесной — продуманная культурная политика. Государство повернулось к традиционным ценностям и народной культуре и стремится бережно сохранить их, приобщая народ и к древнему наследию, и высотам национальной и

мировой культуры. Оно поддерживает тягу жителей страны к чтению, прививает народу высокий художественный вкус, создаёт благоприятные условия для творчества писателей и поэтов. Кстати, поэзия в Китае с древнейших времён играет первостепенную роль. Едва ли не каждый император Поднебесной по традиции писал стихи, некоторые из правителей, включая Мао Цзэдуна, слыли крупнейшими поэтами. В каждом государственном чиновнике воспитано глубокое понимание важности поэзии для развития страны.

Над этими фактами стоит задуматься нынешним адептам западной цивилизации, вычеркнувшим религию и поэзию из сферы своих интересов. Любой европеец назовёт две древнейшие профессии Запада. И вряд ли знает самую первую на Востоке. А ведь первые письменные памятники «Ригведа» — в Индии и «Ши-цзин» в Китае — написаны языком поэзии. Это ли не свидетельство живучести и устойчивости восточных культур в отличие от западных?

Намерен в будущем сделать сборник англосаксонской поэзии и включить в него лучших поэтов США. Кстати сказать, Уолт Уитмен оказал очень большое влияние на поэзию Китая первой половины XX века.

Работая над книгой, я всё больше проникался благоговейным отношением и восхищением китайской поэзией и в конце концов поместил ряд собственных стихотворений, выражающих это чувство.

С самого начала этот труд задумывался не просто в качестве обычного сборника художественных пе-

реводов, но и как некий образовательный источник, способный нести знание о китайской цивилизации, её философии, литературе, поэзии. В конце сборника помещено обширное послесловие о поэзии Китая, сделанное моим сыном — составителем, творческим соратником, философом, филологом, культурологом, этнопсихологом Сергеем Ключниковым. Благодаря его помощи книга получилась подробной и в информационной части приближённой к академическим стандартам. Хочу заметить, что всё же это не энциклопедия или монография, а поэтический сборник, куда вошли далеко не все даже очень большие поэты Китая. Их слишком много для одной книги. Повторю: поэтическая муза Поднебесной не имеет аналогов.

2

Главная задача мне виделась в том, чтобы китайская поэзия в переводе звучала по-русски. Рифма — один из главных способов её русификации. Тут, признаюсь, шёл вопреки мнению зачинателя советской китаистики академика В. М. Алексеева, рекомендовавшего переводить китайских поэтов белыми стихами. По моим же представлениям, без рифмы, без созвучия — этих великолепных опор, создающих тело стиха, ни один ритмизованный текст не будет восприниматься русским читателем как стихотворение. Тот, кто сомневается, пусть попытается вспомнить и точно воспроизвести хоть один талантливый и запоминающийся образец, написанный белым стихом на русском языке. Боюсь, что это ни у кого, кроме специалистов, не получится.

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

В этом плане особо показательны переводы Л. З. Эйдлина, который, как справедливо пишет Е. В. Витковский, «довёл фактически до совершенства метод перевода китайских стихотворений в жанрах “ши” и “цы”, используя вместо каждого слова-идеограммы ударную группу слогов в русском стихе, что позволяет сохранять даже цезуру в нужном месте, даже не переставлять без крайней нужды слова» и, конечно, использовал рифму.

Я постарался максимально тщательно изучить все существующие переводы китайской поэзии. При этом в своей работе пользовался самыми разнообразными источниками, от буквальных подстрочников до прозаических и поэтических обработок, сделанных выдающимися отечественными синологами. Кроме того, входил в состояние творческой медитации, то есть мысленно погружался в текст стихов и в контекст соответствующих эпох. Слушал стихи в исполнении китайских артистов. В итоге убедился, что достижения предыдущих профессиональных переводчиков были столь значительны, что при любых художественных переводах лёгкие текстологические аллюзии с переводами профессионалов неизбежны — это и сила влияния текста, и дань уважения к ним со стороны любого переводчика-некитаиста. Тем более, что на Западе есть мнение, которое отчасти разделяют и сами китайские литературоведы, что стихи поэтов Поднебесной в принципе похожи друг на друга. Разумеется, это не может в какой-то степени не относиться и к их переводам. Допускаю, что при этом у кого-то

могут возникнуть ощущения узнаваемости стиха, ассоциации с китайскими стихами, переведёнными профессиональными переводчиками. Но на самом деле эта узнаваемость относится, разумеется, не к строчкам моих вольных переводов и переложений, которые текстологически уникальны, но, прежде всего, к размерам.

С почтением относясь к труду высоких профессионалов, я во имя сохранения духа первоисточника и точности перевода во многих случаях пытался сохранить тот русский размер, которым переводили китайские стихи В. М. Алексеев, Л. З. Эйдлин, А. И. Гитович, М. И. Басманов. Они прекрасно знали, какой размер лучше всего отражает глубинный смысл стихотворения. Надеюсь, что профессионалы не взыщут с меня за это слишком строго: я старался помнить правило, сформулированное известным переводчиком Пушкина на английский язык Джулианом Лоуэнфельдом: «Звучание — это значение». А кто кроме них, профессиональных китаеведов, лучше знает, как могли звучать эти древние тексты? И на что, как не на тексты филологов-китаеведов, мне было опираться при написании тех же кратких биографических очерков перед стихами? Хотя я в каждом из таких очерков старался подчеркнуть то, что ближе в этом поэте именно для меня.

Работая над переводами, старался не перегружать их китайскими терминами, именами, топонимикой, что потребовало бы обширных комментариев и уводило бы читателя от духа стихов. Сложность ситуации поэта, занимающегося вольными переводами

и свободными переложениями китайской поэзии и не знающего языка, проявляется в том, что в ряде случаев китаеведы и переводчики переводят одни и те же названия по-разному. Взять название «Канона песнопений» «Ши-цзин». Ряд переводчиков пишет это название слитно, как «Шицзин» (Л. З. Эйдлин, Н. Т. Федоренко, И. С. Смирнов), кто-то раздельно, но через дефис — «Ши-цзин» (М. Л. Титаренко), а кто-то раздельно без дефиса — «Ши цзин» (М. Е. Кравцова, А. Е. Лукьянов, А. А. Маслов, А. Г. Юркевич, Е. П. Синицин, Пань Фуэнь, а также специалисты, пишущие статьи на сайты «Википедия.ру» и «Синология.ру»). Я принял решение писать «Ши-цзин» и «И-цзин»: китаеведы убедили меня, что это два разных иероглифа, означающих два слова и что писать по-русски «Шицзин» вместе и одним словом всё равно, что написать «Канонпесен». Эту же ориентацию на стандарты сайта «Синология.ру» я сохранил и в других случаях написания китайских имён и названий.

Поскольку мой «китайский проект» это не только переводы и вольные переложения, но часто и просто поэтический отклик русского поэта на то или иное стихотворение китайского поэта, что, между прочим, вполне в традиции китайской поэзии, то в ряде случаев я позволял себе, с точки зрения классической школы перевода, «непростительные вольности» (иногда убирал топонимику, имена, сокращал длинные, иногда в несколько строк, заголовки стихотворения и пр.). Руководствовался правилом отличного советского «толмача-поэта» Вильгельма

Левика: «Главное при переводе, чтобы рождались хорошие русские стихи».

Образцом перевода для меня являются восемь строк Лермонтова «Горные вершины спят во мгле ночной», имеющие подзаголовок «из Гёте». Знатоки немецкого языка говорят, что лермонтовский перевод выглядит лучше оригинала. Что получилось у меня — не мне судить. Во всяком случае, это не «стихи-подстрочники». Возможно, мои тексты в ряде случаев (особенно это касается поэзии XX века) могут показаться ревнителям академической точности слишком вольными. Тут спорить ни с кем не берусь.

Конечно, филологи определяют, как лучше всего назвать книгу и к какому жанру её отнести мои поэтические опыты — к жанру вольных переводов, свободных переложений, подражаний, откликов, переключек и даже стихов по мотивам. Лично я сделал к названию именно такой подзаголовок — «Вольные переводы. Свободные переложения. Стихи по мотивам».

Что двигало мною в этом решении?

Во-первых, я не китаист-переводчик, а русский поэт, увлечённый Востоком. Это в духе русской поэтической традиции и здесь я иду за Пушкиным, Лермонтовым, Пастернаком, Николаем Гумилёвым, Маршаком. На Западе «вольной» логикой руководствовался американский поэт Эзра Паунд, свободным образом перелагавший поэзию китайцев (хотя я, уважая этого автора, ни в коем случае не возвожу себя в число его последователей). Во-вторых, хорошо понимаю, что, если человек не владеет языком первоисточника, «вольность» неизбежна.

Древних и средневековых поэтов Китая старался переводить, соблюдая максимальную тщательность в передаче духа стихов: перед классиками благоговейно. С более поздними поэтами XX века мне хотелось вести некий диалог, и я позволил себе большую степень свободы. Поэтому стихи китайских поэтов в этих разделах правильнее называть не вольными переводами, а подражаниями, свободными переложениями и стихами по мотивам. Поэт, выполняющий подобную работу, не столько переводчик, сколько со-творец, заново рождающий русский двойник китайского стихотворения. В этом смысле у меня есть предшественники. Например, средневековые поэты-суфии широко пользовались методом очень вольной передачи своих древних предшественников. Но называть такую поэзию сугубо авторской, сделанной исключительно «по мотивам» китайских стихотворений, как мне советовали друзья, считаю неоправданным. Тем более, что не имею стремления за столбить за собой исключительное авторское право на единственную версию перевода того или иного иностранного стихотворения с сутяжническими целями, как это иногда случается среди переводчиков.

Ещё раз повторю: мною двигало желание продолжить традицию русской классической поэзии и при вольных переводах не только учитывать верность букве, но и следовать красоте духа и образов. Без русификации же китайской поэзии у нас ей не обрести ту популярность, какой она пользуется у себя на родине. А мне бы очень хотелось, чтобы интерес к китайской поэзии в России стал бы ещё более масштабным

и массовым, что не может произойти без появления новых художественных переводов, приближающих китайскую поэтическую форму к русской.

3

Теперь о Китае и его культуре в целом. Успехи китайской цивилизации во многом можно также объяснить особенностями национального характера и духовной силы жителей Поднебесной. На мой взгляд, к особенностям китайского национального характера следует отнести такие черты, как терпение (не путать с толерантностью), сдержанность, умеренность, трудолюбие, высокая дисциплина, коллективизм, патриотизм, почтительное отношение к государству и предкам, умение дистанцироваться от негативных внешних влияний, склонность к порядку и выполнению долга, любовь к ритуалам, неизменная верность традиции, практичность, одухотворённость, жизнелюбие.

Как китайцам удалось пронести свою духовность и черты национального характера через тысячелетия истории, не поддаваясь многим искушениям, иллюзиям, а часто жестокому внешнему вмешательству, — это вопрос, требующий специального исследования. В послесловии к сборнику, сделанному моим сыном Сергеем, содержится попытка осмыслить это явление. Но я убеждён, что в значительной степени отвечают на этот вопрос сами стихи.

Работа над вольными переводами и переложениями помогла мне приблизиться к пониманию глубинного единства основных мировых поэтических культур, в каждой из которых есть одни и те же

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

темы, сходные образы, идеи и даже стихотворные формы. Может быть, осознание этого единства по-может хотя бы чуть-чуть умиротворить ту раскалённую вражду, которая, увы, с каждым годом лишь нарастает в современном мире.

В завершение я хотел бы сказать несколько добрых слов о китаеоведах и переводчиках китайской поэзии, без которых этой книги просто не было бы. Мы всегда стоим на плечах наших предшественников, и чувство благодарности заставляет меня низко склонить голову перед их подвигами. Это касается и дореволюционного китаеведения, и особенно советских исследователей философского и поэтического наследия Поднебесной: ведь именно они сумели в период цензуры и преследований, которые иногда заканчивались лагерями и расстрелами, перевести огромное количество китайских древних текстов. Потому имена Н. И. Конрада, В. М. Алексеева, Ю. К. Щуцкого, А. А. Штукина, Л. Е. Черкасского, А. А. Штернберга, А. И. Гитовича, Л. З. Эйдлина, И. С. Лисевича, М. И. Басманова, В. Н. Рогова, В. Г. Тихомирова, Э. В. Балашовой, И. С. Голубева для меня высокочтимы. Я высоко ценю современных китаеведов и переводчиков М. Е. Кравцову, З. Г. Лапину, А. Е. Лукьянова, Е. В. Витковского, И. С. Смирнова, А. В. Панцова, А. И. Кобзева, Л. Е. Бежина, В. В. Малявина, А. А. Маслова, Б. Б. Виноградского, И. И. Семененко, Н. М. Азарову, С. А. Торопцева, И. А. Алимова, В. П. Абраменко, Ю. А. Дрейзис. Если кого-то забыл, заранее прошу прощения. Знаю, что между китаеоведами не всегда царит мир, но пусть он будет хотя бы на страницах моей книги.

Особая благодарность «советскому китайцу» — «марксисту», как его аттестует Википедия, — Ян Хиншуну, который ещё в 1950 году опубликовал лучший перевод на русский язык «Дао дэ цзина». По свидетельству китаевода З. Г. Лапиной, лично его знавшей, это был «скромнейший и благороднейший человек» со сложной судьбой. Я взял его текст за основу для стихотворного переложения знаменитого памятника, который помог мне, помимо решения чисто литературных задач, лучше понять душу китайского народа.

Также моя особая признательность литературным редакторам книги Г. В. Иванову и М. С. Бушуевой за редактирование этого непростого текста, научному редактору А. Е. Лукьянову за его профессиональные советы и уточнения, а также Т. В. Смирновой за кропотливую текстологическую работу. И, конечно, главная благодарность моему соратнику во всех творческих начинаниях сыну Сергею. Без его огромной всесторонней работы книга просто не состоялась бы.

PS. «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется», — сказал поэт и был тысячу раз прав, особенно в отношении слова поэтического. Когда тридцать с лишним лет назад я написал стихотворение «Блуждания», в котором примерил на себя китайский зонтик и описал личные трудности в постижении Дао, то думать не думал, что пройдёт ещё тридцать с лишним лет и я поставлю это стихотворение эпиграфом к сборнику переводов «Поднебесная хризантема».

БИЕНИЯ

*Заждались мы дождя.
По заморским пределам скитаясь,
Удостоил и нас,
Наконец, он явленьем своим.
Я шагаю на дачу
Под старым зонтом, как китаец,
Почему бы на время
Себя не почувствовать им?
Бьются капли о зонтик
В небесном своём упоенье,
По малиновым листьям
И в шляпку поганки-гриба.
Я бы одой почтил
Все на свете дожди и биения,
Если б рёбра мои
Слишком часто не била судьба.
Впрочем, кто же ответит,
Где меру она отсчитала?
В голове моей бьются
И строятся в строчки слова,
Я пытаюсь понять,
Я пытаюсь почувствовать Дао,
А оно не даётся,
Природа его такова.*

1980

Часть I
ДРЕВНЕКИТАЙСКАЯ ПОЭЗИЯ
(XI—VI вв. до н. э.)

Все историки культуры Поднебесной сходятся во мнении, что вся китайская литература начинается с поэзии. Самые древние стихи Китая, а может, и всего человечества — это, конечно, «Ши-цзин» — «Канон поэзии». Первые поэтические опыты человечества, предпринятые 3000 лет назад (вдумаемся — не 300, не 500, даже не 1000 лет, а именно 3000!), восхитительны!

Как много общего в чувствах людей того и нашего времени! Как современно звучат некоторые песни и стихи, словно написанные в наши дни! Конечно, люди в те времена знали о мире меньше, однако в некоторых отношениях, таких, как, например, понимание духовного пути или чистота восприятия, превосходили нас. А древняя поэзия Китая, особенно когда она начинает говорить о любви, природе, жизни и смерти, о взаимоотношениях властей с народом и т. д., становится очень близкой и созвучной нашим дням. Чего стоят лишь протестные настроения простых людей по отношению к власти имущим: такие мотивы проходят через весь «Канон поэзии».

Китайская поэтическая старина содержит нетленное ядро — неизменные истинные смыслы и коды,

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

которые нужно расшифровать. Чем проще и ближе к сердцевине, тем лучше. Некоторые из тем архаической поэзии явственно преобладают: любовь к природе и людям, протест против всевластия чиновников и одновременно тема восхваления императора. Оказывается, русский сюжет: «хороший царь — плохие бояре» был чрезвычайно популярен в Древнем Китае.

Архаические стихи Поднебесной отличаются музыкальностью; многие из них стали песнями, исполнение которых сопровождалось звучанием колоколов и барабанов. Китаевед А. А. Штукин писал:

«В средние века китайская культура и развивавшаяся традиции “Книги песен” поэзия хлынули широким потоком в Японию, Корею и Индокитай, и мы могли бы найти мотивы “Книги песен” и цитаты из неё и в поэзии этих стран. И если китайскую культуру мы не можем не назвать культурой мировой, то и “Книгу песен”, как один из величайших памятников этой культуры, мы не можем не признать литературным памятником мирового значения».

ИЗ «ШИ-ЦЗИНА»

Самый древний памятник литературы и культуры Древнего Китая, восходящий к Чжоуской династии (XI в. до н. э. — III в. до н. э.) и называемый в Поднебесной «энциклопедией китайской жизни», «Ши-цзин» можно сравнить по своему культурному значению для Китая с «Авестой» для Древнего Ирана или с «Бхагавадгитой» для Индии. Книга входит в основной набор канонических текстов Китая, называемый «Пятиканонием». Китаеведы (в частности, академик В. П. Васильев) называли её «основанием всего развития китайского духа», и считали «Ши-цзин» настоящим кладом знаний об истории, нравах, обычаях, представлениях далёкого прошлого, более древнего, нежели времена «Илиады» и «Одиссеи».

В «Ши-цзине» собраны 305 народных песен и стихотворений, принадлежащих творцам разных эпох. Первым редактором «Ши-цзина», совершившим отбор и литературную правку произведений, вошедших в сборник, был, по всей видимости, сам Конфуций. Он полагал в основу воспитания учеников принципы этого канона.

В «Ши-цзине» можно встретить и попытки объяснить глубинную природу вещей — Небо, первопричину мироздания, *инь* и *ян*. Термин «*тянься*» означающий «Поднебесная», то есть страна, где живут

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

китайцы, идёт отсюда. В «Ши-цзине» постоянно звучит тема земной любви; учёные отмечают, что истоки любовной лирики, как и всей китайской поэзии, нужно искать именно здесь.

«Ши-цзин» дошёл до наших дней в иероглифах. Учёные полагают, что «Ши-цзин» представляет собой «единство текста, аккомпанемента и танцевальных движений». Конфуций считал, что циклические повторы некоторых песен воспроизводят родовую гармонию: «Начинай со стихов, утверждайся в ритуале и завершай музыкой». Мудрец глубоко понимал значение сакральной природы повторений каких-либо ритуальных действий, молитв, словесных формул, движений. По-видимому, он был убеждён в том, что подобное осознанное воспроизведение священных формул помогает не только лучшему запоминанию чисто интеллектуальной информации, но и усвоению высоких истин на более глубоком духовном уровне. Чем чаще и сознательнее человек повторяет ритуалы, тем более совершенным становится его поведение и внутренний мир. А это в свою очередь облагораживает и гармонизирует внешний мир, улучшает людей и порядки. Конфуций был убеждён, что регулярное повторение прекрасного не может не приносить человеку радость. Речь идёт не просто о повторении изученного через воспроизведение информации морального характера для её лучшего запоминания, но о творении и умножении прекрасного, гармонизации жизни.

«Канон поэзии» был по достоинству оценен в мировой культуре. В XIX веке Ф. Рюккерт сде-

Часть I. Древнекитайская поэзия

лал его перевод-переложение на немецкий язык. В XX столетии литературный перевод «Ши-цзина» на английский язык осуществил американский поэт-авангардист Э. Паунд (1885—1972). В СССР первый полный его перевод в 1957 году сделал выдающийся советский китаевед А. А. Штукин (1903 —1963). А в сокращённом виде в переводе известного поэта и переводчика В. Б. Микушевича «Ши-цзин» вышел в 1969 году. Полный художественный перевод «Ши-цзина» в 2016 году сделал В. П. Абраменко.

Я сделал вольные переводы целого ряда стихотворений из «Ши-цзина»: «Наставление царю», «Печаль оставленной женщины», «Орхидеи и пионы» (к двум последним стихотворениям я дал собственные названия), а так же «Девятнадцать древних стихотворений». Когда таким способом переводишь текст с другого языка, наделяя его отечественной рифмой, происходит таинство: древний смысл оживает, втекая в реку русской поэзии, и оказывается, что древо поэзии едино.

* * *

Мы слышим в лесу за ударом удар,
Там дерево рубит невольник труда.
Он сложит стволы и сучки уберёт.
Такой на селе проживает народ.
Но люди у нас и другие живут.
Они не страдают, не сеют, не жнут.
Не рубят дрова и не строят дома,
Но любят тепло и свои закрома.
В покоях их сделано много дверей.
Лежат на полу у них шкуры зверей.
Таких как больших благодетелей чтут.
Но где их дела, благородство и труд?
Поистине, муж благороден тогда,
Когда он заботлив о людях труда*.

* Дано в сокращении — перед нами первая часть песни-трилогии «Удары звучат далеки-далеки», относящейся к периоду Чуньцю.

ПЕЧАЛЬ ОСТАВЛЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ

Я с тобою бок о бок всю жизнь провела
И любимой была, и была хороша.
А теперь к окончанию летнего дня
Объясни, почему ты покинул меня?
Отчего ты так холоден стал и лукав?
Или плохо за твой я держалась рукав?
Или прежняя нежность ко мне умерла
И другие тебя потянули дела?..
О не будь так жесток и забывчив не будь!
Вспомни пройденный незабываемый путь.

**ПРОШУ ПАРНЯ НЕ ЛАЗИТЬ
КО МНЕ ЧЕРЕЗ ЗАБОР**

Чжуня я прошу через забор
Ночью к нам не лазить больше в сад.
Много натерпелась я с тех пор.
Близкие за то меня бранят.
Дескать, он не мальчик и не мал.
Времени хватает и на дню...
Тутовые ветки обломал,
Опозорил всю нашу родню.
Парень по душе мне и теперь.
Но прошу: через забор не лазь.
Для любви всегда открыта дверь.
Не позорь на людях нашу связь.
Опасаюсь общего суда —
Слишком вольной на селе прослыть.
Чжун желанен девушке всегда,
Только надо осторожной быть.

ИНЬ И ЯН

Умный мужчина башни
К Небу возводит,
Умная женщина может
Повергнуть мужчину ниц.
Такие бывают
Очень часто похожи
На сов, что охотятся ночью,
И прочих стервятников-птиц.
Длинными языками
Распространяя злоречье,
Они навлекают беды,
Творя неправедный суд.
Порою даже князья
Жёнам своим не перечат:
Какой, мол, убыток словами
Царству они нанесут?!
Мудрому слишком ясно
Видны у женщин пороки.
Он жене не позволит
Лезть не в свои дела.
Есть у неё заботы,
Обязанности и дороги —
Мужу чтобы служила,
Чтила, пряла, ткала.

ОРХИДЕИ И ПИОНЫ*

Молвит девушка дружку:
«На высокий бережок,
Поднимись со мной, дружок
Орхидеи соберём —
Будет весело вдвоём!»
Он в ответ ей говорит:
«Разве здесь нехорошо нам?»
«У меня душа горит, —
Дева шепчет, — по пионам».
Переходят Чжэнь и Вэй
На другие речки склоны.
Там возлюбленной своей
Дарит юноша пионы.
Хороша в реке вода,
Ветер бродит над водою.
Молвит девушка: «Когда
Вновь увидимся с тобою?»
Отвечает парень ей:
«Разве мало этой встречи?»
Шепчет девушка: «Скорей
Приходи сюда под вечер».
Так и топчут целый день
До утра речные склоны.
И срывает дева Чжэнь
Разноцветные пионы.

* Согласно китайской символике орхидеи и пионы — интимные органы.

* * *

Коль сын родился, следует воздать
Хвалу судьбе, приняв его в кровать
Родителей. И рядом положить
Семейный жезл. Да будет долго жить,
Владеть хозяйством, продолжая род,
Пока его судьба не приберёт.
Но если дочь появится на свет,
Тогда другой родителям совет.
Пускай в пелёнки пеленает мать,
Вручит горшка осколок поиграть.
Циновку ей постелит на полу,
Пусть учится прислуживать столу,
Варить еду, заквашивать вино.
Добро и зло творить ей не дано.

ЖАЛОБА НАЛОЖНИЦЫ

Сколько звёзд в вечернем мирозданье,
Ярких — меньше пальцев на руке.
К князю тороплюсь я на свиданье.
Радость встречи — как вода в реке.
Принесут нам вина и посуду,
Одеяло — главная жена.
Но недолго продолжаться чуду —
На рассвете я уйти должна.
Участь звёзд и женщин не одна...

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

Северный ветер внезапно и резко подул,
Чувствую — он предвещает большую беду.
Руку мне дай, если любишь и я дорога,
Вместе умчимся от злобного ветра-врага.
Ждать ли, что мимо промчится он вдруг стороной,
Этот безжалостный северный ветер степной?
Северный ветер из края лисиц и ворон*
Знаки дурные со всех посылает сторон.
Северный ветер. Деревья его не хотят.
Листья, как хлопья, летят от него и летят.
Если ты любишь и если тебе я нужна,
Руку подай мне — у нас колесница одна!
Если ты любишь меня, второпях не забудь.
Руку мне дай, и мы вместе отправимся в путь.

* Лисы и вороны по китайской символике несут дурные предзнаменования.

ПРИНЦЕССА

Пальцы княжны —
Как травинки, прелестны и гибки.
Губы её источают
По-детски улыбки.
Зубы — как семечки тыквы —
Белеют во рту,
Чуть обнажая
Свою красоту.
Голос — цикады,
От бабочки — брови, а кожа
Нашей принцессы
На масло с мороза похожа.
О, как прекрасна,
Светла, благородна, нежна.
Как ненаглядна
Красавица наша княжна!

ПОУЧЕНИЕ ЦАРЮ

I

Крепко сделанный лук будет долго стрелять,
Полетят его стрелы и цели найдут.
Так и правое царство начнут прославлять,
Если правильно выстроишь нравы и труд.

II

Цель правления — мир, смысл правления — лад
И с роднёй, и с народом — в этом ищи оплот.
Если подданным станешь, как старший их брат,
Значит, власти вкусишь её подлинный плод.

III

А заставишь людей лишь утехам служить,
Сам оставишь труды, переступишь закон —
И народу захочется сладко пожить.
Как ведёшь себя сам, так поступит и он.

IV

Нет в народе добра и в чиновниках нет. —
Тянут тот и другой по своим сторонам!
Оттого в Поднебесной нашествие бед,
Что почтенье исчезло к труду и к чинам.

V

Старый конь потягаться не прочь с молодым,
Только эти надежды придуманы зря.
Время тешить желудок едой и вином —
Для придворных закончилось и для царя.

VI

Обезьяну не учат скакать по ветвям.
Грязь не надо плодить, лучше чистить её.
Если предан добру, будешь добрым и сам,
Станет светлым твоё и людей бытие.

VII

Снег зимой заметает труды и следы,
Но однажды растает с приходом лучей,
От негодных вельмож слишком много беды.
Смой же царь таковых, как весенний ручей.

VIII

Ведь и мы уподобились все дикарям,
Всюду варвары правят, и в скорби сердца.
Стань подобием светлым старинным царям
И посылаю тьму уברי до конца!

**ДЕВЯТНАДЦАТЬ
ДРЕВНИХ СТИХОТВОРЕНИЙ**

Отнесение этих «Девятнадцати древних стихотворений» в разряд архаики весьма условно, поскольку их письменная фиксация была совершена четыре века спустя после Конфуция. Как выглядела вообще поэзия Китая доконфуцианского периода — предмет спора китайских учёных до сей поры. Однако, учитывая высокую требовательность, даже скрупулёзность древних, можно не сомневаться, что они в высокой степени донесли до нас дух и букву стихотворного цикла, созданного ещё до Конфуция.

Наконец, для меня несомненен факт переклички цикла стихов Мао Цзэдуна, (цикл назван «Восемнадцать стихотворений», его первая публикация состоялась в 1957 году) со стихами древних поэтов.

1.

Одна я осталась.
Ты тоже, надеюсь, один,
Возлюбленный мой
И единственный мой господин.
Меж нами легли
Бесконечные долгие *ли*.
Живём и тоскуем
Давно друг от друга вдали.
Недолгой была
Наша радость и наша любовь.
Не знаю, придётся ли
В будущем свидеться вновь?
На севере конь твой
В опасных кочует степях.
А птица тоскует твоя
На весенних ветвях.
Я каждое утро
По дому скитаюсь одна.
Тростинкою стала
И таю, как тень, у окна.
Одежда опала на мне,
Истомила тоска.
Серебряный локон
Недавно повис у виска.
Ах, солнце от нас
Занавесило лик золотой,
И ты потерял,
Господин мой, дорогу домой.
Но хватит об этом!
Себя сохрани, не грусти.
Еду не забудь
И неверность в себя не впусти.

2.

Изумрудна трава и нежна.
Постучалась весна в окно.
Прислонилась к нему жена,
Сразу видно — тоскует давно.
Лунный лик под снегом белил,
Для объятий назначен стан.
Не хватает на радость сил —
Не впускает печаль румян.
Петь жене бы, как в прошлые дни,
Украшать бы улыбкой уста.
Только прелесть её в тени,
Только вянет её красота.
Что тепло ей, свет, тишина...
Где супруг, там теперь метель,
И стоит у окна жена,
Сохраняет мужу постель.

3.

Здесь тянется к небу
На склоне горы кипарис.
А рядом ручей
По камням
Устремляется вниз.
Под небом живёт человек
И ступает по вечной земле.
Недолго живёт,
Исчезает песчинкой в золе.
Лишь чаша вина
Его может порою увлечь.
Но вкусом и мерой
Умеет он не пренебречь.
Все ждут перемены.
Конец наступает всему.
Однажды весёлых забав
Захотелось ему.
Он лошадь запряг
И погнал свой простой шарабан
В столицу страны —
Под названием город Лоян*.
Здесь в чинном уюте
Не встретишь ни пьяных, ни драк.

* Лоян — столица Древнего Китая.

В толпе не увидишь
Одетых в тряпье работаг.
Дворец властелина
Вельмож окружают дома.
А роскошь такая,
Что можно лишиться ума!
Две башни повыше,
Чем сто или более чи**.
Задрали вершины —
Гляди, восхищайся, молчи!
И всюду пиры
И забавы смешней и смешней...
И горная грусть
Оказалась пришельцу нужней.

** Чи — китайский фут — 22,5 см.

4.

Был задан сегодня
Нам праздничный пир,
Что каждый хотел,
То вкушал здесь и пил.
Раздался на лютне
Волшебный мотив,
Вниманье гостей
Целиком захватив.
Кто музыку знает
И в ней искушён —
Недолго бывает
Тому хорошо.
Ведь жизнь человека —
Короткая быль.
Поднимется — ляжет
Дорожная пыль.
И лучше коня
Своего подстегнуть
И вслед за чинами
Отправиться в путь.
Не мыкаться в жизни
Туда и сюда.
Не гнуть свою спину
Под грузом труда.

5.

Там облако смотрит
В окно до зари,
И северо-западный ветер царит,
Он, башню обняв,
Чуть колышет цветы,
Что вьются на ней,
Не боясь высоты.
Из башни звучание
Слышится струн
И голос печальный,
Как тысяча лун.
И трогает душу
Манящий напев.
Наверное, создан
Небесной из дев.
Осенняя песня
Звенит на ветру.
Как редко такую
Услышишь игру!
Напев освещает
Туманы и тьму.
И эхо далёкое
Вторит ему.
На сердце не жалость
К певиче, а боль.
Ценителей мало,
И гаснет любовь...
И хочется лебедем
Сделаться вдруг
И с песней умчаться
За облачный круг.

6.

Прекрасны лотосы
Над утренней водой,
Срываю их
Для девы молодой.
Под вечер
Подарю свои цветы
Лишь той, о ком
Всегда мои мечты.
Но что же и куда
Влечёт мечту?
Уходит путь
Куда-то в пустоту.
Как тяжело
В разлуке жить с мечтой,
Единственной,
Далёкой и святой!

7.

Луна морозов
Предвещает срок.
Сверчок советует
Готовить платье впрок.
Небесный Ковш*
Готовится к зиме,
Гирлянды звёзд
В ночной сияют тьме.
Траву укрыла
Зябкая роса.
Звенят цикад
Тревожных голоса.
И птицами
Скрываются вдали,
Те, с кем мы вместе
Жили и росли.
Они с высот
Руки не подадут,
Не улыбнутся,
Слёзы не утрут.
Утихли,
Словно давних звук шагов.
Вода Ковша
Вне наших берегов.
Когда приходит
Хмурая зима,
Корове* в небе
Не надеть ярма.
И друг, коль верность
В сердце не несёт,
Одним своим названьем
Не спасёт.

* Названия созвездий.

8.

Словно старец, согнулся вдруг
Одинокó растущий бамбук.
Что растёт на уступе горы,
Ловит хрупкого счастья дары.
Так сгибает тоска и меня,
Без неё не бывает ни дня.
Замуж взял меня только и вдруг
Господин мой уехал на юг.
Не могу на супруга взглянуть,
Повиликой к платану прильнуть.
Я печалюсь о том, что цветок
Орхидеи распухнет в срок.
Но увянет прекрасная стать,
И цветок позабудут сорвать.
Старюсь я от него вдалеке...
Ах, нельзя предаваться тоске!
От раздумий таких и от слёз
Поселяется в сердце мороз.
Верю — пылью не станет гранит,
Верность мне господин сохранит.

9.

Это дивное дерево
В белых цветах
Точно светлая весть
О весне в облаках.
Наломая ветвей
И сложу в рукава.
Закружилась в надеждах
Моя голова.
Аромат этот дивный
И эту красу
Как подарок любимому
В дом отнесу.
Но цветы прошептали
Светло и легко:
«Подарить не сумеешь,
Твой друг далеко».

10.

Высоко, высоко
На небесном мосту
Деву звёздную ждёт
Одинокий Пастух*.
И она от него
Далека, далека.
Наклонилась у ткацкого,
Молча, станка.
Руки звёзд неподвижны,
Сияет чело.
Не умеют те руки
Соткать ничего.
Дева, кажется, плачет,
Задумчив Пастух*.
А в реке отраженье
Тоскующих двух.
Они рядом в воде
Друг на друга глядят.
Но и здесь непонятно,
О чём же грустят.

*Дева, Пастух — созвездия.

11.

Бесконечна дорога —
Путь вещей и людей.
Сильный ветер с Востока
Погнал лошадей.
Он нас вспять отправляет,
Срывает траву.
Пыль в пути поднимает,
Роняет листву.
Никогда не встречаю
Ушедшую быль.
Зелен был — белым сделался
Летний ковыль.
Не замедлится возраст,
Не взять его в плен.
Никому не подвластен
Закон перемен.
Человек не похож
На скалу и металл,
Веку надо вернуть,
Что когда-то он дал.
Рассыпается плоть,
Превращается в прах.
Только доброе имя
Не тлеет в веках.

12.

За глухую стеною
Высокой и длинной
Расцветает в деревьях
И в травах долина.
Нигде нет в стене той
Разрыва заслонов,
Везде продолженье
Границ и сезонов.
Инь-ян продолжают
Течение жизней.
И свадьба приходит
За смертью и тризной.
Зачем нам, себя
Ограничив запретом,
Часами испытывать
Горе при этом?
Морщин прибавлять,
Огорчений и трещин...
Немало в стране
Неустроенных женщин.
Их лица прекрасны,
Как лотос и яшма.
К одной из таких
Мне приблизиться страшно.
Она напевает,
Что ей одиноко,
Что мужа она
Потеряла до срока.
Как только той ласточки
Песнь заструится,
Мечтаю я сразу
В гнездо к ней вселиться.

13.

Я с востока гоню
Лошадей всё вперёд
На кладбищенский север,
Что каждого ждёт.
Кипарисы и сосны
Там тихо шумят.
Под деревьями предки
Беспамятно спят.
Кто погиб молодым,
Кто дожил до седин,
Не восстал ото сна
За века ни один.
Вечно движутся в мире
Потоки *инь-ян*.
Срок пожить на земле
Ненадолго нам дан.
Плоть, которая душу
Живущих хранит,
Не вечна, как река,
Не прочна, как гранит.
Год и тысячи их
Промелькнут, словно сон.
Ни мудрец, ни святой
Не нарушат закон.
А кто чашу бессмертия
Жаждет вкусить,
Те быстрее тела
Прекращают носить.
Так не лучше ли душу
Вином ублажить.
А для тела одежды
Нарядные шить.

14.

Становится чужой моя земля,
Та, что казалась мне всего роднее.
Распаханы могилы под поля,
Рис молодой поднялся, зеленея.
На месте кипарисов кучи дров,
Повырублены сосны повсеместно.
Одни осины ловят шум ветров,
Ждут участи своей, какой — известно...
О, мне бы возвратиться в домик свой.
Коснуться пальцем милого порога!
Но заросла цветами и травой
Когда-то столь знакомая дорога.

15.

Если рвётся судьбы так легко невесёлая нить,
Если ночь непрерывна, а радость мгновенна,
Ты свечи колыханье сумей в темноте полюбить —
Разве знаешь ты срок, когда ждёт на пути перемена?
Когда выпадет снег? Когда голос из Северных врат
Позовёт и тебя? И все вещи сгорят, как поленья?
А потомки тебя лишь насмешкой своей наградят,
Если жизнь ты потратил на суетный пыл

накопленья.

Говорят, только Цяо бессмертия в жизни достиг —
Вечной жизни тропа для него в небесах

приоткрылась.

Но, увы, наша жизнь — миг горенья свечи,

только миг! —

И нам вряд ли, признаюсь, такую пожалуют

милость.

16.

Цикада звенит
И о чём-то печалится вдруг.
Как горек для сердца
Томительной осени звук.
Стремительный ветер
Жестокие песни поёт
О том, что в разлуке
С мною любимый супруг.
Я сплю одиноко
Уж многие сотни ночей.
И вдруг, словно птица,
Влетел в мою комнату он.
Тот образ явившийся
Был и не мой, и ничей.
Под утро приснился
Мне радостный сон.
Напомнил о встрече,
Которая ждёт впереди.
Сказал, что желанны
И речи мои и мой лик.
И руку подал,
И помог мне в коляску взойти...
Виденье моё
Продолжалось единственный миг.

И вновь холодна и пуста
В моей спальне кровать,
Как ласточке вместо гнезда
Неуютная клеть.
Не смог наяву
Господин у меня побывать.
И я не могу
Вслед за ним улететь.
Ищу его взглядом
И сердцем печальным зову.
В тоскующей памяти
Перебираю слова.
Я видом похожа,
Наверно, давно на вдову.
Хоть людям известно,
Что я-то совсем не вдова.

17.

Мне северный ветер —
Нерадостный гость.
Сквозь тело и душу
Проходит насквозь.
И грусти тогда
Настигает волна,
И холодно светит
Ночами Луна.
Но гость появился
Однажды другой.
Подарок принёс
От тебя дорогой.
Письмо, где ты тоже
В глубокой тоске.
Я весточку долго
Держала в руке.
Кладу твои письма
Себе в рукава,
Читаю и вновь
Повторяю слова.
Как плачу ночами,
Как ждёт тебя дом,
Не ведаешь ты,
Господин мой, о том.

18.

Как сделались ночи постылы,
Как дни неуютно бегут,
Как радости тешат простые —
Прислал ты мне ткани лоскут!
На ткани две грустные птицы,
Прижавшись друг к другу, сидят.
И вздрогнули сразу ресницы,
И мой затуманился взгляд.
Сошью из куска покрывало
Вплету в него крепкую нить,
Подаренных птиц, как бывало,
Попробую соединить.
Цветами подарок украшу,
Сложу на пустую кровать —
Пусть верность великую нашу
Не сможет ничто разорвать.

19.

С неба месяц унылый
Проник в мою спальню.
Осветил на пути
Одинокую пальму.
Я, как тень этой пальмы,
По дому блуждаю.
Где же ты, что с тобою?
Об этом гадаю.
У себя на чужбине
Охотишься, может?
Веселишься за чаркой,
Печалишься тоже?
Выхожу из покоев,
Гляжу на дорогу.
Кто почует тоску мою,
Боль и тревогу?
Эти чувства печальные
Тучам вверяю,
А случайные слёзы
Я не вытираю.

Часть II

КИТАЙСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ КЛАССИКА В ПОЭТИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДАХ

О каких бы направлениях китайской философии мы ни говорили, все они пронизаны, во-первых, культом предков, во-вторых, пониманием мира как единства мужского и женского начал. Причём это единство трактуется расширительно, включает в себя единицу с нулём, свет — тьму, плюс — минус, активность — пассивность и т. д., то есть, по существу, все антиномии мира.

Ещё одна особенность китайской философии (и поэзии тоже) — некая эмоциональная непривязанность души к объекту созерцания, умение мудреца, наблюдающего за потоком жизни, сохранить внутреннюю свободу. Это не равнодушие, но душевная собранность, зрелость, не позволяющие поэту и философу дать втянуть себя в так называемые «переживания», которые ничего по существу не дают человеку, но лишь энергетически опустошают его. На этом основан популярный в Китае принцип «недеяния», означающий не бездействие, но мудрое сочетание активности и пассивности, контролируемое Дао.

В своей глубинной основе мир един. Познание вселенной и правильное взаимодействие с ней могут быть достигнуты с помощью сплава интуиции, ума, эмоций и воли — в сумме Покоя. Вспомним

пушкинское: «На свете счастья нет, но есть покой и воля...». Гармония как синтез противоположностей и традиция, уходящая в толщу несказанной древности, — вот что представляет собой основы китайского философского мировоззрения.

Китайская философия включает в себя учения различных школ и направлений — идзинистику, даосизм, конфуцианство, моизм, чань-буддизм — богатейшее культурное наследие человечества, наполненное множеством идей. Философские тексты написаны как обычной прозой (это поздние трактаты), так и стихами, ритмизованной прозой, иногда с рифмой внутри. Эта манера непривычна для русской литературы. Потому я переложил некоторые работы великих китайских философов тоже русскими стихами с их традиционными размерами и русским способом рифмовки. При этом хорошо понимал, что рифмованный перевод ряда философских произведений (прежде всего «Дао дэ цзина») сделает их смысл менее многозначным. Однако исходил из того, что любая трактовка, любое прочтение — всегда некоторое сужение, привносящее в многоплановость смысловую определённость, и пошёл на этот рискованный эксперимент, руководствуясь той же задачей — приближения китайской культуры к русской поэтической.

Те же, кто ищет точность перевода на уровне первоисточника, могут обратиться к академическим переводам со множеством комментариев.

Из огромного корпуса китайских текстов я отобрал: 1) фрагменты из книги «И-цзин» (собственно,

Часть II. Китайская философская классика в поэтических переводах

это были встроенные в основной текст стихи древних поэтов, воспевающие знаменитую гадательную книгу Поднебесной), 2) бессмертный трактат Лао-цзы «Дао дэ цзин» (он мне дался в моей «вольно переводческой» работе всего труднее), 3) даосские притчи в исполнении Чжуан-цзы и некоторых других авторов, 4) фрагменты из книги Конфуция «Лунь юй», включая его афоризмы, 5) высказывания великого китайского мудреца Мо Ди, вошедшие в его книгу «Мо-цзы», 6) чаньские притчи.

В «Поднебесной хризантеме» отсутствуют образцы текстов весьма влиятельной в Китае легистской философии. Между тем, легизмом проникнута деятельность почти всех китайских правителей. Самый крутой и успешный из них — Мао Цзэдун — предпочитал писать изящные лирические стихи, где нет и тени этого очень жёсткого учения. Китайский лидер таким образом уравнивал своё сознание, вписывая себя в идею даосского Покоя.

1. ДАОССКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ КЛАССИКА В СТИХОТВОРНЫХ ПЕРЕЛОЖЕНИЯХ

Даосизм — одно из главных философских направлений Китая, сохранившее громадное мировоззренческое влияние на общество до сей поры. Замечу, что в Китае философия (прежде всего поздний даосизм и чань-буддизм) во многом связана с глубокими духовными практиками, чем-то неуловимо сходными с нашим православным исихазмом.

Возникновение даосизма принято связывать с выдающимся китайским мудрецом — Лао-цзы, а его становление и развитие — с Чжуан-цзы. Но и после них даосизм жил и развивался тысячелетия и создал множество школ.

Что же такое Дао, давшее имя даосизму? Это бесконечная сила, вечное «действие-бездействие», высочайший принцип творения. Она порождает этот мир, объединяет огромное разнообразие вещей и явлений, пребывающих в состоянии потока и непрерывных изменений. Задача человека на Земле — найти этот естественный поток жизни, следовать воле Дао, полностью соединившись с ним. Таким образом, даосизм — это учение о пути человека к Дао, к гармонии и совершенству.

Хотя Лао-цзы и Чжуан-цзы призывали к естественности и максимальной простоте бытия, сам даосизм является сложнейшим сплавом религии,

Часть II. Китайская философская классика в поэтических переводах

мистики, гадательных методик, медитативных практик. Но в первую очередь это философское учение, которое можно с полным основанием назвать предтечей современной европейской науки, кое в чём далеко опередившей её. Согласно даосизму, человечество пошло по пути усложнения жизни, в результате чего запуталось в заблуждениях. Невозможно улучшить нравы и жизнь насаждением искусственных ритуалов и моральных норм, нужно вернуться к состоянию первозданной чистоты. С помощью алхимических духовных практик человек может освободиться от усложнений и ошибок, даже обрести бессмертие. Идея бессмертия не только духовного, но и телесного — чисто китайская идея, которая не могла укорениться в Индии с её тягой к потусторонней реальности, но вполне органично свила своё гнездо именно здесь, в Поднебесной.

Помимо безличной силы великого Дао в мире существует ещё сила, отвечающая за создание всех форм жизни — Дэ (эта энергия также отвечает за человеческую добродетель) и Ци (жизненная сила, накапливаемая с помощью духовной практики). Очень важное место занимает в даосской традиции понятие «у-вэй» или «недеяние». Тот, кто преуспел в нём, будет победителем во всех земных делах.

В данной главе есть рифмованное переложение нескольких, чисто даосских историй, притч, которые обычно переводились прозой. Но главное, конечно, трактат «Дао дэ цзин», который я тоже попытался изложить стихами. Любой перевод это-

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

го знаменитого письменного памятника, включая и мой, далёк, разумеется, от совершенства. Речь идёт не только о чисто поэтической стороне дела, но и о точности в передаче сути. Поэтическое переложение трактатов делает неизбежным изъятие некоторых фрагментов и строк (их сохранение и стремление к буквальности вошли бы в противоречие с законами русской поэзии). Это лишь очередная попытка через вольный перевод показать красоту этого великого произведения, извлечь такие глубинные смыслы, которые в буквальных переводах могли быть менее различимы, и тем самым приблизиться к оригиналу.

ЛАО-ЦЗЫ
(VI—V вв. до н. э.)

Лао-цзы («Старый Младенец», «Мудрый Старец», настоящее имя Ли Эр) — знаменитый китайский философ, живший, предположительно, в VI—V веках до н. э. Хотя слова «настоящее имя» применительно к Лао-цзы условны, ибо ряд специалистов по китайской философии оспаривают само существование такой личности. Мифологичность была присуща образу Лао-цзы уже в самый ранний период даосизма. Согласно легендам, мать философа впервые произнесла слова «старый младенец», когда с удивлением увидела, что её только что родившийся под сливовым деревом сын, оказался ... седым, похожим на старика. Ум, прилежание, послушание, готовность учиться отличали Лао-цзы с раннего детства. Ког-

да вырос, работал смотрителем чжоусского архива. Много странствовал, прославился как проповедник. В своих проповедях философски оформил существовавшее в Китае ещё до него понятие «Дао».

Предание гласит, что слушавшие его люди видели свечение вокруг тела мудреца. Легендами окутан и уход мудреца из Китая. Когда он дошёл до последней заставы и собирался пересечь Границу Срединного государства, военный офицер-таможенник потребовал от него некий письменный отчёт, соответствующий нынешней таможенной декларации. Лао-цзы, ехавший на буйволе, сошёл с него и написал текст «Дао дэ цзина». После полученного разрешения продолжил путь на Запад.

Эзотерические учения утверждают, что мудрец направился в легендарную Шамбалу. Есть и более «материалистическая» точка зрения, суть которой сводится к тому, что отъезд Лао-цзы на Запад символизирует уход человека с земного плана бытия. Склоняюсь к первой, более оптимистичной версии.

В современном виде трактат «Дао дэ цзин» разбит на 81 параграф. Известный китаевед А. А. Маслов говорил об этом числе следующее: «Священным числом считается и 81, поскольку оно даёт в сумме “девятку” — самое сильное число в китайской нумерологии. Зашифрованную цифру 81 можно встретить в Китае повсеместно, стоит только хорошенько всмотреться».

Каждый параграф трактата включает несколько предложений, развивающих те или иные мысли. Главные понятия и темы «Дао дэ цзина» — это Дао и Дэ, естественность всех вещей и процессов

Часть II. Китайская философская классика в поэтических переводах

на земле, путь человека, нравственные принципы человеколюбия, которым должен следовать «совершенно мудрый человек» (главный идеал древности).

Этому произведению была суждена долгая жизнь. Глубиной древнего текста восхищались философы и востоковеды, его изучали лингвисты и культурологи, духовные искатели всех времён и народов. Именно «Дао дэ цзин» стал священной книгой новой религии, у которой появилось множество последователей как в Китае, так и во всём мире.

Труды Лао-цзы наполнены парадоксами. Один из самых распространённых — закон парадоксального воздаяния: кто будет наиболее смиренным и принизит себя, тот в итоге получит больше всего. Мысль весьма близкая к идеям христианства, но высказанная за несколько веков до него.

Музыка и поэзия парадокса, напряжённой мысли, благоговения перед тайной мироздания и Дао, скрытого в глубинах Вселенной, пронизывает всё произведение. Абстрактные понятия в нём соседствуют с яркими конкретными образами. Всё это вызывало желание у исследователей различных стран, сделать литературный перевод трактата Лао-цзы. В настоящий момент на русском языке существует несколько десятков переводов «Дао дэ цзина». Попытался и я переложить этот гениальный трактат стихами.

ДАО ДЭ ЦЗИН
(поэтическое переложение)

1.

Произнесённый иероглиф «Дао»
Не открывает сути таковой,
Написанное не имеет права
Считать себя Причиной корневой.
Беззвучное — исток Земли и Неба,
Незримое — праматерь всех вещей.
Мы чувствуем предметы даже слепо,
Познание существует без речей.
Слуга страстей взирает на поверхность,
Бесстрастный прикасается ко дну.
Умеющий хранить любовь и верность
Исследует любую глубину.
Две формы виденья даны — душе и глазу
И обе широки и глубоки:
Мы зрим поочерёдно или сразу
Два измеренья у одной реки.
О, Дао вечное!
Талант и силу дай мне
Взбираться по горам Твоим
От тайны к тайне!

2.

Сказал «прекрасно» — вышло безобразно,
Назвал «добро» — и получил конфуз.
Излишек слов не шли ветрам напрасно,
Скрепляй безмолвно слов и дел союз.
Такой союз порой глядится странно,
Меняются местами меч и щит.
Добро наносит человеку раны,
И он, конечно, в ужасе кричит.
Начала чередуются с концами,
С печальным тленом — яркие цветы.
Мы дело, начатое нашими отцами,
Как правило, низводим с высоты.
Противоречия друг в друга переходят,
Небытие рождает бытие.
В своих деяньях подражай природе,
Величию и истинам её.

3.

Если учёность не в моде, зазорным
Диспут покажется, глупостью — спор.
Редкою вещью, сокрытой от взора,
Не соблазнятся торговец и вор.
Падки голодные на предрассудки,
На поглощение вздорных идей.
Мудрый правитель наполнит желудки
Прежде всего у подвластных людей,
Мудро уймёт он волнение страсти,
Нравы поправит, людей сохранит.
Чующих Дао поставит у власти,
Меру забывших от дел отстранит.
А многознающим, но беспокойным,
Сил не отпустит на смуты и войны.
Лишь недеянье приносит покой,
Попранный алчной привычкой людской.

4.

Дао бездонно, темно, всеохватно,
Мера вещей и деяний Творец.
Чьё порождение — мне непонятно.
Сердцем лишь чую — всеобщий Отец.
Скрыто Оно и в деянях великих,
И в незаметных дорожных пылинках.
Вся Его мощь недоступна уму,
Небу предшествует — это пойму.

5.

Скажи, добры ли Небо и Земля?
Бурьян и рис растят весной поля.
Приходится терпеть нередко зло,
Дабы добро сильнее проросло.
Под книжный о «гуманности» канон
Мудрец людей не тщится переделать —
Народ живёт в естественных пределах.
И каждый для свободы сотворён.
Похожа наша жизнь на мех кузнечный,
Где мерами гуляет ветер вечный,
Воздерживайся чаще от суда,
Куда подует ветер и когда.
Кто много говорит, теряет в Дао веру.
Удачлив знающий словам и делу меру.

6.

Высоты и глубины превращений
Не знают измерений и вмещений,
И жизни нескончаемую нить
Нельзя ни сократить, ни удлинить.
У Дао нет прихода и ухода,
Неисчерпаема для нас Его природа.
Мы во врата рожденья не вникаем,
Но корень неба и земли — неисчерпаем.

7.

Мудрый вперёд пропустит
Всех, кто спешит на пути.
Волю Небес не упустит,
Здесь он всегда впереди.
Бывает и долговечным,
Поскольку живёт для всех,
Выглядит часто беспечным,
Не ищет в жизни утех.
Тропа у него другая:
Общее благо любя,
Собою пренебрегает,
Тем сохраняет себя.

8.

Высшее благо течёт как вода —
Служит всему и подвижна всегда.
Также и Дао везде проникает,
Тьмы подземелий не избегает.
И, человек, ближе к почве селись,
Попусту с ходом вещей не борись.
Взвешивай силы, их зря не расходуй,
Будь в этом смысле похожим на воду.
Лёгок, уступчив, любезен и прост.
Всем помоги разрешить их вопрос.
Если ты царь, пребывай терпеливым,
Словно прилив в океане с отливом.
Тот, кто не маслу подобен — воде,
Не совершает ошибок нигде.

9.

Лить в полный кувшин бесполезно — прольёшь.
От долгой работы затупится нож.
Охрана сокровищ — рискованный труд,
Когда-нибудь их всё равно украдут.
Коль яшма и золото словно вода,
Хозяина ждёт непременно беда.
А если с богатством кичливость в родне,
Подумай о самом безрадостном дне.
Смотри не под ноги, но даль разгляди,
Закончил дела — поскорей уходи.

10.

Коль тело и душа едины,
Жизнь совершается шутя.
Нет совершеннее картины,
Чем безмятежное дитя.
Люби естественность, не мудствуй, —
Природы не мудрее ты.
И подражай её искусству
Жить на пределе простоты.
Как сделаться простым и чистым?
Любить народ, стоять в беде,
Нести по жизни факел истин,
Вручѐнный глубочайшим Дэ?
Учись творить, не обладая,
И создавать во имя Дао.

11.

Вмещает тридцать спиц ступица,
Внутри же колеса дыра.
И вот уж мчится колесница
Сквозь битвы, бури и ветра.
Кувшины созданы из глины,
Внутри сосуда глины нет,
Понятно без суждений длинных —
Без пустоты зачем предмет?
Должны быть двери, окна, стены,
Когда построен новый дом,
Нужны пустоты непременно,
Дабы передвигаться в нём.
Природа сущего проста —
Всему начало Пустота.

12.

Острые переживания
Нам притупляют вкус.
Охота и состязания —
Для сердца тяжёлый груз.
Яркое портит зрение,
Громко звучащее — слух.
Золото на преступление
Слабый толкает дух.
Мудрый в одежде и пище
Нуждается самой простой,
Также в простом жилище.
Жизнь — короткий постой.

13.

Знатный несчастен, собой дорожа,
Славу теряет, от страха дрожа.
Слава с позором равно опасны,
Если к обоим относимся страстно.
Страх потерять и удел обрести
Перекрывают для Дао пути.
Но посвящая труды свои людям,
Славу получим и страхи забудем.
Будешь не слишком собой дорожить —
Сможешь всеобщий почёт заслужить.
Даже у знатного много путей,
Как избежать осужденья людей.

14.

Смотрю и не вижу, зову и не слышу,
Держусь за Него — не могу удержать.
Ни дно Его не ощущаю, ни крышу.
О Нём можно думать, Им можно дышать.
Пытаюсь поймать Его — не достигаю,
Поскольку Он меньше малейших частиц,
А также Его необъятность такая —
Ни верха, ни низа не знаем границ.
Он — общая Форма без видимой формы,
Мы чувствуем Лик, но не зрим естества,
Пред Ним отступают пределы и нормы,
Бессильны понятия, тускнеют слова.
А если владеешь дыханьем и думой,
Забыл про себя и живёшь для Него,
Забудешь навеки о жизни угрюмой,
Познаешь начало и сущность всего.

15.

Древние люди вникали в тончайшие вещи,
Хоть и учёность в ту пору была не в ходу.
Жизнь им казалась тревожной, опасной, зловещей.
Шли осторожно по ней, как по тонкому льду.
Были простыми, мудрёных не ведали истин,
И походили на степь, чей огромен простор.
Грязное, если встречалось им, делали чистым.
Часто наверх, в небеса поднимали свой взор.
Крепко держались за Дао в своём обиходе,
Чуяли сердцем Его непрерывную весть.
Многих желаний не предъявляли природе.
Древним хватало того, что поблизости есть.

16.

Сделайся тихим, ненужным желаньям не следуй.
В сердце своём обрети неизменный покой.
Коль над страстями своими одержишь победу,
То овладеешь свободой и личной судьбой.
Чувства твои прекратят за вещами гоняться,
Нам ведь завещано, их подержав, отпустить.
Станут вокруг обстоятельства сами меняться.
Стоит ли, что-то утратив, об этом грустить?
Ставший на Путь государь справедлив и надёжен,
Вместе с мечом получает невидимый щит.
Дао хранит его душу, и жизнь не тревожит.
Но о своих отношениях с Небом молчит.

17.

Лучший царь — о ком известно, что он есть.
Чуть похуже — про кого благая весть.
Ещё хуже тот, которого боятся.
Наихудший, если примутся смеяться
Над любым решением царя,
Ничего о том не говоря.
Где немного слов и много толку,
Память о таком хранится долго.

18.

Где Дао в забвении и в небрежении,
Там неизбежно всякое брожение.
Обилие законов, правосудия,
Потоки слов и море словоблудия.
Чины из крайности в другую крайность мечутся,
И все клянутся в верности отечеству.
Где Дао сдали лжи и злу на милость,
Придуманы «гуманность», «справедливость».
Как только беспорядки объявляются,
Мгновенно «слуги государства» появляются.

19.

Перестаньте мудрить и воспитывать прочих,
Лицемерием древнюю мудрость порочить.
Покажите пример воздержания сами,
Люди, кроме ушей, обладают глазами.
Если в душах своих уничтожим нечестность,
Негодяи и жулики быстро исчезнут.
А почтительность сына и чувства отца
Возвратятся к народу в умы и сердца.
Сколько раз повторял вам: причина страданий —
Недостаток ума, безрассудство желаний.

20.

Не знает Дао наставленья и рецепта.
О, ширь пустотная без края и без центра!
Насколько безгранична здесь игра
И пониманье зла отлично от добра!
Среди людей согласие похоже на закланье,
Веселье всех — печаль для личного желанья.
Вот наступает первый день весны,
Земля лишается привычной тишины.
А я, подобие утробного ребёнка,
Не чувствую, где тихо или звонко.
Считаюсь по Безмолвию во мгле,
Не ведая, кем стану на земле.
Вокруг неоощуемая нежность,
Неразличимая глазами безмятежность.
У всех заботы, я же их лишён.
Все бодрствуют, один вкушаю сон.
Все преисполнены желаний и стремлений.
А я не знаю ни нужды, ни лени.
Одно известно нам, что за спиною Мать,
Мы разучились наставлениям внимать.
Когда нам следует выдерживать упадок,
Когда приходит время наводить порядок.

21.

Дао царит везде,
Но существует скрытно,
Тихо, неочевидно.
Знаем о Нём через Дэ.
Дэ, как всякая форма,
Из тьмы возникает на свет
Корню во всём покорна,
Миг — и её уже нет.
Как познаётся Корень?
Зрением чистой души,
Полным её покоем
И в абсолютной тиши.
С древности Дао имя
Нашему светит уму.
Как видим вещи такими?
Благодаря Ему.

22.

Ущербное вернулось к полноте.
Кривое ровным и покатым стало.
В стремлении к великой красоте
Пульсирует невидимое Дао.
Склони пред Ним смиренное чело.
К Великому одна ведёт дорога —
Кто хочет взять от жизни сразу много,
Не получает часто ничего.
Познавший славу к совершенству правит,
Хотя и знает — нет предела в нём.
Свои заслуги никогда не славит.
Становится для подданных вождём.
Когда порядок дел везде разрушен
И всюду воцаряется хаос,
Тогда смиренномудрый миру нужен,
Он царствует, пока на это спрос.
А спрос всегда рождается в беде.
Тогда спешит на помощь сила Дэ.
Мудрец не делает ни одного дурного жеста.
Светла его дорога и права,
И если создан мир для совершенства,
То не пусты подобные слова.

23.

Естественны и Дао, и природа.
Хороший дождь не станет лить весь день.
Не может вечно верховодить тень.
Или царить одна и та же мода.
Но где основа и источник где?
Не связан ни с природою, ни с веком,
Тем более — со смертным человеком,
Но лишь с бессмертным Дао или Дэ.
Они лишь неизменны и предвечны.
Познание корня обретает тот,
Кого не привлекает всё, что вещно,
Кто ищет в жизни семя, а не плод.
Тождественен потере, кто теряет.
Кто равен Дэ, тот Дэ приобретает.
А кто привязан к переменам жизни,
Прислуживает бесконечной тризне.

24.

На цыпочках не прошагаешь долго.
Вприпрыжку тоже путь не одолеть.
В отходе от природы мало толку.
Заблудшего лишь можно пожалеть,
Кто нападёт, не обретёт успеха,
Почёта не добиться хвастуну,
Услышит только собственное эхо,
Встревожив на мгновенье тишину.
Ненужные желанья бестолковы.
Кто в Дао вник, не делает такого.

25.

Вот Вещь, возникшая до Неба и Земли.
Безмерная для времени и ли.
Беззвучная, вне форм и вещества,
Неведомы Ей числа и слова.
Невидимая Мать Поднебесной,
Однако имя Вещи неизвестно.
Могу лишь иероглиф обронить,
Той вещи мир поручено хранить.
А в нём — подлунном беспокойном мире —
Есть тоже силы главные четыре.
Перечисляю: Дао, Небо, Человек, Земля.
Последние во власти Бытия-Небытия.
И подчиняются невидимой Судьбе.
Но Дао следует лишь самому себе.

26.

Покой сердечный — главное в движении,
Дорогу дальнюю быстрее покоришь.
А суетливость — друг изнеможения,
Проявишь — раньше времени сгоришь.
Мудрец по жизни тяжкий груз влачит
И видит в этом высшее блаженство.
Легко ль ему — об этом он молчит,
Он знает — труд основа совершенства.
Хозяин многих тысяч колесниц
Взирает на крестьян с пренебреженьем,
Он требует, чтоб те простёрлись ниц.
И вне сомненья, кончит пораженьем.
Мудрец всем лёгким тоже не гнушается,
Он попросту в него не погружается.

27.

Умеющий шагать следов не оставляет,
Умеющий считать хлопот не доставляет,
Ошибок хвост не тянется за ним,
И в точном деле он всегда необходим.
Такого ценят добрый и недобрый,
Он всем опорой является удобной,
А кто не видит в нём маяк и высоту,
Тот погружён во мрак и слепоту.

28.

Кто скромн, зная храбрость неизменную свою,
Подобен горному прозрачному ручью.
В родной стране своей походит на младенца
Открытостью и чистотою сердца.
Такой от Дэ не отрывается в деяниях своих,
Становится любимцем и примером для других.
О славе зная, остаётся неизвестным,
Порой спасителем страны своей чудесным,
Когда случается великая беда:
Болезнь, война, неурожай или когда
Склоняются к упадку люди и природа.
Такого чтут веками, как хранителя народа.

29.

Кто силой рвётся овладеть страной,
Тот, вижу я, не достигает цели,
Страна — сосуд таинственный, родной,
Цари минувшие разбить его не смели.
Кто зла желает — погибает сам,
Кто схватит кубок — сразу же теряет.
Мудрец душой стремится к небесам,
Земная власть его не соблазняет.
Один идёт, другой за ним бредёт,
Под грузом гнётся, первого не слышит.
Кто путь торит и за собой ведёт,
Не терпит на плечах своих излишеств.
Любая роскошь нам сулит потери,
И мудрый перед ней закроет двери.

30.

Искусный полководец побеждает,
Когда на войны Дао побуждает.
Победой не гордится, ценит мир.
Не учреждает в честь победы пир.
Причина та же — истинное Дао
От распрей человеческих устало.
Война издревле наших бед виновник.
За битвой вслед в полях растёт терновник.
Насилия безжалостного молот
Родит болезни страшные и голод.
Чужие страны силой покорять
Равно тому, что Дао потерять.

31.

Хорошее войско рождает несчастье.
Ни гром, ни гроза не развеет ненастье.
Простому народу война не нужна,
Заботы страны разрешит тишина.
Спокойствие нужно и в ходе сраженья,
И после победы, беда есть беда...
Но шумный восторг семена поражения
Быстрее на поле растит иногда.
Обманчиво всё, что случается быстро,
Старайся уйти от кровавых затей.
Запомним навеки — война есть убийство,
Кто славит её — несомненный злодей.
И сам пропадает в убийственном месиве.
Война есть предмет похоронной процессии.

32.

Ни Дэ, ни Дао не имеют тела,
А потому нельзя их победить.
Нам нужно понимать свои пределы,
За их границы не переходить.
Пусть Воля Неба всюду торжествует,
Ручьи впадают в реки, те — в моря,
Порядок повсеместно существует
Стараниям благим благодаря.
Когда союз Земли и Неба прочен,
Как птица солнце над землёй парит,
Не допускает Дао червоточин.
Гармония всеобщая царит.
Порядок в мир приходит с именами,
Слова лишь знаки сотворённых дел.
Названия господствуют над нами;
Опасно перейти за их предел.

КОММЕНТАРИЙ ПЕРЕВОДЧИКА

Как думают умники, Дао пора
Считать умозреньем забытым и диким.
Его дикари объявили великим,
Наука в ту пору в пещере спала.
Дабы академиком нынешним стать,
Простое обязано выглядеть сложным,
А древнюю правду нельзя возродить,
Иначе сочтут человеком ничтожным.

33.

Кто знает людей, несомненно, умён,
Познавший себя прикасается к Дао.
Людей победивший, конечно, силён,
Себя — всемогущества чувствует право.
Живущий в хоробах, понятно, богат.
Но тот, кого помнят в народе веками,
Забыл навсегда свой последний закат
И лёг в основанье страны, словно камень.
Кто волю имеет — упорен в борьбе,
Кто плоть охраняет свою — долговечен.
Но если заботится не о себе —
О всех, тот вниманием Дао отмечен.

34.

Великое Дао никто не измерит,
Для этого нет инструментов и мер.
Уму не понять — открывается вере,
Как факел и как идеальный пример.
Найти его можно и справа, и слева,
Оно растекается всюду, а мы
Грустим, восторгаемся, боремся слепо...
Невидимый Кто-то выводит из тьмы.
Не ведает Дао ни личных желаний,
Ни властных амбиций, ни бед и обид.
Оно основание всех оснований,
Но славить себя никому не велит.

35.

Кто воплощает Наивысший Образ,
Того повсюду чтит простой народ.
Какую ни возьми на свете область.
Повсюду Дао — сила и оплот.
Приносит Дао музыку и пищу.
Тому, кто в этой области живёт.
И даже путешественник жилище
В отечестве чужом приобретёт.
В пустых устах Великое безвкусно,
В пространстве пропадает, словно прах,
Но если в слове искреннее чувство,
Огонь его горит во всех мирах.

КОММЕНТАРИЙ ПЕРЕВОДЧИКА

Добавим, кто любим, как образ Дао,
Тот у волков слывет за волкодава,
Но объявивший хищникам войну
Стране приносит мир и тишину.

36.

Чтоб нечто сжать, его расширить нужно,
Цветам букета — прежде расцвести.
Чтоб Поднебесной сделаться послушной,
Немало бед пришлось перенести.
Необходимо шансы на победы
Всем маленьким и слабым в жизни дать.
От жёсткого и сильного все беды.
Оно не хочет знать про Благодать.
Дабы постигнуть смысл глубинный этот,
Царю нельзя бросать на ветер фраз.
И управленья совершенный метод
Не должен выставлять он напоказ.
Иная рыба, покидая глубину,
Без жизни отправляется ко дну.

37.

Дао в постоянном надеянии
Прячется за суетою дел.
Для Него безмерны расстояния,
Неизвестен времени предел.
Тот, кто чтит Его законы свято,
Первым не завязывает бой.
Не желает и не ждёт расплаты,
Ценит выше всех вещей покой.
Бытие без имени, простое,
Для себя не жаждет ничего,
Держит мира прочные устои.
И всегда свободно от всего.
Там, где отменён диктат страстей,
Словеса в молчаньи растворяются,
Люд не знает скверных новостей,
Сам собой порядок воцаряется.

38.

Мудрый к добрым целям не стремится,
Это его Дэ, как и дела,
Ведь не оторвать у вольной птицы
Голубое небо и крыла?
Корень сохнет — погибает дерево,
Сколько бы его ни поливал,
Если же естественность потеряна,
Остаётся только ритуал.
Дэ придёт, когда утратят Дао,
Потеряют Дэ — придёт мораль,
А когда мораль утратят — ритуалы
Будут сеять смуту и печаль.
Ритуал для человека — путы,
Главная помеха стать на путь,
Враг порядка и начало смуты.
Мудрый чтит не ритуалы — суть.

39.

На свете всё обязано трудиться.
Во всех мирах царит закон труда.
Но если распадается единство —
Приходит неизменная беда.
Единством рождены живые твари.
Им связаны чины, крестьяне, государи.
Единства нет — везде царит хаос
И люди проливают реки слёз.
В живом единстве корень бытия.
Не одиноко в мире наше «я»,
И если хочешь горестно вздохнуть:
«Я одинок», то это лживый путь —
Равно, как всех считать за сор пустышный,
Себя же полагать бесценной яшмой.

40.

И перемены в мире неизменны,
Порядок превращается в хаос.
Тела людей всегда добыча тлена.
У хризантемы смертный враг — мороз.
Любая вещь несёт обратный полюс.
Держись за Дао с Дэ, не беспокоясь.

41.

Узнавший о Дао один устремится,
Другой же нарушить Его побоится.
Надменный «мудрец» на мгновенье помешкав,
Подвергнет Незримое глупым насмешкам.
Великий квадрат не имеет углов,
Предмет небывалый вне звуков и слов.
И Дао надёжно укрыто от глаз.
Но только Оно совершенствует нас,
Когда мы, измучив себя до конца,
Ему открываем глаза и сердца.

42.

Дао — единый Дух.
Оно порождает Два.
Три возникает из Двух.
А после — все существа.
В каждом есть Инь и Ян.
Вверх или вниз вращение,
Единство и некий изъян.
Взаимное перемещение.
Но если в их равновесие
Вносят люди агрессию,
Такие плохо кончают.
Этому Я обучаю.

43.

В Поднебесной слабые самые
Бьют порою сильных и славных.
Почему? Стоит Несказанное
За спиною у этих слабых.
Укрощает людские старания
Безграничный дух — не слова.
В этом польза и смысл надеяния,
Коль один разделён на два.

44.

Что ближе — слава или жизнь?
Дороже — жизнь или богатство?
Теряя низ, взлетаешь ввысь.
Забыв себя, находишь братство.
Кто слишком скуп, такой теряет,
Убыток открывает дверь
К достатку, Дао охраняет
Идущего путём потерь.
Земной порядок быстротечен,
Кто знает Дао — долговечен.

45.

Безмолвье равно грандиозному крику,
Прямая подобна большой кривизне.
Хороший оратор похож на заику,
Великая истина снится во сне.
Упорной ходьбе покоряется холод,
Покою ума покорится жара.
Всегда устремлённый останется молод,
Лишь истина юна и вечно стара.
Над каждой нехваткой, ошибкой, увечьем
Господствует древняя Всеполнота.
Прислушайся к истинам тихим и вечным.
В них светится Дао, Оно — Пустота.

46.

Когда страну управляет Дао,
Конями унавожена земля,
Но коль страна надежд не оправдала,
Копытами потоптаны поля.
Нет большего несчастья для народа,
Чем превышение границ его страстей.
И тяжелей беды, когда природа
Зависит от непрошенных гостей.
Блаженна та страна, где все довольны,
К себе во двор не зазывают войны.

47.

Мир можно познавать, окна не покидая,
И глядя из него, повсюду видеть Дао.
Мудрец ядро вкушает, не разбив ореха,
И в недеянье добивается успеха.

48.

Кто учится — растёт запасом знаний,
И уменьшается количество желаний.
И в этом непрерывном уменьшенье
Становится спокойней и блаженней.
Наоборот, избыток жадных действий —
Не путь для овладенья Поднебесной.

49.

Мудрец спокойно на весь мир глядит.
Никто ему не кажется злодеем.
Не судит, не злорадствует, не мстит.
Во встречных видит собственных детей он.
И даже может встреченное зло
В добро своей улыбкой переплавить,
Неискренность на прямоту исправить.
Всегда покой хранит его чело,
А в сердце неизменная погода.
Оно хранит суждение народа.

50.

Рождаются и умирают все.
Но есть такие, что цепляются за тело.
Душа их искупить бы захотела —
Деяния на смертном колесе.
Из десяти смерть забирает трёх
За чересчур усердные деянья.
Они не ищут в жизни покаянья,
Уходят, не свершив последний вдох.
Иной без страха может встретить тигра.
Что это значит? Зверя укротил?
Опасность нападения утихла?
О, нет! Он смерть в себе навеки победил.
Убийство не позволил совершить —
Нет места, куда когти приложить.

51.

Дао порождает, Дэ нас одевает,
Все подвластны сим невидимым двоим.
Ибо не присваивают, не повелевают —
Даруют свободу творениям своим.
Делать, не присваивая, — в этом старшинство.
Самосовершенствованье — цель и торжество.

52.

Кто постиг начало всего сущего,
Понимает, что такое мать,
Приобрёл природное могущество
И способность страсти избегать.
Почитает старость, любит детство,
Слабость опекает и хранит,
Терпит неудобное соседство,
Соблюдая верности гранит.
Всюду сохраняет пониманье,
Не упустит мелочь из вниманья.

53.

Знать роскошь чтит, пиры и острый меч,
Народ же любит узкие тропинки.
Сметает Дао в жизни, словно смерч,
Все лишние и жалкие картинки.
Когда дворец роскошен, то поля,
Покрывшись сорняками, гибнут вскоре,
И даже хлеба не родит земля —
Нарушенное Дао — значит, горе.
Как ни рули, как жизнью ни крути,
Какие её стороны ни трогай,
Коль речь зашла, каким путём идти,
Отвечу кратко — Главною дорогой.

54.

Учись стоять, как молодой бамбук,
Держась за корни, не ломая ветки, —
И в будущем далёком юный внук
Захочет память сохранить о предке.
Храни же Дао в собственной семье,
В огромном городе и в маленьком селе.
Кто всех растит и никого не топчет,
Становится жемчужиной всеобщей.
И может житель деревушки неизвестной
Стать властелином тайным Поднебесной.

55.

Познавший Дао уподобился дитяти,
Змея его не тронет, зверь не схватит.
Он — сеятель, гармонии хранитель,
Сражений всевозможных победитель.
Он может звуки издавать весь день,
Они не тяготят дневную сень.
То — гармоничный голос постоянства
И мудрое присутствие пространства.
Старенье скорое есть нарушение Дао,
Жизнь долгую природа человеку создала.
А кто закону вопреки идёт,
Тот раньше срока своего уйдёт.

56.

Кто много говорит — не знает ничего,
Кто знает всё, молчит и нас спасает.
Пока болтун ничтожеством блистает,
Безмолвно напрягается чело
Смирennemудрого. Не обойти закона —
Смиреньем можно одолеть Дракона,
Главу склонив. Смиренного нельзя
Ни чересчур возвысить, ни унижить,
Ни записать в родню или в друзья
И таким образом к желаниям приблизить.
Ему подвластно и Добро, и зло.
И машет мерами священное Весло.

57.

Хранится справедливостью страна,
Недоброй хитростью — жестокая война.
А Поднебесная подвластна недеянью.
Откуда я пришёл к такому пониманью?
Из наблюдения: растёт число судов
И соответственно количество воров.
Когда оружия в руках народа много,
Короче стала к бедствиям дорога.
Поэтому мудрец безмолвно говорит:
«Когда бездействую, народ добро творит,
Становится спокойным, простодушным.
И делается зло само собой ненужным».

58.

Когда правительство становится спокойным,
Конец приходит мятежам и войнам.
Но если власть активность проявляет,
Народу бед немало доставляет.
А впрочем, беды, как опора счастья,
Лишают нас ленивого пристрастья,
Вторгаются и в души, и в пространства.
Увы, подвижны грани постоянства.
Условны жизни всякие границы.
Лишь дети малые да полевые птицы
Не знают неизбежность перехода
Добра во зло, что создаёт природа.
Мудрец подобен этим малым двум.
Он ограничил беспокойный ум.
Спокоен, справедлив, необходим,
Малейшего вреда не делает другим.
Приносит свет не только днём — и ночью.
Но светлым сам себя считать не хочет.

59.

Совершенствует Дао природу поступков и тел.
Совершенство — победно, ему не поставлен предел.
Управляя страной и служа совершенному Небу,
Совершенствуйся сам, от себя исправления требуй.
Воздержание — вот для царя неизменный магнит.
Просветит и научит и душу ему охранит.
Управленье собою воистину чудо-лекарство,
Понимающий это — надёжно ведёт государство.
Кто себя обуздал, тот надёжно владеет страной,
И вокруг него Дао стоит нерушимой стеной.

60.

Управленье большим государством подобно
Рыб разделке для крупных общественных блюд.
Сонмы умерших духов, ничтожных и злыхных,
Между пальцами повара быстро снуют.
Мудрых тоже советы порой бесполезны,
Если их наставленья то остры, то пресны.
Постоянно приходится зорко следить,
Чтобы подданным пищею не навредить.

61.

Великая река в низовье побеждает
Истоки и гордыню горных рек.
Мудрец хвалить себя не понуждает,
Он властвует как скромный человек.
Невозмутима самка Поднебесной,
Она самца одолевает своего
Тем, что считает в жизни их совместной
Себя слабей и неспособнее его.
И в этом нет ни капли униженья,
Величье настоящее в служенье.
Основана на этом жизнь людей и стран
Хранит себя от бедствий и от ран.

62.

О, Дао — глубочайшая основа всех вещей,
Хранилище сокровищ бесподобных!
Ты слышало хвалебных множество речей
И видело немало дел недобрых.
Иначе для чего чиновники и власть?
Без них народ рискует в бездну пасть.
С древнейших пор ценилось благородство
И всё, что ясно, справедливо, просто.
Когда народ не гнался за богатством,
А люди жили равенством и братством,
Тогда и государство процветало.
Прекрасен мир под светлой сенью Дао.
И даже злым приносит Дао свет,
Оберегает их от вечных бед.

63.

Основа жизни — недеяние и мудрость.
Мудрец не знает, что такое трудность,
Не различает малые и крупные дела:
Работа каждая ему по силам и мила.
Он начинает труд с прикосновенья.
С приятного и лёгкого мгновенья.
Ведь всё большое из частичек состоит,
Вселенная на том стояла и стоит.
За что берётся, делает с умом.
За ненависть привык платить добром.

64.

То, что спокойно, проще сохранить,
Пока в нём страсти не взыграли круто.
В стране помехи легче устранить,
Когда ещё не начиналась смута.
Могучий дуб явился из ростка,
Великая река — из ручейка.
Постройка девятиэтажной башни
Берёт начало с горсточки земли.
И с шага, совершённого однажды,
Путь начинается в десяток тысяч ли.
Кто поспешает в достижение цели,
Тот терпит неудачу в каждом деле.
Вот недеянья истинная суть —
Естественный и постепенный путь.
Муж совершенный ждёт от Дао вести
И без Него не начинает действий.

65.

В былые времена народ не просвещали,
Невежество и простоту ему прощали.
Преследуют печали без конца
Излишком знаний отягчённые сердца.
Кто требует от подданных познания,
Несёт стране ненужные страдания.
Придерживайся, царь, советов сих
И становись примером для других.
Вникай в противоречия и следствия,
Они рождают с Дао соответствия.
О глубочайшее! Ты Дао и ты Дэ!
Ты далеко и близко, всюду и везде!
Ведёшь порой путём противоречий,
Приносишь неожиданные встречи.

66.

Как суша управляется водою —
Ведут на сушу водные пути,
Так и мудрец — ступает за толпою,
Но будет впереди её идти.
Себя принизив — он, наоборот,
Возвысится и обретёт права.
Но власть его не тяготит народ,
Он незаметен, как в траве трава.
И потому вовеки невредим,
Ни с кем не борется — и в том непобедим.

67.

О, Дао! Ты не то, что говорят.
Ни с кем Тебя я не поставлю в ряд.
Ты щедро на прощенье и даренье —
Влюблённость, бережливость и смиренность.
Я всех люблю, а это значит, — храбр.
Я бережлив, поэтому не раб
Привычек и вещей, но также и не жаден.
Я — скромн, но способен быть вожатым.
Войну, несчастье и урон не принесу,
Наоборот — пошлю удачу и спасу.

68.

Умный полководец — не вояка,
Воин-мастер избегает гнева.
Никогда таких не тешит драка,
Оба слышат властный голос Неба.
Победитель сам не нападает,
В сети хвастовства не попадает.
О таком молва слывёт в народе:
Он умеет следовать природе.
Главная задача управленья —
С Дао согласовывать стремленья.

69.

Не нужно первым начинать войну,
Перемещать войска без Высшей Воли.
Умели полководцы в старину
Выигрывать сраженье в ратном поле
И в голове своей без войска, без солдат.
Расчётливо предусмотрев, разведав,
Они имели лучший результат
И неизменную военную победу.
Тот побеждает, кто умеет ждать,
Кому презренна глупая отвага,
Кто делает назад два осторожных шага,
Пока на шаг вперёд не позовёт нужда.
Умелый воин не впадёт в ненужный сон,
Что он могуч — противник не силён.

70.

Мои слова понять несложно,
Но трудно выполнить совет.
Бывает часто невозможно
Смотреть на слишком яркий свет.
Случается, от света слепнут.
Я это знание своё
Вношу, как золотую лепту,
Но прячу золото в тряпье.
Кто хочет, тот под грубой тканью
Найдёт невидимое знание.

71.

Кто знает Истину, тот зрит в себе невежду.
Незнающий кричит, наоборот.
Муж благородный людям шлёт надежду
И ею укрепляет свой народ.
Лишь он, мудрец, судить поступки волен,
Кто в Поднебесной болен, кто не болен.

72.

Верхи! Не презирайте, не тесните
Народные низы, ведь в их руках
Могущества таинственные нити.
Взмахнёт Рука — и превратитесь в прах!
Хотя лишил себя хозяин трона,
На самом деле, собственной рукой...
Обязанность царя — хранить законы,
И самый главный среди них — Покой.
И если царь себя не возвышает,
Он путь согласно Дао совершает.

73.

Кто смел и агрессивен, погибает,
Кто храбр и тих, смиренно жизнь влачит.
Причин того никто не понимает,
Лишь Дао понимает, но молчит.
Не борется, но празднует победы,
Не говорит — умеет отвечать.
Способно укротить любые беды.
При этом всё на свете замечать.
Природы сеть редка и незаметна,
Но не пропустит ни единого предмета.

74.

Кто угрожает гибелью народу
И ввёл подобные угрозы в моду,
Тот сам рискует каждое мгновенье
Стать кандидатом на исчезновенье.
В природе есть Хозяин смерти, мастер.
Он знает, как исполнить сей вердикт.
А кто сменить Его горит от страсти,
Тот собственную душу повредит.

75.

Народ бывает оттого несчастен,
Что непомерно деятельны власти,
Что алчных ртов у трона слишком много,
Что вместо хлеба изобилие налогов.
А восстаёт и смерти не боится
Лишь тот, кто жить достойнее стремится.
Выходит тот, кто презирает смерть,
Способен жизнь достойную иметь.

76.

Человек при рождении нежен и слаб,
Умирает же цепким и жёстким, как краб.
Так устроило Дао — костлявость могущества
На житейском пути лишена преимущества.
Старый дуб на траву непременно падёт.
Молодая трава, несомненно, взойдёт.
Всё, что слабо, наполнится в будущем силой,
А надменная твёрдость закончит могилой.

77.

Небесное Дао ни грустно, ни весело,
Его назначенье — хранить равновесие.
Похоже Оно на натянутый лук,
Где сила приложена взгляда и рук.
Чем в точке земной тяжелее задача —
Успешней полёта в пространство отдача.
Об этом скажу я другим языком.
Извечна вражда богача с бедняком.
Один собирает, другой отнимает.
Своё назначение не понимают.
Обычай, увы, в Поднебесной таков,
И он не меняется много веков.
Поэтому мудрый своим поведеньем
Способствует Дао святым побужденьем.

78.

Вода мягка, слабей всего на свете,
Но точит камень, льётся через сети,
Плотины прорывает на пути,
Способна в то же время щель найти.
Она нежней новорождённых кожи,
Повадки же её на ложь похожи.

79.

Добрые стремятся к соглашениям,
Злобные — к делам для них удобным.
Дао всяким ход даёт решениям,
Но обычно помогает добрым.
Смерть шагает в ногу с воскресением.
Называть концом себя не просит.
Также жизнь не всякая — спасение
Человеку от невзгод приносит.
И даёт смиренномудрый клятву:
Приговор не выносить заблудшим.
Будущее всем устроит жатву —
Самым лучшим, также самым худшим.

80.

Пушкой не станет слишком крупных стран,
И люди в странах селятся негусто.
Один другому не наносит ран.
Да расцветут и чувства, и искусства!
Одежды сделаются впору и легки,
Восторжествуют ум и одарённость,
Вновь письменность заменят узелки,
А мудрость настоящая — мудрёность.
Исчезнут войны, поводы для драк.
Услышим крики петухов да лай собак.
Увидим слёзы утренних росинок
И женские — среди естественных поминок.
Пусть люди не уходят далеко
От мест родных и колесницы*спрячут,
Пусть воины не будут много значить,
И станет жить свободно и легко.

* Имеются в виду боевые колесницы.

81.

Слова правдивые по виду не изящны.
Зато их вес для человека — настоящий.
Мудрец не спорит, не красноречив.
Не ищет в разночтении причин
Для разногласия. Предпочитает Дао,
Вредить не может, не имеет права.
Вникает в зовы собственной судьбы.
Деяния свершает без борьбы.

ЧЖУАН-ЦЗЫ
(369—286 до н. э.)

Один из самых крупных китайских философов и мудрецов за всю историю существования Поднебесной, второй после Лао-цзы представитель даосизма, легендарный духовный мастер, который жил в IV—III вв. до н. э. в эпоху «Сражающихся царств». Годами его жизни предположительно считают период между 368 до н. э. и 286 до н. э. О его жизни известно мало, главный источник — труд китайского историка Сыма Цяня «Ши цзи». Чжуан-цзы происходил из знатного, хотя и обедневшего рода, жил в государстве Мэн, а затем в Чу, где были сильны традиции шаманизма.

Часть II. Китайская философская классика в поэтических переводах

В юности Чжуан-цзы, как и многие философы Китая, какое-то время находился на государственной службе, занимая должность смотрителя древесных плантаций. Образованный, обладающий ясным умом, Чжуан-цзы привлёк внимание царя, и ему был предложен пост первого министра. Вот как, по свидетельству Хроник Чжуан-цзы ответил посланнику царя:

«Пост главного министра — поистине почётный пост. Но не приходилось ли тебе видеть быка, которого собираются принести в жертву? После того как несколько лет его откармливали, его ведут в храм, покрыв драгоценным покрывалом. В этот момент он с удовольствием поменялся бы местами с забытым всеми поросёнком, но уже поздно. Прочь! Не пытайся развратить меня! Лучше я для собственного удовольствия буду плескаться в сточной канаве, чем позволю правителю царства надеть на себя ярмо. Никогда до конца дней своих я не стану чиновником; так я оставляю себе удовольствие следовать собственным наклонностям и желаниям».

После этого молодой мудрец подал в отставку и стал вольным философом, который странствовал по Китаю, общался с учениками, с другими мудрецами и простыми людьми, беседовал с ручьями и водопадами. И писал. Китайские источники гласят, что его главная и единственная книга содержит 100 с лишним тысяч слов, но да наших дней дошло меньше трети.

Чжуан-цзы проявил в ней себя как гениальный писатель, обладающий глубиной мышления, прекрасным языком, яркой фантазией, способностью

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

создавать самобытные образы. По своему жанру трактат — это собрание притч, диалогов, различных историй и поэтических афоризмов. В нём фигурируют исторические личности, жившие в эпоху Чжуан-цзы и ранее, мифологические персонажи, однако участвующие в диалогах с реальными людьми, а также некие фантастические существа.

Чжуан-цзы, развив идеи Лао-цзы, продолжил даосскую традицию, придав ей законченность и блеск. Мыслитель подверг критике достижения механической цивилизации, воспел простоту и возврат к естественности жизни. Он описал целый ряд духовных методов («главенство покоя», «сидячее забвение», «пестование жизни», «великое проницание»), включая дыхательные психотехники. Впоследствии эти принципы внутренней работы получили мощное развитие в даосских практических школах.

Творчество Чжуан-цзы оказало огромное влияние не только на даосскую традицию, не только на всю китайскую духовную культуру, но и на мировую философию. Его трактатом до сих пор зачитываются духовные искатели во всём мире.

Я переложил рифмованным стихом несколько притч из философского наследия гениального даосского Мастера, воспользовавшись отличными переводами и комментариями В. Малявина.

ПРИТЧИ

СМЯТЕНИЕ КОНФУЦИЯ

Кун-Цзы* учил порядкам в Поднебесной
целый век**
И вдруг почувствовал — созрело отречение
От прежних слов. Как и течения рек,
Меняет Дао постоянно облаченья.
Что было истиной, то превратилось в ложь,
Не отличить говоруна от шарлатана.
Добро и зло перемешались. Что ж,
Ведь подлинное Дао несказанно.
Кун-Цзы промолвил: «Правде научил я лишь уста
Известных мне людей, не покоров их сердце.
Задача обученья оказалась непроста
И непосильна для меня. Куда мне деться?!»

* Так в Китае произносят имя Конфуция.

** Век по лунному и буддийскому календарям 60 лет.

ВСТРЕЧА ДВУХ МУДРЕЦОВ

Жил Лао-цзы в уединенье и в горах.
О странностях его ходили слухи.
Одни в нём чтили ум, другим внушал он страх.
А третьи к его славе были глухи.

Кун-цзы отправился на встречу с группой лиц,
Оставил спутников у входа в горные покои.
А вышел побледневшим и дрожащим, словно лист.
Ученики спросили: «Что произошло такое?»
Кун-цзы ответил: «Мне понятна человечья речь,
А также думы птиц, зверей и скорпионов...
Но этот человек вошёл в меня как меч
Своим присутствием. Он из семьи Драконов.
Глаза его подобны несравненным зеркалам,
В них чёткий отпечаток мысли, слова, жеста...
Я в них увидел цену всем своим делам
И в собственное вник несовершенство».
Ученики спросили: «Что же он сказал?»
Кун-цзы ответил: «Я спросил хозяина пещеры,
Где в человеке низ, а где в нём небеса?
Как разгадать возникновение веры?»
Отшельник усмехнулся: «Бессмысленный вопрос.
Мы — части Неба, и Земли, и Дао.
В какую сторону свой направляем рост —
Там верх и низ, ответственность и право».

Кун-цзы смутился: «Но скажите, что нас ждёт
В той стороне, что мы считаем южной?*

Кун-цзы ответил: — «Здесь безмерен счёт —
Вы задаёте вновь вопрос ненужный!»

* В загробной жизни.

БАБОЧКА

Однажды Чжуан-цзы увидел странный сон,
Пробудился мастер в озабоченной печали.
Приснилось — в бабочку вдруг обратился он.
Такие сны его ещё не посещали.
«Что с вами?» — задали вопрос ученики.
И, выслушав ответ, переспросили снова:
«Но как могли простые мотыльки
Смутить покой мыслителя такого?»
Тот по своей привычке помолчал
И как-то неохотно объяснился:
«Вы приняли загадку за печаль,
Я ж озадачен, кто кому приснился.
Допустим, стал я бабочкой степной.
А что, если она внезапно стала мной?»

**ПРИТЧА ЧЖУАН-ЦЗЫ
О СЧАСТЬЕ**

Коль наставления твои
Не слышат — сам не спорь.
Помалкивай,
Всем возраженьям внемля.
А попадёшь на небо —
Песню спой,
Там лучше понимают
Люди землю.
«Нет счастья на земле
И нет на небесах,
Рай запредельный —
Бедное названиее.
Что счастьем называют,
Носишь в собственных глазах,
В бесстрастии, в покое,
В недеянье».

СТИХИ ДАОССКИХ АЛХИМИКОВ

Даосская алхимия — это особая духовная практика, насчитывающая тысячелетия. Она ставила перед собой цель обретения бессмертия, как духовного, так и физического. С помощью особых медитаций, концентрации мышления, созерцания, дыхательных и энергетических практик даос «выплавлял» в своём физическом и духовном организме «золотую пилюлю бессмертия». В этом «теле света», согласно представлениям даосов, человеческое очищенное сознание могло продолжить своё существование после смерти. Даосская алхимия, как сложнейшая наука самосовершенствования, имела письменную традицию (трактаты) и устную. Алхимические письменные трактаты нередко были изложены в стихотворной форме. Один из таких текстов, доступных на русском языке, — книга Чжан Бодуаня «Главы о прозрении истины» (Спб., 1994), перевод которой сделан Е. А. Торчиновым.

Чжан Бодуань — крупный китайский философ, учёный, медик, теоретик права. В странах Южной Азии, где распространён даосизм (Южный Китай, Гонконг и Сингапур) есть храмы, посвящённые Чжан Бодуаню. Фундаментальный труд

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

Чжан Бодуаня посвящён теме внутренней алхимии и подробно описывает технику взращивания «бессмертного зародыша» в глубине человеческого сознания.

Я попытался с помощью русских стихов философского толка передать образную систему алхимической практики Чжан Бодуаня.

ЧЖАН БОДУАНЬ
(984—1082)

* * *

Бессмертие может быть только небесным.
Футляры душевные* ставят предел**.
Но муж и жена в единении тесном
Взлетают порой над делением тел.
С драконом у дикого тигра*** единство
Таится в их разнице. Сблизятся вдруг —
И фениксы-лошади, и колесницы
Уносят людей за квадрат и за круг****.

* Имеются в виду физические тела и тонкие структуры человека.

** предел совершенства различных тел или духа

*** В китайской символике дракон — божество, тигр — земной человек.

**** Квадрат и круг — соответственно символы Земли и Неба.

* * *

Внизу танцует тигр, вверху царит дракон,
Смиряет ветры, волны и обвалы.
Покой же в самом центре, где закон
Соединяет были с небывалым.
Порядок там, где разницу погод
Не ощущает дремлющее семя.
Муж совершенный никогда не ждёт,
Какой судьбой его одарит время.
В любви двоих смысл несказанный скрыт.
Загадку могут разгадать село и город.
Чтобы понять, где тайны свет горит,
Совсем не нужно удаляться в горы.

ЧЖУ ДУНЬЖУ
(314—366)

Чжу Дуньжу — буддийский монах, философ, поэт, каллиграф. Его стихи следовало бы отнести в раздел чаньской поэзии, но дело в том, что Чжу жил и творил задолго до прихода в Китай буддийского проповедника Бодхидхармы.

Чжу Дуньжу — один из наиболее глубоких разработчиков доктрины «мгновенного просветления». В поэзии описывал процесс вхождения в это медитативное состояние и воспевал красоты природы как иллюзорной проявленности бытия. Поскольку в своих многочисленных трактатах Чжу Дуньжу, соединив даосские и буддийские духовные практики, широко пользовался даосской терминологией, я поместил его стихи в этом разделе.

* * *

Сад цветущий забыв,
Не желая тепла,
Мэйхуа*, в цвет зари
Нарядившись, пришла.
Ни лучей, ни тепла
Ей как будто не надо.
Но уже расцвела,
Несмотря на прохладу.
Кто узнает, о чём
Втайне думает слива?
О свиданье с лучом,
Так нежна, сиротлива?
Кто разделит мечты
Её и ожиданья?
Разве серп с высоты
Выйдет к ней на свиданье.

* Слива, расцветающая на границе зимы и весны.

«КАНОН ПЕРЕМЕН» — «И-ЦЗИН»

* * *

*Как велико, как бесконечно Небо,
Источник тьмы и множества свечей,
Добра и зла единственная скрепа,
Творец событий, времени, вещей.
А также нас. Его крутым законам
Противимся нередко, но Оно
Нас укрощает, как и шесть драконов
Оседланы Им с нами заодно.
Оно хранит в гармонии чудесной,
Покой и волю, негу и борьбу.
Мы выправляем по тропе небесной
Свою природу и свою судьбу.*

Я написал это стихотворение в качестве эпиграфа к разделу, посвященному «И-цзин» — книге, вызывающей у меня глубочайшее уважение.

«И-цзин» считается одним из древнейших философских текстов Древнего Китая, начало которого датируется ок. 700 года до н. э. Переводится как «Книга Перемен» или как «Канон Перемен», что точнее (в сборнике встречаются оба названия). Это гадательная книга, которая позднее была включена в конфуцианское Пятиканоние. Историки говорят, что это не самая древняя гадательная система, но другие, более ранние варианты гадательных книг, попросту не дошли до нас.

Ядром «И-цзина» являются 64 символа, они называются гексаграммами, выражающими ту или иную жизненную ситуацию, взятую в развитии. Эти символы изображены чертами — цельными (символ активного состояния или света), и прерванными посередине (символ пассивности или темноты). Возможно, что гексаграммы созданы до возникновения иероглифического письма, остальное — огромные комментарии.

К каждой гексаграмме приложен набор комментариев в виде неких мудрых мыслей, призванных помочь гадающему понять, как правильно поступить в той или иной ситуации, какое решение выбрать. Вариантов решения этой проблемы всегда несколько, что характерно для сложно организованного (с точки зрения западного человека) восточного мышления. При выходе из кризиса однозначных решений, к которым нередко прибегает человек Запада, нет, каждый шаг должен быть продуман и сбалансирован. Такова мораль «И-цзина». Эксперты утверждают, что любая китайская стратегия по своей сложности и дальновидности всегда на несколько порядков богаче и эффективнее любой западной.

«Канон Перемен» использовали для решения своих сложных проблем самые разные люди — от простолудинов до высшей знати, включая императоров. Я познакомился с «И-цзином» в переводе выдающегося советского синолога Юлиана Константиновича Щуцкого. Преклоняюсь перед этим человеком не только потому, что он великолепный знаток своего дела — перевёл труднейшую для понимания книгу в сравнительно молодом возрасте и в короткие сроки

Часть II. Китайская философская классика в поэтических переводах

(когда переводчику исполнилось только сорок лет). Но и потому, что это был настоящий подвижник науки, полиглот, поэт, музыкант, яркий деятель Серебряного века, интересовавшийся антропософией Р. Штайнера, которая по его собственному признанию помогла ему в расшифровке «И-цзина».

«Книгой Перемен» интересуются сегодня многие политики, учёные, аналитики, её активно переводят китаеведы и в России, и на Западе. В наши дни пристальное изучение этой «мантической» (гадательной) книги лишь разрастается; эксперты полагают, что она может быть полезна для понимания тенденций современного сложного мира и даже показать правильный выход из кризиса. Математики пытаются найти некий алгоритм в расположении гексаграмм. Может возникнуть вопрос: а при чём здесь поэзия? Ведь текст «И-цзина» написан явно не стихами.

Я не делал попыток изложить фрагменты «Книги Перемен» русскими стихами, как это было с другими китайскими текстами и авторами. Но столкнулся со множеством поэтов, оставивших на протяжении веков восторженные отклики о ней.

Ниже публикуемые переложения их стихов вовсе не принадлежат к лучшим образцам китайской поэзии, они, скорее, свидетельство пристального внимания к «Книге Перемен» в Китае.

2. СТИХИ О «КНИГЕ ПЕРЕМЕН»

ФУ СЯНЬ **(III в.)**

Пусть низший, чтоб себя спасти,
Прославит высших.
Хоть их не сможет превзойти,
Но мир услышит...
У низости тропинки нет
К путям пригодным.
Она находит Света след
У благородных.

МЭН ЦЗЯО
(751—814)

Знаменитый поэт Танской эпохи, родственник Мэн Хаожаня. Служил чиновником на незначительных должностях, хотя успешно сдал экзамен и обладал учёной степенью *цзиньши*. Был последователем чань-буддизма, писал стихи, всего создал около 500 произведений. Темы стихов, написанных простым языком: жизнь и проблемы обычных людей с их радостями и бедами, духовные поиски. Много путешествовал, затем поселился близ столицы, вёл бедную отшельническую жизнь, делая исключение для общения с поэтами и художниками. До сих пор популярен в Китае.

ПОДАРОК ОТШЕЛЬНИКУ

В тайны Небес посвятила меня эта мудрая Книга.
Ныне забыта, везде торжествует невежества иго.
Ты будешь жить в окружении горных ручьёв
и луны.
Им послужи, вдохновляйся речами ночной
тишины.
Может быть, ты, как и я, испытаешь святые
минуты.
Вдруг упадут с твоих глаз и сознания невежества
путь.
И озарится окрестность, узнав долгожданную
весть —
Свет не потух, изучающий тайные знания есть!

ОУЯН СЮ
(1007–1072)

Государственный деятель, историк, литератор средневекового Китая, писал эссе о литературе и о «Книге Перемен», причём был настроен к этому источнику критически. Стихотворение, по его собственному признанию, написано после отставки: «Я — в опале. Что ж, буду изучать „И-цзин“!»

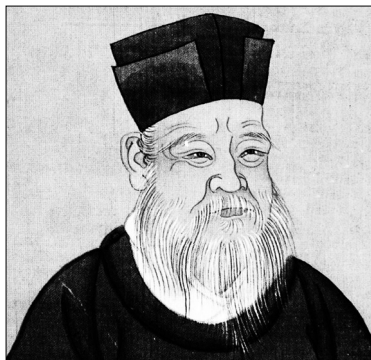

ЧИТАЮ «КНИГУ ПЕРЕМЕН»

Мужи столичные прислуживают власти.
Меня же не влекут обманчивые страсти,
Совсем не обольщает их коварный плен.
Я цитру чту, вино и «Книгу Перемен».
Увы, она для большинства потухла...
Пылится, словно брошенная туфля.
Я Книгу перечитываю, жду,
Что мы в ней снова обретём нужду.

ЧЖУ СИ
(1130—1200)

Чжу Си — известный китайский философ-энциклопедист, литератор, поэт, философ неоконфуцианского направления, систематизировавший учение Кун-цзы, после чего оно получило статус официальной идеологии. По влиянию Чжу Си на общество его нередко ставили на второе место после Конфуция. Отличался огромной творческой активностью: был плодовит как литератор (после себя оставил 80 произведений, 2000 писем, запись диалогов, состоящую из 140 глав), как педагог и деятель сферы образования (принимал участие в работе 21 средневековой академии), наконец, как духовный учитель (имел 467 учеников — рекорд среди философов-неоконфуцианцев). Избегал высоких чиновничьих должностей, предпочитая заниматься просветительской, литературной и книгоиздательской деятельностью. Периодически подвергался гонениям, жил в бедности, внимательно изучал «Книгу Перемен».

ВДОХНОВЕНИЕ

«И-Цзина» автор Небу вторит,
И никогда с Творцом не спорит.
Вникая в знаки гексаграмм,
Великий смысл находишь там.
Понять всю правду о бессмертии
Да не иссякнет в нас усердие!

ЦЮ ЧЭН
(XII в.?)

Малоизвестный средневековый поэт XII столетия, интересовавшийся «Книгой Перемен» и понимавший риск субъективных толкований и спекуляций.

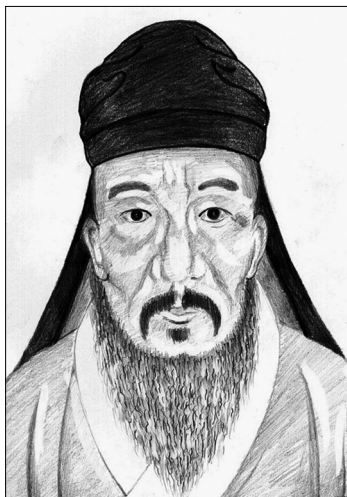

**СМОТРЮ ЧЕРТЫ «КНИГИ ПЕРЕМЕН»
И ПОКАЗЫВАЮ ИХ ДРУГУ**

«Перемен» высокий смысл
Двойственен и шаток,
В заблуждениях повис,
В узелках загадок.
Кто не знает смысла черт,
Рассуждает всеуе,
Словно тьму глухих пещер
Красками рисует.

ФАН СЯОЖУ
(1357—1402)

Китайский поэт XIV века, проявивший интерес к изучению «Книги Перемен», о котором сохранилось мало сведений.

* * *

Кто не чувствует триграмм,
Их толкует зря он,
Правды дух уходит там,
Ускользает Дао.

3. КОНФУЦИАНСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ КЛАССИКА В ПОЭТИЧЕСКИХ ПЕРЕЛОЖЕНИЯХ

**КОНФУЦИЙ (КУН-ЦЗЫ)
(ок. 551—479 до н. э.)**

Конфуций родился в семье знатного, но обедневшего представителя рода Кун. С детства мальчик вынужден был много работать. В школе Конфуций прекрасно учился, резко выделялся способностями к постижению наук и склонностью к предвиденью. По окончании учёбы юноша,

Часть II. Китайская философская классика в поэтических переводах

единственный из остальных учеников, сдал очень сложные экзамены на право быть чиновником, и его назначили распорядителем столичных амбаров, позже сделали чиновником, отвечавшим за скот. Ярко проявив себя на этой стезе, Конфуций получил известность в столице сначала именно как чиновник. Постепенно его слава и авторитет распространились на весь Китай, и он стал известен как философ-практик. (Это особенность всех китайских мыслителей, там нет чистых теоретиков.) Но попытки Конфуция построить идеальное государство в атмосфере разрушения патриархального общества и жестоких порядков, установленных новой столичной знатью, были обречены на неудачу. Тогда молодой философ подает в отставку и вместе с группой учеников начинает путешествовать по Китаю, пытаясь ознакомить со своими идеями правителей разных областей Поднебесной. Эти путешествия длились несколько десятилетий. Когда в преклонном возрасте он возвратился домой, то приступил к педагогической деятельности и начал обобщать свои идеи и осмысливать наследие прошлого, прежде всего «Ши-цзин» («Канон поэзии») и «И-цзин» («Канон Перемен»).

Конфуций проделал огромную работу по систематизации летописей страны, создал первый университет, разработал правила поведения для всех сословий Поднебесной. В итоге его многолетней практики наставничества возникло учение, получившее название конфуцианства. Оно изложено в книге Конфуция «Лунь юй» — «Суждения и бесе-

ды», фрагменты из которой я попытался превратить в язык рифмованной поэзии. Учение Конфуция — это органичный сплав этики и политики, представляющий итог размышлений философа о том, как должно быть устроено идеальное государство, управляемое волей Неба. Лучший способ воспитания человеколюбия, согласно Конфуцию, это участие людей в ритуалах, воплощающих моральные законы. Ритуалы в его учении — не жертва богам, но культурные модели поведения, основанные на осмысленном подражании природе. Их повторение улучшает нравы и облагораживает человека.

Краеугольный камень конфуцианской морали — образ «благородного мужа». Автор книги «Афоризмы Конфуция» И. И. Семененко показывает, что черты «благородного мужа» у Конфуция носят, прежде всего, духовный характер, где главное — это «служение Небу»:

«Человек теперь служит Небу не как раб господину, а вполне осознанно. Между ними возникают более “духовные”, моральные отношения. В отличие от религии родовой аристократии, где лишь государь — сын Неба — является посредником между Небесами и землёй в «Изречениях» таким посредником может стать, по сути, каждый, если, конечно, он обладает в достаточной степени сакральной силой».

Считается также, что Конфуций первым сформулировал «золотую максиму этики»: «Не делай другим того, чего не желаешь себе». Этика конфу-

Часть II. Китайская философская классика в поэтических переводах

цианства держалась на трёх столпах: Мин — воля Неба; Жэнь — гуманность, человечность; Ли — следование ритуалу, порядку, традиции. Борься с несовершенством и злом можно и нужно с помощью принципа «чжэн мин» — «исправления имён», потому цель — привести в соответствие сущность и название, что постепенно внесёт порядок во Вселенную и поможет людям встать на путь приближения к истине.

Конфуций так описывал этапы и периоды своей жизни, пронизанной волей к самосовершенствованию и совершенствованию Поднебесной:

«В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учёбе. В тридцать лет я обрёл самостоятельность. В сорок лет я избавился от сомнений. В пятьдесят я познал волю Неба. В шестьдесят лет я научился отличать правду от неправды. В семьдесят лет я стал следовать желаниям своего сердца».

З. Г. Лапина, признанный специалист в области конфуцианства, видела в этих этапах жизни великого китайского мудреца универсальные этапы самосовершенствования человека: 1) жажда знаний, ученичество, 2) зрелость, практичность и способность действовать, 3) обретение веры в себя и свой путь, 4) отказ от личного эго и принятие Высшей духовной воли, 5) способность к распознаванию истины и заблуждений, 6) открытие, пробуждение и развитие сердца, которое становится водителем человека. Под «я», с её точки зрения, нужно понимать не только конкретную биографию Конфуция, но и метафору, скрыва-

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

ющую жизненное путешествие духовной монады или высшего «я» человека.

В XX в. в Китае с конфуцианством боролись как с идеалистическим учением, воспитывающим в человеке пассивность. Да и на Западе далеко не все философские авторитеты принимали идеи китайского мудреца. Тот же Гегель утверждал, что главный труд мудреца «Лунь юй» это «совокупность банальностей “ходячей морали” и что «для славы Конфуция было бы лучше, если бы его произведения не переводились».

Но история всё расставила по своим местам. Учение Конфуция сохранило популярность до наших дней. Сегодня в Китае и за его пределами создано 600 институтов Конфуция.

ИЗ «ЛУНЬ-ЮЯ»
Стихотворные переложения
Трактатов и афоризмов Конфуция

* * *

Все люди добры изначально,
Мешает невежества ночь.
Взрастает Добро не случайно:
Прозревший обязан помочь
Его семенам при рождении...
Однако не по принуждению.
Слепой должен сам захотеть
Проснуться, воскреснуть, прозреть..
В страданиях сделаться зрячим,
Не сдаться в борьбе неудачам.
Понять — наступила пора
Уборки колосьев созревших
И с помощью прежде прозревших.

* * *

Когда положены Основы,
Из них рождаются законы.
Муж совершенный слышит зовы
Отцов, ушедших в небосклоны:
«Повиноваться Высшим Силам,
Не порождать вражду и смуты,
Быть государству верным сыном,
Не тратить в жизни ни минуты
На то, что искажает вечность».

* * *

Используя в правлении народ,
Следи, как время совершает оборот.

* * *

Сладкие речи и ловкость манер —
Редкие спутники истин и вер.

* * *

Кто честно служит людям и стране,
Ни в чём постыдном не избличённый,
Тот для меня воистину учёный,
Пусть он от науки в стороне!
Придворная наука для таких
Обычно не находит слов благих.

* * *

Жизнь мудрого совсем не однократна —
Для многих поколений благодатна.

* * *

Не бойся, что тебя не знают люди,
Твоих раздумий и твоих затей...
Путь славы легче для тебя не будет.
Страшись, что сам не знаешь ты людей.

Часть II. Китайская философская классика в поэтических переводах

* * *

Чем пребывать впоследствии в печали,
Не лучше ли разумным быть в начале.

* * *

Кто правит честно, справедливо, мудро,
Походит на Полярную звезду:
Стоит на месте, незаметна утром,
Но вечно пребывает на посту.

* * *

Доступно всем блаженное бессмертие
Лишь на пути любви и милосердия.
Но можешь так душою очерстветь,
Что будешь вечно «зеленеть», как медь.

* * *

Подобно древним праведным царям,
Будь прямодушен, твёрд, но не упрям.

Часть II. Китайская философская классика в поэтических переводах

* * *

Конфуция спросили, почему
Не служит государю своему?
Мудрец ответил: «Исполняю службу
С тех пор, как правде присягнул на дружбу».

* * *

Как благородный муж дела свои творит?
Сначала действует, потом уж говорит.

* * *

Служа параграфам, выказываешь уозость.
Не выполняя долг, являешь трусость.

* * *

Не трать на месть напрасно силы.
Уж лучше вырой две могилы.

Часть II. Китайская философская классика в поэтических переводах

* * *

Три вещи к нам не возвратятся снова:
Возможность, время, сказанное слово.

* * *

Муж благородный строг к себе.
Невежда — к людям и к судьбе.

* * *

Нужны две вещи, чтобы людям выжить, —
Послушность старшим, поклоненье Высшим.

* * *

Где естество царит над воспитанием,
Такой для человечности — дикарь.
Кто отличается манер преобладанием,
Рискует слабостям поддаться.
Жизни царь —
В ком естество с воспитанностью смешаны
И очень хорошо уравновешены.

Часть II. Китайская философская классика в поэтических переводах

* * *

Безмолвный Дао нас ведет вперёд.
А Он-то никогда не подведёт.

* * *

Учи таких, кто может с полуслова,
С полунамёка понимать основу.

* * *

Ошибка лишь тогда непоправима,
Когда её урок проходит мимо.

* * *

Кто построил жизнь свою на выгоде,
Много злобы получил на выходе.

* * *

Вглядись в ошибки рядового человека
И ты познаешь человечность века.

* * *

Когда тебя запугивает зло,
Считай — тебе с угрозой повезло.
Когда угрозе улыбнулся,
Она ушла — не промахнулся...

Часть II. Китайская философская классика в поэтических переводах

* * *

Добро не в одиночестве на свете,
Всегда ему находятя соседи.

* * *

Вот низость уступила в нас сердечности —
Мы обрели пружину человечности.

* * *

Сын, если он действительно почителен,
Лишь заболев, приносит боль родителям.

* * *

Как изощрённость речи губит добродетель,
Так и несдержанность — тяжёлых дел свидетель.

* * *

Нет худшего врага для человечности,
Чем в человеке пепел бессердечности.

* * *

У многословия всегда разлад со смыслом.
Мудрец следит за этим коромыслом.

Часть II. Китайская философская классика в поэтических переводах

* * *

Коль ненависть тобою овладела,
Ты проиграл задуманное дело.

* * *

Любых не бойся перемен,
Не обходи их мимо.
Они приходят в тот момент,
Когда необходимы.

* * *

Основа жизни радостно проста.
Её орехи, беды и оплошности —
Всё это мы и наша суета,
Мы создаём страдальческие сложности.

* * *

Приемлем мудрые решения по капле,
И ведрами их людям раздаём.
А наступаем всё на те же грабли
В упрямом самомнении своём.

Часть II. Китайская философская классика в поэтических переводах

* * *

В древности себя старались обновить.
Нынче добиваются кого-то удивить.

* * *

Велик не тот, кто никогда не падал,
Но кто всегда вставал с лежащим рядом,
Кто руку смог такому протянуть,
Помог продолжить бесконечный путь...

* * *

Нам красота повсюду в мире светит.
Но не любой из нас её заметит.

* * *

Кто тратит жизнь на обвинительную речь,
А кто — хоть малую свечу во тьме зажечь.

* * *

Не вслушивайся в речи злых людей.
Там семена твоих дурных затей.

* * *

Лишь крайнее невежество и мудрость
Не следует ни просвещать, ни пудрить.

Часть II. Китайская философская классика в поэтических переводах

* * *

Достойных не поддержишь — потеряешь,
На недостойных — зря слова теряешь.
Мой опыт обучения таков —
Нельзя терять нам ни людей, ни слов.

* * *

Достойного увидишь впереди —
Ускорь шаги и догони в пути,
А встретишь недостойного — помедли:
Во мне желаний недостойных нет ли?

* * *

Учитель поведал:
«С пятнадцати лет
Я понял — без мудрости жизни мне нет.
Ещё раз число этих лет пролетело,
Как Дао отдал свою душу и тело.
Сомненья и слабости в сорок изгнал,
Свой будущий путь до конца осознал.
Обрёл в пятьдесят нерушимую веру,
Стал правду от лжи в шестьдесят отличать.
А в семьдесят сделал привычкою меру —
На крайности все налагаю печать».

4. ФИЛОСОФСКАЯ КЛАССИКА МОИЗМА В ПОЭТИЧЕСКИХ ПЕРЕЛОЖЕНИЯХ

МО-ЦЗЫ (МО ДИ)
(ок. 470—391 до н. э.)

Моизм наряду с даосизмом был очень популярен в Древнем Китае. Это учение достигло пика своей популярности в IV веке до н. э., а потом сильно ослабело, поскольку власть стала воспринимать его как сеющее смуту. Его автор Мо Ди был крупным чиновником, государственным деятелем, диплома-

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

том и мыслителем. Суть учения — в призыве ко всеобщей любви, которая гасит все конфликты и укрепляет мир. Утверждение принципов равенства людей, вне зависимости от их материальной обеспеченности и знатности, привлекали к Мо Ди толпы людей.

Моизм — это учение аскетического характера, активно оппонировавшее конфуцианству. Оно проповедовало отказ от роскоши, пышных церемоний и ритуалов. Проповедь всеобщей любви роднит учение Мо Ди с учением Христа. Моизм опирался на традиционную культуру, но не принимал фатализма конфуцианства, утверждал познаваемость воли Неба. Моисты жёстко критиковали наследственную аристократию с её корыстолюбием. При этом были государственниками. Я переложил афоризмы моистов стихами.

АФОРИЗМЫ МО-ЦЗЫ (МО ДИ)

* * *

У Истинной силы могучие крылья,
Отсутствие силы приводит к насилию,
К отсутствию счастья, присутствию бед.
Без силы правления в обществе нет.

* * *

Долг — это чтобы сила
Пользу другим приносила,
Даже в тяжёлой борьбе,
Даже в ущерб себе.

* * *

Разум обязан при каждой минуте
Знать и являть понимание сути.

* * *

Если в мире господствует всюду вражда,
Вслед за ней непременно приходит беда.
Смуты, беды и горести между людьми
Рождены недостатком взаимной любви.

* * *

Кто всё хулит и ничего не может предложить
Взамен своих нападков, тот подобен
Безумцу, что огнём пожар задумал потушить
Или надеется на воду при потопе.

Часть II. Китайская философская классика в поэтических переводах

* * *

Если слова переходят в Поступки,
Долго сказавшего помнит страна.
Если не так и одни лишь проступки,
Пренебрежение ждёт болтуна.

* * *

Небо только любящего счастьем одаряет.
Лжеца и ненавистника в конце концов карает.

* * *

Чтим лишь то из древности,
Что дошло без трещин.
Делать бы без ревности
Нам такие вещи.

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

* * *

Всегда чужой успех
Кому-нибудь мешает.
Не любят люди тех,
Кто норму превышает.

* * *

Готовясь к действиям, закрой свои глаза
И делай только то, что шепчут Небеса.

**5. СТИХИ И ПРИТЧИ
ЧАНЬСКИХ МАСТЕРОВ И ПОЭТОВ
В ПОЭТИЧЕСКИХ ПЕРЕЛОЖЕНИЯХ**

Поэзия чань-буддизма занимает видное место в истории китайской литературы. Обычно проникновение этой конфессии в Китай связывают с появлением Бодхидхармы, ставшего в Поднебесной первым буддийским патриархом. Внешняя сторона дела так и обстоит. Однако широкое проникновение буддизма в страну началось значительно раньше, хотя его китайская версия Чань окончательно утвердилась только в Средние века. Процесс же созревания китайского буддизма по существу не закончился и по сию пору.

Из трёх мировых конфессий буддизм оказался наиболее податливой и приспособляемой. Мне кажется, что ни одна религия не породила такого разнообразия адептов среди интеллигенции разных национальностей, как эта. Причём не только адептов в кавычках, но и настоящих мастеров буддийского культа в самых разных профессиях — от спорта (боевые искусства) до атомной энергетики.

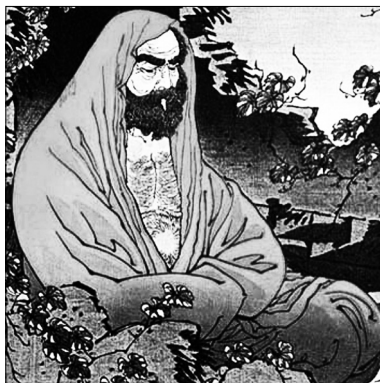
Чань-буддизм имеет отличительные черты: установку на осознанность (само понятие «чань» означает созерцание), предпочтение практических навыков теории, передачу учения непосредственно «от серд-

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

ца к сердцу», склонность к парадоксам как методу достижения совершенства, «мгновенный» характер просветления. Есть в этой разновидности буддизма и свои обряды, например широко известная и очень красивая чайная церемония.

Влияние чань-буддизма испытали такие гении, как Ван Вэй и Бо Цзюйи. В России образцы чаньской поэзии многократно переводились и издавались. Многие для осмысления и популяризации чаньской философии и поэзии сделал А. А. Маслов (речь идёт, прежде всего, о его книге «Письмена на воде. Первые наставники Чань в Китае». М., 2000).

БОДХИДХАРМА
(440—528/536)

Древние хроники описывают его словесно и живописно, как человека со всклоченной шевелюрой, окладистой бородой и свирепым выражением лица. Говорится, что «он пришёл с Запада». Поскольку китайцы весьма скрупулёзны в вопросах национальной идентичности, учёные спорят, кто был по национальности Бодхидхарма. Так как Индия, строго говоря, находится на юго-западе, высказываются предположения, что он был — персом, арабом и т. д. Во всяком случае, не китайцем с врождённым у этого народа культом старших и власти.

Что касается китайской поэзии, то чань-буддизм породил немало число сутр и гатх (религиозных од), а также весьма обиходных афоризмов. Чтобы закончить тему основателя чань-буддизма Бодхидхармы, приведу несколько примеров.

АФОРИЗМЫ БОДХИДХАРМЫ

* * *

Познание не может быть подсудно,
Оно — вмещенье истин и абсурда.

* * *

Не думать ни о чём есть состоянье чань.
Всё — остальное радость и печаль.

* * *

Многообразна у познания тактика.
Но суть его есть разум, также практика.

Вот переложение тех монашеских хроник, в которых описан приход Бодхидхармы в Китай и его встреча с одним из императоров того времени.

* * *

В Китай из Индии явился Бодхидхарма
И принят был в столице благодарно.
Спросил его страны правитель Ву,
Увидев первого архата наяву
(Чтил император чрезвычайно Татхагату):
«Скажи, какую получу небесную награду,
Что храмов множество построил в его честь,
А книг святых распространил в стране —
не счесть»...

Ввёл Бодхидхарма императора в конфузию:

«Вы уповаете, владыка, на иллюзию.
В реальности, куда Учитель нас зовёт,
Увы, не существует никаких щедрот».
«Но что же есть в реальности тогда?»

Ответил Бодхидхарма:

«Пустота».

Вам не усвоить благородных истин,
Пока ваш ум принадлежит корысти.

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

Из данного отрывка следует, что в Китае почитание Будды утвердилось ещё до прихода туда Бодхидхармы и буддизм выглядел там по-иному. Свидетельством данного факта является переложённое мною стихотворение поэта VI века. Ши Ванмина. О Ши Ванмине (или Суне) известно немного: он был чиновником на государственной службе, но духовные искания привели его к монашескому служению в школе Чань. Однако он сохранял и связь с даосизмом, что видно по переведённому стихотворению.

ШИ ВАНМИН (VI в.)

УСПОКОЕНИЕ СОЗНАНИЯ

(Отрывок)

Ты ощути невидимый предел,
Сознание придётся успокоить.
Путь лишних знаний — путь излишних дел.
Понять пытайся, что это такое.
Чрезмерность мыслей ослабляет дух
И волю, то есть жизненное право.
А ослабленье самых главных двух
Есть нарушение внутреннего Дао.
Не говори, что в этом нет вреда.
Большие реки редко быстротечны.
Бурлит страданье, как кипящая вода,
Болезнь способна продолжаться вечно.
Из капель сложены великие моря,

А из песчинок пик поднялся горный,
Ветвей не трогай, не ломай их зря,
Они — залог, что уцелеют корни.
Все семь отверстий тела затвори,
Все чувства отключи от мира формы.
О видимости меньше говори,
Учитывай Существенного нормы.
Вниманьем не броди по сторонам,
Бродячим чувствам никогда не следуй,
Внимая звукам, запахам, страстям,
Легко оглохнуть, высохнуть, ослепнуть.
Кто сочиняет музыку, стихи,
Напрасно тратит жизненные годы.
Такой способен лишь на пустыки
И нарушенья простоты природы.
Сознание — это норовистый конь,
А ум — неугомонная мартышка.
Коль человек активен, как огонь,
То телу быстро наступает крышка!

И хотя в сутре «Успокоение сознания» ещё сохраняется «благопристойность» первоначального буддийского истока, я завершил перевод несколько вольной концовкой, характерной для чаня с его неожиданными парадоксами и намеренной грубоватостью. Парадоксальность и грубоватость распротранились, когда в классический буддизм влились многочисленные ручьи и реки инакомыслия, возникли бесчисленные рукава и старицы, появились соответственно и формы «протестантизма», в том числе такие, как «чань» (в Японии — *дзен*). Уже в

Часть II. Китайская философская классика в поэтических переводах

сутре «Успокоение сознания» говорится об избытке слов и дел, то есть о нарушении равновесия, которое породило своего рода радикализм чаня и дзена — в сравнении с традиционным буддизмом. В дальнейшем практическая сторона в чань-буддизме стала доминировать. В наши дни широкое распространение в мире получили порождения чань-буддизма: восточные боевые искусства (то же ушу) и оздоровительные системы тайдзидзюань и цигун (строго говоря, философия этого телесного чаня очень сильно смешана с даосизмом). Кроме того, образы чаня проникли в массовую культуру, даже в рекламу.

Конечно, чань-буддизм и боевые искусства — тема особая. Как могут сочетаться идеи самой мирной в мире религии и принципы кулачного боя? Оказывается, могут и даже должны сочетаться. Об этом следующее стихотворение, в котором я переложил диалог одного из современных мастеров китайского боевого искусства с учениками.

**РАЗГОВОР УЧЕНИКОВ
С МАСТЕРОМ КУНГ-ФУ***

- Учитель, мы врага готовы победить.
- Для исполнения желанье не годится.
- Но почему?
- Длинна таких желаний нить.
- Захочется опять победой насладиться.

* Свободное переложение беседы с мастером Кун Фу, шаолиньским монахом Ши Янбином.

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

— Но дело в том, что наша глубоко задета честь.
— А разве в чём-то вы виновны недостойном?
— Нас обвиняют в подлости!
— Таких обид не счесть,
Как нет конца несправедливым войнам.
— Но наша честь... — Она-то вас и губит —
Уродство уязвлённых самолюбий.

Над воротами всемирно известного чаньского монастыря Шаолинь висит следующая надпись:

«Наше шаолиньское искусство являет
Собой лучший из лучших методов ушу.
Но помни — применяй его лишь для
Защиты нашей буддийской обители».

Настоятель Чжэнсюй (XX в.)

Мне захотелось превратить это приветствие в стихи:

Из всех противоборств, какие видели,
Здесь лучшая представлена борьба.
Но помните, поклонники обители:
Не нападать — хранить зовёт судьба.

Интересный факт. Чань-буддийский монастырь Шаолинь посетил несколько лет назад В. В. Путин. А затем в Москву приезжала группа монахов во главе с настоятелем шаолиньского комплекса монастырей. Группа была принята патриархом Кириллом, а опыт самоограничения, присущий монахам Шаолиня, был рекомендован для изучения православной общественностью как пример силы духа.

ХУЭЙНЭН
(638—713)

Китайских патриархов буддизма вместе с Бодхидхармой насчитывается шесть; вторым по влиятельности и по количеству рождённых легенд был последний знаменитый патриарх Хуэйэнэн. Из скупых и противоречивых сведений об этом человеке известно, что он родился в бедной крестьянской семье, не получил никакого образования, вошёл в китайские хроники как «варвар», «дикарь», «неграмотный патриарх». В молодые годы Хуэйэнэн работал дровосеком, затем, согласно хроникам, услышав однажды исполняемую нараспев буддийскую сутру и почуяв некий зов, отправился в длительное путешествие. Набрёл на знаменитый уже в ту пору главный чаньский монастырь. Благодаря своим природ-

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

ным способностям Хуэйинэн быстро обратил на себя внимание настоятеля. Когда через какое-то время был объявлен традиционный поэтический конкурс на сочинение и исполнение лучшей гатхи (религиозной оды) и одновременно встал вопрос о смене буддийского патриарха, один из кандидатов, как сообщают хроники, сочинил и продекламировал такие строки:

Мы — тело Мудрости и Совершенства Ствол —
Нуждаемся в трудах и в удаленьи пыли.
Чак протирай изображение и чехол,
Дабы Основы люди не забыли.

Согласно преданию, пятый патриарх Чань-буддизма уже готовился передать автору строк знаки своей власти — рясу и патру (чашу для сбора милостыни), как вдруг раздался голос малоизвестного человека:

— Позвольте мне!

Человеку разрешили вступить в соревнование, и он прочёл:

У Дао нет ни тела, ни чехла,
И совершенны изначально святцы.
Коснуться пыль их вовсе не могла.
Откуда веществу на Дао взяться?!

Этим малоизвестным поэтом оказался Хуэйинэн, ставший настоятелем монастыря, а потом самым знаменитым патриархом чань-буддизма. Именно он осуществил главные реформы в китаизированном варианте учения Татхагаты. Важнейшая из них —

Часть II. Китайская философская классика в поэтических переводах

создание традиции «местных», или «оседлых», учителей мудрости. До этого они были странствующими. Но самое главное: Хуэйинэн утвердил в чань-буддизме идею «мгновенного просветления». Впрочем, она высказывалась и до шестого патриарха. Хуэйинэн придал буддизму широкую земную практичность, сохранив при этом чистоту и глубину первоначального буддизма, также идеи кармической одарённости в усвоении Дхармы. Дальнейшая традиция коанов и «палочного выбивания» озарения придумана не им, как и «приземлённый» буддизм западного толка.

Нынешнее широкое распространение буддийской мудрости на Западе, да и у нас, в России, далеко ушло от подлинных основ. Интернет переполнен рекламой «мастеров восточной мудрости», которые обещают человеку в короткое время разбогатеть материально, тогда как Будда и другие настоящие восточные учителя всегда настаивали на скромных потребностях и дервишестве.

Эти рассуждения о современной «нищете мысли», когда идеалом становится толстый карман, считаю необходимым вставить в книгу о поэзии страны, которая борется с реальной и духовной нищетой, противопоставляя ей идею средней зажиточности масс населения.

**ЦЗИ ГУН
(1130 – 1207)**

Цзи Гун — легендарный монах династии Сун, обладавший очень добрым, чудаковатым и эксцентричным характером. Родился он в богатой семье; в возрасте восемнадцати лет потерял родителей, ушёл в буддийский монастырь, где получил духовное имя Дао Цзи (помогающий найти путь к спасению). Очень старательно и успешно занимался духовными практиками, также безотказно выполнял любую хозяйственную работу. Одновременно его поведение казалось другим монахам странным и вызывающим: он носил рваную одежду, ел противопоказанное обитателям буддийского монастыря мясо. За это за-

Часть II. Китайская философская классика в поэтических переводах

служил от товарищей кличку «сумасшедшего монаха Цзи». Однако разглядевший в Цзи Гуне выдающиеся духовные способности настоятель монастыря поправил прозвище на «весёлый сумасшедший монах». С этим именем Цзи Гун и вошёл в историю китайского буддизма неким подобием суфийского Ходжи Насреддина.

В Китае о нём и его подвигах сложено множество народных легенд. Я переложил в стихи приписываемую Цзи Гуну короткую исповедь, рассказанную им перед смертью.

ГАТХА ЦЗИ ГУНА

Шестьдесят прошедших лет
Как труха пустая...
Скоро сброшу свой скелет,
Облаком я стану,
Вверх на Запад улечу,
Сделаюсь Востоком.
Так чего же я хочу?
Снова стать истоком.

Часть III
КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ
(IV в. до н. э. — XVIII в. н. э.)

Классическая лирика Китая имеет колоссальный срок существования. Она начинается с IV века до н. э. и заканчивается XIX веком. Поэты XX и XXI веков могли писать стихи, по форме близкие к классической форме, но это уже новая или новейшая поэзия. Тань Сытун, живший во второй половине XIX столетия, для меня — литератор, подготовивший рождение новой литературы Китая, по духу, интонациям и темам уже во многом отошедший от поэтической старины.

Отечественные китаеведы исследовали эту тему вдоль и поперёк. Я едва ли могу смогу сказать что-то новое после них. Тем не менее хотелось бы сказать о своём восприятии китайской лирики как таковой. Несмотря на тысячелетия истории китайской лирики и грандиозные перемены в жизни Китая, эта поэзия по сути едина. Поэты делятся своими любовными переживаниями, воспевают красоту женщины и природы, грустят об утрате молодости, о приближении старости. Они радуются встрече с друзьями, переживают ностальгию по родным местам, если из них пришлось уйти, сетуют на упадок нравов, возмущаются продажностью и корыстностью чиновников, угнетением бедняков, пытаются

Часть III. Классическая лирическая поэзия

понять смысл человеческого существования и обрести совершенство.

Делают это очень искренно, достигая выразительности минимальными средствами и тонкими узорами образов и намёков. Так что если они даже лишены специальных имён и терминов, на каждой странице этой поэзии как будто стоит невидимый знак: «Создано в Китае».

Какие главные особенности поэзии позволяют нам сказать, что этот поэт принадлежит к китайской литературе?

Пожалуй, это простота, отточенность каждого слова, красота пейзажа или чувства, дышащие со страниц, чистота души поэта, созвучие человеческого сердца с природой, о чем написал в своём стихотворении «Одинокое сию я в горах» Ли Бо:

«Глубина голубая
Сияет, маня.
Надо мною
Пронесются птицы.
Я гляжу в высоту,
А она — на меня,
И не можем вдвоём
Насладиться».

А ещё обилие свободного пространства в каждой строчке, которая очень напоминает китайскую живопись, где много фона и пустоты, что делает каждый нарисованный предмет очень выразительным и значимым.

ЦЮЙ ЮАНЬ
(ок. 340—278 до н. э.)

Культовая фигура не только китайской поэзии, но и истории этой страны. По существу, первый лирический поэт Китая, стихи которого закрепились письменной традицией.

Конечно, китайская поэзия существовала и до него, но всеобщее преклонение китайцев перед великими стихотворцами своего народа началось именно с Цюй Юаня. Вторая половина IV — начало III века до н. э. вошли в историю Китая под названием эпохи «Борющихся царств». Самым большим и сильным среди них было царство Чу, занимавшее почти треть территории Китайской империи эпохи

её расцвета. Между прочим, чускую армию некоторые историки оценивают в миллион латников, то есть военные древнекитайские параметры приближались к нашим.

Будущий поэт родился и прожил большую часть жизни в столице Чу, главным соперником которой было царство Цинь. Выходец из высоких аристократических слоёв китайского общества, он приходился родственником правящему дому, возводящему родство к мифическому древнекитайскому императору Чжуань-сюю. Цюй Юань дослужился до поста главного царского министра, активно влиял на военную политику. Более всего министр и поэт опасался усиления царства Цинь и призывал всеми силами препятствовать его возвышению. Какое-то время правящий в ту пору царь поддерживал своего министра. Однако в результате дворцовых интриг и подкупа верхушки чуского общества Цюй Юань был уволен с поста и отправлен в ссылку, где утешение находил в творчестве. Опасения и прогнозы поэта полностью подтвердились. Циньские захватчики напали на его родину, в пух и прах разбили чускую армию и ликвидировали прежнюю династию.

Цюй Юань не выдержал такого поругания родины. В знак протеста против бездарных и предательских действий правительства поэт совершил акт ритуального самоубийства: бросился в реку с камнем за пазухой. Глубоко продуманный жест оказал сильное впечатление и на современников, и на последующие поколения китайцев. Последним его стихотворением, по свидетельству историка Сыма

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

Цянь, оказалось знаменитое впоследствии «С камнем в объятиях».

В его честь учреждён древнейший китайский праздник Дуань. На Тайване возведён храм в память Цюй Юаня. В день праздника Дуань сюда приходят любители поэзии, чтобы почтить память великого мастера стиха.

Творчество Цюй Юаня вызвало большой интерес не только в Китае, но и во всём мире и переводилось на многие языки, в том числе (и не один раз) на русский. Один из наиболее ярких переводов сделан Анной Ахматовой, обратившейся к фигуре китайского поэта не случайно: в жизни Анны Андреевны бывали испытания, напоминавшие конфликты с властью Цюй Юаня. Я сделал свой вариант вольных переводов стихотворений этого поэта и предлагаю его вниманию читателей.

С КАМНЕМ В ОБЪЯТИЯХ*

В ветвях с листвою смешалось птичье пенье,
Цветы раскрылись, шелестит бамбук.
Весь мир ликует в летнем возрожденьи,
А мне пути назначены на юг*.
И днём, и долгой ночью под луною
Тоскливая повсюду тишина,
Пустынный путь лежит передо мною,
Где ноша жизни слишком тяжела.
Своей души глубокое расстройство
Скрываю от людей уже давно.
Вкушаю боль, как будто зёрна риса,
Но убежденьям твёрдо верен я:
Ведь кипарис пребудет кипарисом:
Сруби его — он сохранит себя.
Кто благороден, не сгибает душу,
Не тянется к фальшивому огню.
Я клятву патриархам не нарушу
И родине вовек не изменю.
В делах служебных сохраняю честность —
То, что всегда ценила старина.
Предпочитаю славе неизвестность,
Коль за известность подлая цена.
Достойный муж живёт в уединеньи,
От низкой суетливости вдали.
О нём слывет порой дурное мненье:
Мол, прячется от трудностей в щели.

* В китайской символике юг — знак смерти.

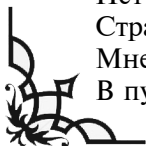

Но кто мечтает лишь о лёгком хлебе,
Не понимает, что такое дух.
Такому кажется, что пребывает в небе
Горланящий в курятнике петух,
Что всё блестящее на свете — это яшма,
Служенье — лицемерия ручьи,
Ему презренна трудовая пашня
И непонятны помыслы мои.
Мой край под властью низких негодяев,
Отечеству от них одна беда.
Зато кругом раздолье для лентяев.
Но мне по сердцу человек труда.
Сижу, увы, в провинциальной яме,
Пытаюсь достучаться до владык.
Владею драгоценными камнями,
Я их друзьям раздаривать привык.
Собаки вечно предаются лаю,
Почуяв на деревне чужака.
Мне с Неба послан знак: я твёрдо знаю,
Что выход лишь — соседняя река...
Топтать людей, отмеченных богами, —
Извечная обязанность толпы.
Всю жизнь плачу помятыми боками
За светлую отметину судьбы.
О, почему так повелось сначала,
Что глупых много, мудрецы редки?
Что место для последнего причала
Приходится искать на дне реки!

Стараюсь остеречь, да всё без толку,
Взываю к страху — слушать не хотят.
Столице кажется, что я служу не долгу —
Но, как и все, нацелил хищный взгляд.
Я не меняю золото на брызги
Пустых стремлений и тупых страстей...
И ухожу, послав привет Отчизне.
О, столько натерпелся от властей!
Близка мне неизменная забота —
Страну от неприятеля сберечь.
Но разве это понимает кто-то
И о таком звучит в столице речь?
Никто не может избежать ошибок.
Но я, возможно, тоже ошибусь.
Невыносимо жить среди фальшивок.
Явленье смерти не пугает. Пусть...
Как тусклы человеческие лица!
Как грязен мир холодный и чужой!
Поистине, мне не с кем поделиться
Ни словом, ни безмолвною душой.
За слабость не судите слишком строго,
Что скоро сгину под речной волной.
Ночною мглой окутана дорога,
И скрыта даль туманной пеленой.
Нет у меня ни слёз, ни сожалений,
Страх смерти тоже сердцу незнаком —
Мне патриархи прошлых поколений
В пути последнем служат маяком!

ЦЗЯ И
(201—169 до н. э.)

Поэт Древнего Китая, страстный поклонник Цюй Юаня. Начиная свою жизнь как успешный чиновник, приближенный ко двору императора. О жизни его известно не так уж много. Он получил ответственное правительственное задание пересмотреть законы, введенные прежним императором династии Цинь. Чиновничье восхождение Цзя И шло столь успешно, что породило зависть других чиновников. А дальше классика жанра: отставка, изгнание в далёкий город Чанша, где он стал наставником местного губернатора. Затем служба у императорского сына Хуэй-вана, который правил небольшим

Часть III. Классическая лирическая поэзия

уделом. Цзя И настолько привязался к этому правителю, что после его смерти покончил с собой из чувства преданности.

Цзя И тоже писал стихи, о которых известно мало. Но одно произведение получило славу во всём мире, в том числе и в России, где его перевела на русский язык Анна Ахматова. Речь идёт об оде «Скорбь о Цюй Юане». Согласно преданию, Цзя И, прибыв в Чаньшу, проехал мимо того места, где покончил с собой Цюй Юань, и кинул в реку свой плач по Цюй Юаню, записанный на белом шёлке именно в том месте, откуда поэт бросился в воду. Если это правда, то возможно, что у Цзя И был ещё один экземпляр оды, потому что текст все-таки дошёл до наших дней.

ПЛАЧ О ЦЮЙ ЮАНЕ

Я наделен был властью, ныне
Бродягой изгнан из дворца.
Подобно предку в тёмной тине
Ищу печального конца.
Пусть примет волн речное братство
Течение этих скорбных строк.
Не смог в ловушках разобраться.
Потомок, вникни в мой урок!
О том мои горюют песни,
Что в Чу моих не слышат слов,
Что птица-феникс не воскреснет
В угрюмом царстве мрачных сов.
Глупец и раб у власти ныне.
Повсюду ложь, бесчестье, сон.
Кто одинок в людской пустыне,
На истребленье обречён.
Свет солнца называют пёстрым.
Убийцу истины — святым,
Свинцовый нож считают острым,
А меч спасения — тупым.
Скакун породистый унижен —
Тяжёлый тащит низкий груз,
Осёл ведь правит нашей жизнью!

И предназначенный для уст
Шёлк древних песен и преданий
Для обуви подстилкой стал.
О, я скорблю о Цюй Юане!
Он это всё перелистал
В своей судьбе.
О том тоскую,
Что нам крылами не взмахнуть,
Что очень повторить рискую
Его судьбу и донный путь.
Он вынужден в реке скрываться
От грязи нынешних времён,
Чтоб с рыбной мелочью не знаясь,
В камнях прячется Дракон.
Дабы огнём не засветиться,
Не раздражать сияньем тьму,
Увы, приходится таиться
Смиренномудруму уму.
И всё-таки я камень кину
В любимца и речным волнам,
Что скрылся он в речных глубинах,
А не поднялся к облакам.
К нам не спускается порою
Поднять и вдохновить народ.
И в небо, как под стать герою,
Не рвётся снова из болот....

ЧЖАН ХЭН
(78—139)

Выдающийся учёный, философ-энциклопедист, государственный деятель Древнего Китая, изобретатель, совершил открытия в области точных и естественных наук — механики, математики, астрономии, географии, сейсмологии. И очень талантливый поэт. Родился в небогатой семье провинциального чиновника, затем переехал в тогдашнюю столицу Лоян, где общался с самыми крупными учёными своего времени. Активность Чжан Хэна заметили и предложили ему пост историографа-астролога при дворе, который на государственном уровне ведал темой календаря, дат и отвечал за астрономические,

Часть III. Классическая лирическая поэзия

атмосферные, сейсмологические наблюдения. Получил титул высшего сановника Китая (таковых в Поднебесной было только шесть).

Однако разносторонние заслуги Чжан Хэна не помогли ему избежать преследований и ссылки. Был оклеветан, и в 136 году его сослали и сделали главой провинциального удела.

Занимаясь наукой и государственной службой, Чжан Хэн не забывал о поэзии. В Китае он очень популярен. В честь его назван кратер на Луне. Дошло немного его стихотворений, но они своеобразны. Мне показалась интересной любовно-эротическая тема в творчестве этого многогранного человека, и я сделал вольный перевод стихотворения «Первая брачная ночь». Тема эта получила дальнейшее распространение в китайской лирике, кстати, лишённой даже малейшего намёка на пошлость.

ПЕРВАЯ БРАЧНАЯ НОЧЬ

И вот жена я. Главный час настал
Нефритовому сдаться молотку.
Дрожит в тревоге яшмовый кристалл,
Как будто прикоснётся к кипятку.
Впервые предстоит познать любовь,
Пусть безыскусна, сколько хватит сил,
Я нынче постараюсь вновь и вновь,
Чтобы блаженство господин вкусил.
Под ним циновкой сделаюсь простой
Иль одеялом шёлковым над ним.
Дверь на засов закроем золотой,
Курильниц благовонный пустим дым.
Сняла я пояс, прогоняя страх,
Во мраке ожидаю сладких гроз.
«Картинки»* положила в головах,
Чтоб изучить десятки тысяч поз.
Сю Нюй**, богиня, просвети меня
И прогони все опасенья прочь.
Я много раз потом, при свете дня,
Припомню эту сладостную ночь.

**Эротические изображения в спальнях — древняя традиция Китая*

***В китайском пантеоне богиня — наставница любви.*

**ЦАО ЧЖИ
(192 — 232)**

Один из самых замечательных поэтов Древнего Китая, прожил всего сорок лет. Происходил из слюв самой титулованной знати Китая. Был младшим сыном одного из императоров миньской династии. Получил блестящее образование.

С молодых лет прославился как первоклассный поэт. Согласно традиции, после смерти императора трон унаследовал старший брат Цао Чжи, который вдоволь потешил обретённые амбиции, издевался над младшим за то, что тот превосходил нового правителя разнообразными талантами. Однажды прика-

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

зал ему сделать семь шагов и сочинить за это время стихотворение. Цао великолепно выполнил задачу, создав поэтический шедевр, вошедший во все классические хрестоматии Поднебесной. Перевод «Стихов за семь шагов» помещён ниже.

Автобиографичны и другие стихи великого поэта. Последующие правители страны тоже держали Цао Чжи, как говорится, в чёрном теле, посылали руководить самыми отдалёнными и бедными провинциями. Часто перемещали с места на место. Неудивительно, что за свою короткую жизнь этот поистине феноменальный скиталец столько сделал. В известном смысле своей военной доблестью, тяготением к старине и своего рода «куртуазностью» Цао Чжи напоминает мне позднего Бертрана де Борна, французского поэта-трубадура, жившего десять веков спустя. Но Цао Чжи превосходит французского собрата утончённостью, разнообразием творчества и как мыслитель. К этим качествам великого китайца можно добавить его нравственную глубину, широкую философскую осведомлённость.

Полагаю, даже короткая подборка из семи стихотворений подтверждает вышесказанное.

ВСТРЕТИЛ У ВОРОТ ПУТНИКА

«Откуда путь вы держите далёкий?
Наверно, целый повидали свет?»
Блеснув очами, сделал вздох глубокий,
Ни слова гость мне не сказал в ответ.
Побрёл и я за путником, махая
Своим видавшим виды рукавом.
Мы в дом вошли, он молча, я — вздыхая,
Себя увидев в бедолаге том.
Он, то есть я, когда-то господином
Был в небогатой северной стране.
Потом внезапно стал простолюдином
Уже в какой-то южной стороне.
Извилистым и тяжким был наш путь.
Возможно, в Цинь* придётся отдохнуть.

* Одно из основных государств средневекового Китая.

СТИХИ ЗА СЕМЬ ШАГОВ

Варят бобы.
Стебель горит.
Голос судьбы
Поварам говорит:
«Люди, нам больно
В муках огня.
Хватит! Довольно!
Мы ведь родня...»

ПЕСНЯ

Я с башни взираю — печаль тяжела
О, родина, ты далека и светла!
Здесь всё мне чужое: леса и река
Меч сохнет на стенке — без дела рука
Соседям по службе привычно безделье,
Пиры подавай им, забавы, веселье.
В моих же ладонях тоска по мечу.
Работа нужна мне, сражаться хочу.
На севере враг притаился, он хочет
С отчизной любимой обманом покончить.
Без боя соскучился кованный друг.
Коня оседлаю, отправлюсь на юг.
На гору Тайшань* просветлённый уеду,
В сраженье желанном добуду победу.

* Одна из святынь даосизма.

**ПУТЕШЕСТВИЕ
К НЕБОЖИТЕЛЯМ**

Я до ста лет едва ли доживу.
Влачу свой жребий
В деревушке дальней.
Мне крылья обрести бы наяву
И ввысь взлететь
Поверх судьбы печальной.
Отбросив ворох надоевших дел,
Забыв своих обязанностей груду,
Лечу душой за облачный предел,
Где не был никогда, но скоро буду.
Лечу то на Восток
В рассветной мгле,
То западные совершаю круги.
Ушедшие Отцы
Слетаются ко мне,
Живущие на Севере и Юге.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ НА МОТИВ
«ЖЕЛАЮ ОТПРАВИТЬСЯ
К ЮЖНЫМ ГОРАМ»

* * *

Восточное море,
Сковавшее робкие взгляды!
Пять могучих вершин
Поднялись в недоступную высь,
Трудно людям понять,
Как такие громады
Из пылинок и капель
За тысячи лет разрослись!

* * *

Вот смотрите, повозка и лодка —
Всё продумано точно:
Задача у них не одна.
Шило с острым ножом ты не спутаешь,
даже работая ночью.—
Кто-то сильно ошибся, что выбросил вещь,
Не поняв, что любая — нужна.

* * *

За добро не давали награды,
Согласно истории древней,
Потому что считалось:
Во зле невозможно прожить.
А само государство
Считалось великой деревней,
Где чиновник любой
Должен честно крестьянам служить.

ТАО ЮАНЬМИН
(365—427)

Второй великий поэт Китая (после Цюй Юаня) живший на стыке двух столетий. До наших дней дошло 160 его стихотворений, при этом сведений о нём сохранилось очень немного. Принадлежал к знатному чиновничьему роду, но занимал незначительные должности, причём служивую карьеру начал поздно — в двадцать девять лет. Тяготел к уединению, по этой причине его нарекли «родоначальником всех поэтов-отшельников от древности до наших дней».

Стихи писал с юных лет, в них мечтал о подвигах, где «меч рукою сжимал». В поэзии чиновничьего периода дышит страстное желание оставить службу и обрести свободу, которую понимал как сельское уединение.

Часть III. Классическая лирическая поэзия

В сорокалетнем возрасте покидает должность правителя небольшого уезда, вместе с большой семьей (у него было пять сыновей) перебирается в глухую деревню. Здесь занимается крестьянским трудом, созерцает красоты природы, изредка общается с друзьями, решившими навестить его, вспоминает пережитые события жизни и, конечно, пишет стихи.

При жизни Тао Юаньмин не имел шумной славы, настоящее признание пришло к нему после смерти. Тао Юаньмина воспринимают в Китае как родоначальника нового художественного направления — «поэзии садов и полей». Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи и величайшие гении поэтического Китая, считали Тао Юаньмина своим учителем. Надо сказать, что поэт редко касался своего времени, предпочитал «вечные темы». Это проявилось в таких стихах, как «Персиковый источник», где переводчики-китаеведы видят мечту об идеальном обществе. Я же переложил «Персиковый источник» по иной причине, усмотрев в стихотворении посвященность в сакральные знания, имеющие принципиальное значение для нашей эпохи.

Китайские литераторы сравнивают значение этого поэта со значением Пушкина для России. На Западе стихи Тао Юаньмина переводили на немецкий, французский и английский языки.

ПОСИДИМ ЗА СТОЛОМ

Вчера на рассвете
Негромкий послышался стук.
Кому же я нужен
На сретенье ночи и дня?
Приятелю старому
Стукнуло в голову вдруг
На лодке в деревню приплыть
И проведать меня.
Его мой с властями
Не слишком понятный разлад,
Как видно, смутил:
«В твоей хижине крыша течёт.
Ты носишь сандалии в дырах
И рваный халат.
В сравнении с этим
Столичные распри не в счёт.
Смирись со двором,
Возвращайся к занятиям былым.
Кому не случается
Кланяться князю-прыщу?»
«Спасибо, мой друг,
Я взволнован вниманьем твоим,
Но с веком и властью союза
Давно не ищу.
Смотреть не могу,
Как мою обирают страну,
Как честь предают
И Заветом назначенный путь.
Присядем за стол,
Предадимся сегодня вину.
Мою колесницу
Назад уже не повернуть.

РАЗМЫШЛЯЮ О ДРЕВНИХ ЗАВЕТАХ

1.

Конфуций сказал:
«Не грусти о дырявом кармане.
Пусть больше тебя
Беспокоит отсутствие правды». —
Меня эта Истина
Смолоду греет и манит.
Я тысячу раз повторяю Учителю:
«Прав Ты!»
Но больше всего
Деревенская жизнь привлекает.
Мотыгу беру,
Отправляюсь с крестьянами в поле.
Приветливо ласточка
В гости ко мне прилетает,
И пахарь-сосед
Увлечением поэта доволен.
Не знаю, каков урожай
И удачны ли всходы,
Но радует в поле сам труд
И греет душу поэта.
Меня не тревожит
Дурная для всходов погода —
Пугает в делах деревенских
Моё неучастье.

А солнце зайдёт —
Возвращаемся в хижину наши.
Здесь каждый себе
По душе сочиняет занятие.
Вином молодым
Наполняем старинные чаши —
И вот уже мы с хлебопашцами
Близкие братья.

2.

«Две девятки»* настали,
Внезапно закончилась осень.
Листья с веток упали,
Легла с ними рядом трава.
Стали инеем белым
Цветные алмазные росы.
Поневоле от ранней зимы
Заболит голова.
Листья ищут пристанище,
Между деревьями бродят.
Над горами напротив —
Прозрачный и ранний закат.
Почернел, поломался
Бурьян на моём огороде,
И совсем уж умолкли
Унылые звоны цикад.

* Две девятки — девятый день девятого месяца по лунному календарю — древнейший осенний праздник Китая.

Крик гусей перелётных
Конец обещают сезону,
Умирание дней
И рождение длинных ночей.
Повинуются вещи и люди
Седому закону.
Всё сгорает
В огромной природной Свече.
Что раздумывать мне
И о жизни печалиться, если
Непременность законов
Не нами заведена?
Чтобы в бедную голову
Мысли такие не лезли,
Я попробую нынче
С хорошим соседом вина.

* * *

Я живу одиноко,
Поэтому неразговорчив,
Не всегда вспоминаю,
В какой обитаю поре.
Имя князя не помню,
Хранящего область от порчи,
И живые ли, палые
Листья шумят во дворе.
Вот в окошко взглянул,
Узнаю, что везде уже осень,
Что подсолнечник снова
У северных вырос окон,
Что соседи мои
Рис у южного озера косят.
Меня радует их урожай
И весёлый серпов перезвон.
Я не очень уверен,
Что год предстоящий наступит.
Приглашаю жену и детей
У осенней реки погулять.
И надеюсь, что жизнь нашу
Завтрашний день не погубит,
Что по старой привычке
Он нам улыбнется опять.

ПЛЫВЯ НА ЛОДКЕ

Тридцать лет пролетело
От службы вдали.
Их в деревне провёл
От интриг вдалеке.
И растёт лишь к поэзии
Давняя страсть
И к работе в саду,
И к делам на реке...
Как же мне не жалеть
Тех потерянных дней,
Что когда-то отдал
Суете и возне?
И вдали я теперь
От Отчизны своей
Предаюсь размышленьям
О давней весне.
Вот весло заиграло,
Все в пене волны,
Навсегда покидая
Знакомых былых.
Лёгкий ветер
С восточной летит стороны.
Указал направленье
Стремлений моих.

Звёзды в небе горят
И зовут небеса,
Подо мною струится
Большая река.
Опускаю с улыбкой
На вёсла глаза,
А потом поднимаю их
Вновь в облака.
Слышу музыку где-то.
Мелодия «шан»*
Мне не трогает сердце —
Скитанья милей...
Шапку с поясом брошу
В бегущий туман
И в родное село
Возвращусь поскорей.

* Музыка «дней», текущая, современная.

* * *

Как беден мой дом,
И труды меня так утомляют....
Бурьяном зарос
И кустарником весь огород.
Над ним только коршуны
В небе пустынном летают,
И редко сюда
Забредает прохожий народ.
Мир так бесконечен
Во времени и в расстояньи,
А жизнь человека
В сравнении так коротка,
Что если не бросить
Раздумья о преуспеяньи,
То даже подобный удел
До срока прикончит тоска.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДОРОГОЙ МНЕ МИР

Мне смолоду чужды
О деньгах и славе заботы.
От рожденья влюблён я
В природную жизнь, в простоту.
Попал по ошибке, должно быть,
В мирские тенёта.
Захотелось исправить свой промах
И сделать предметом мечту.
Распахал целину
Среди гор, на окраине южной.
Дом возвёл на усадьбе
Размером в одиннадцать му.
Чтобы летом жара
Не была слишком жгучей и душной,
Тень от вязов и воду ручья
Я к жилищу провёл своему.
Во дворе, как и в доме,
От жизни столичной ни метки,
Только солнце утрами
И лунные ночью лучи.
Словно певчая птица,
Как долго я маялся в клетке!
И теперь наконец-то
Желанный покой получил.

* * *

Подвластная бурям
Растёт над обрывом сосёнка.
И тянется к небу
У бездны на самом краю.
По нашим понятиям,
Дерево вроде ребёнка.
На что опереться ей —
Думает думу свою.
Мы в этой картине,
Тревожной, прелестной, привычной,
Когда проживаем
Иль просто бываем в горах,
Предчувствуем Разум природы
И собственный, личный.
Хороший пример —
Не впадать перед будущим в страх.

ПРОСЛАВЛЯЮ БЕДНЫХ УЧЁНЫХ

Один из таких был влюблён
В неказистый свой дом.
Вокруг его дома
Кусты разрослись и трава.
С чинами и знатью в округе
Он был незнаком.
Стихами зато и мечтами
Дышала его голова.
Один только друг
В захолустье его посещал.
Был прост человек —
Не имел он ближайших родных...
А всё потому,
Что внимания не обращал
На то, что заботит
На этой земле остальных.
Жил сам по себе,
Не искал даже маленьких благ.
Ни в чём нищета
Не сумела ему помешать.
Был счастлив вполне
Этот полный житейский простак.
И я бы не прочь
Оборванцу тому подражать!

МЕЧТЫ СЕЛЬСКОГО ЖИТЕЛЯ

Благородно рождённый
Стремится в пределы иные.
Я же к собственной родине
С давнего детства привык.
И мечтаю, как в доме моём
Соберутся друзья и родные,
Те, что трудятся здесь,
И любой деревенский старик.
Чтоб вино и струна
Были в дружбе сердечной со мною,
Чтобы чаши с вином
Неизменно бывали полны,
Чтоб весло моей лодки
Дружило с речною волною,
Чтобы вдоволь я спал —
И никто на заре не будил.
Дела нет мне до тех,
Кто болеет тщеславьем бессильным,
Кто страдает презреньем
К судьбе трудовой и простой.
Эти плохо закончат
Под камнем недвижимым, могильным,
Там же сгинут заботы о славе
Смешной и пустой.

ИСТОЧНИК

(фрагменты поэмы)*

Эта быль не забыта.
Искателей счастья в долинах
Одолели невзгоды —
От них они в горы ушли.
Их следы затерялись
В столетиях тёмных и длинных,
И дороги скитаний
Высокой травой поросли.
И охотник однажды
В далёких горах заблудился,
На пещёру набрёл,
Под тяжёлые своды проник.

** В оригинале поэма называется «Персиковый Источник», но в ней явно звучат мотивы общемировой легенды о Шамбале или Тэбу Азии, которую искал в своих восточных походах Александр Македонский, о стране «пресвитера Иоанна» средневековых хроник Европы, о Беловодье русских летописей, наконец, о «Земле Санникова» советского академика В. А. Обручева и других мечтателей самого последнего времени. Поэтому я убрал из названия поэмы Тао Юаньмина «Персиковый», поставил определение «Великий». Но оставил лишь слово «Источник», таким образом «интернационализовав» мечты величайшего китайского поэта, придав им современное звучание мифа, который до сих пор не уходит из средств массовой информации.*

Там огонь вдалеке
В темноте непроглядной светился,
Под ногами струился
Прозрачный источник-родник.
И охотник отправился
Вдоль по ручью на свеченье,
Не хотелось ему возвращаться
Под небо исканий назад.
И внезапно раздвинулся
Каменный облик ущелья,
Превратилась пещера
В сияющий радостный сад.
На ветвях у деревьев
Румяные персики зрели.
Неизвестные фрукты
Таили неведомый вкус.
Безмятежные люди
Трудились повсюду и пели.
И был дивен пришельцу
Труда и природы союз.
«Кто вы?» — задал вопрос
Запевалам подземным пришелец:
«На земле все враждуют
За место на ней, за уют...
Каждый выгоду ищет,
Себя только чтит. Неужели
Есть такой уголок,
Где все вместе, как птицы, поют?»
И услышал ответ:

«Мы — совсем не беспечные птицы.

Мы страдали, как вы,
Под землёю спасенье нашли.

А с собой захватили сюда
Наслажденье трудиться —
Этот древний Завет
Был завещан творцами Земли.

Неизменное счастье труда
Охраняется нами с прихода,
Под землёй протекли
Наши многие тысячи лет.

А в делах неустанных
Всегда помогает природа,
Всюду видим её
Благодатную помощь и свет.

Шелкопряды прядут
Здесь свои бесконечные нити.
Нет чиновников алчных,
Судов и налогов лихих.

Каждый сам себе князь,
И истец, и судья, и хранитель
Уложений старинных,
Законов и правил благих.

Ты не встретишь нигде
На путях наших нищих прохожих,
На плетнях из бамбука
О солнце поют петухи.

Лай собак раздаётся —
У нас он приветливый тоже.

А подземные ветры
Теплы круглый год и тихи.
Это Чудо таится
В далёких пещерах восточных
И откроется скоро
Для всех направлений и глаз.
Правит Светом и тьмой
На планете Великий Источник,
Только Он отдаёт
Переменам последний Приказ».
И вернулся охотник
В родную страну ожиданий.
Окружили его земляки
И спросили: «Когда
Наконец, нас покинет
Несносное бремя страданий?»
Был уклончив ответ:
«Добивайтесь блаженства труда».
«Где ты видишь его?
Реки слёз и бессмыслицы всюду!»
Что ответить? Трудами
Дорога проложена к Чуду.

«МУДРОСТЬ» ПОУЧЕНИЙ

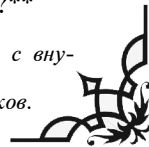
С детства я не любил
Поучения умные старших,
Затыкал себе уши,
Язык заставлял помолчать.
Но пришла же охота
В полвека у жизни на марше
Самому уму-разуму
Вдруг молодых поучать.
Вот пытаюсь найти
Прежней радости искры.
Но один только пепел
В печальной душе нахожу.
Всё остыло в ней:
Страсть к путешествиям, риски...
Целый день в размышленьях
По дому пустому брожу.
Пусть не радость былая —
Нехитрая шутка, потеха...
Я не в силах угнаться
За бегом рассветов и лун.
Загорится вдруг сердце —
Уехать куда-то, уехать!
Но найду ли созвучье
Восточных и западных струн?*

Разве где-то на Южной Горе?*

* В данном случае созвучие внешнего мира с внутренним состоянием души поэта.

** Южная Гора — символ древних могильников.

ОТПРАВЛЯЮСЬ
К УЧЁНЫМ В ЛИНЦЫ*

Цвет у этой сосны
С виду кажется нам тёмно-синим.
Но она зелена и порой,
Где господствует тлен.
Есть и почки на ветках,
И позже сверкающий иней.
Кто о дереве скажет,
Что не знает оно перемен?
Надоело ушам моим
Слышать обычные речи,
Захотелось прислушаться к тем,
Кто сомненья мои разрешит.
И решил я поехать в Линцзы
На учёные встречи.
Там, по слухам, наука
Небесную мудрость вершит.
Попрощался с семьёй,
Не узнав о собраниях** толком,
Вышел из дому.

*Линцзы — одна из древних столиц Китая.

** В Линцзы с древнейших времён собирались для
собеседований учёные Китая.

Снова вернулся, присел...
Мне не страшно, что путь мой
Окажется трудным и долгим.
Я боюсь, что напрасно
Задумал учёный прицел.
Что одежда и обувь моя
Будет выглядеть там захолустной,
А вопросы воспримут
За вздор или за пустяки.
Всё, что сердце тревожит,
Я выразил плохо и грустно.
Потому написал
По дороге в столицу стихи.

* * *

Ослабевшее солнце
На запад уходит неспешно.
Ясный месяц взамен
Над восточной горою застыл.
Вдаль и вглубь простираются оба
Ладонями нежно,
Проникают лучами, как пальцами,
В бездны просветов пустых.
Ветер в комнате бродит,
Лунатиком, крадучись, сонно.
И пока я в постели сижу,
Он циновку мою холодит.
В том, что воздух иной,
Что пришла перемена сезона,
Сообщает мне месяц —
Он тоже в окошко глядит.
Отражения в тучах купаются.
Сердце — в задумчивой грусти.
Не сумел я мечты воплотить
Ни душою своей, ни рукой.
Лишь об этом помыслю —
Бессонница глаз не отпустит,
И уже до утра
Не вернётся к поэту покой.

* * *

Я свой дом отыскал
В тесноте деревенских жилищ,
В скрипе бедных телег,
Среди сельских забот и обид.
Ты мне скажешь:
«Играешь, мечтатель, шалишь,
Никуда не уйдёшь
От рогов, от хвостов и копыт!»
Это так. Ведь не станешь
Трудящимся людям чужой,
Есть дела неотложные:
Лето, весна и зима...
Нужно просто от лишней мороки
Уйти отстранённой душой.
Суета разрешится
Без лишних усилий сама.
Хризантему нашёл,
На востоке в саду расцвела.
Оглядел с восхищением
Южные склоны горы.
Как прекрасны природы
Картины, заботы, дела,
Когда птицы домой улетают
К исходу осенней поры.
В этом истину жизни
Видят лучшие из умов....
Я хотел бы продолжить...
Да не хватает мне слов...

* * *

Ни души. Я бреду,
Опираясь на прочную палку.
Возвращаюсь с прогулки,
Где роща густая — ничья.
Обратите вниманье —
По лесу иду, не по парку,
Мою ноги босые
В дороге водой из ручья.
Дома ждёт
Молодое вино домоседа.
На насесте пока ещё
Курица жирная спит.
Я к столу приглашаю
Старинного друга — соседа.
Вот уж спящая птица
На печке горящей кипит.
День ушёл вместе с солнцем,
Укрылся за выступом горным.
В доме сумрак вечерний.
Покой. Благодать. Тишина.
Пламя в печке открытой
Нам светом сияет проворным.
Значит, свечка соседу и мне
На столе не нужна.

Пьём вино —
И веселье к обоим приходит.
Жаль, что ночь коротка,
Но об этом печалимся зря.
Можно чувствовать радость
Даже при хмурой погоде,
Всё равно ведь поднимется
Завтра над миром заря.

ШЭНЬ ЮЭ
(441—513)

Крупнейший китайский поэт, основоположник теории стихосложения, учёный, политический деятель. По взглядам тяготел к буддизму и даосизму. Был очень осторожен, что позволило ему пережить двух китайских правителей. Однако на третьем споткнулся. Император У-Ди, сам слывший крупным знатоком поэзии, резко раскритиковал подаренный ему Шэнь Юэем трактат о стихосложении. Отношения между монархом и поэтом испортились; правда, до отрубания головы и даже до ссылки дело не дошло. Как говорят биографы Шэнь Юэ, владыка страны ограничился холодным отношением к поэту.

Трактат до наших дней не дошёл, известно лишь, что он содержал рассуждения о рифмах, поэтических тонах и размерах, считался каноном для танской поэзии.

В стихах Шэнь Юэ есть и любовные темы, что хорошо иллюстрирует следующее стихотворение.

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЮБИМОЙ

Вспоминаю, как вошла она,
Стены озаряя и ступени,
Как разлука с ней была длинна,
И казалось вечным нетерпенье...
Как возникла эта тишина
После взглядов, слов, прикосновений.
Вспоминаю, как она сидела,
Струн касалась тополя стройней,
Как на них играла, нежно пела,
Что ни песня — тише и нежней.
Как она вино пила и ела —
Неотрывно я следил за ней.
Вспоминаю — взглянет, отвернётся
От еды, за стол не хочет сесть.
От плода откусит, улыбнётся,
Словно вовсе не желает есть.
Непонятно, как ей удаётся
Естество притворству предпочесть.
Вспоминаю, как она спала.
Я уж сплю, а ей никак не спится.
Платье для любовных игр сняла.
Тянется опять к нему, боится,
Что увидят тайные дела.
И головкой вертит, словно птица.

ЧЭНЬ ЦЗЫАН
(661—702)

Чэнь Цзыан занимал высокие государственные должности, в частности пост личного секретаря императрицы. Позднее был цензором Государственного Совета. Отличался резким независимым характером, большой принципиальностью и нередко ссорился с властями. Помимо стихов писал трактаты политического характера, в которых критиковал власть. В какой-то момент Чэнь Цзыан сделал судебную ошибку и поплатился за неё годом тюрьмы. Правда, ему удалось реабилитироваться и всё-таки остаться на государственной службе. Одно время был штабным офицером в войсках, сражающихся с сепаратистами. Ухитрился поссориться и здесь.

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

После новой отставки и возвращения на родину был по сфабрикованному обвинению помещён в тюрьму, из которой уже не вышел до конца своих дней.

Выступал против формализма и «дворцовой поэзии», за возвращение гражданской позиции в литературу. Стихи Чэнь Цзыана пронизаны состраданием к низам общества, идеями буддизма и даосизма, призывами к справедливости, обличением богатеев, продажных чиновников.

Считался одним из создателей особого литературного жанра — поэтических экспромтов, «ин».

Поэт остался в памяти китайцев как деятель, которому удалось обрести равновесие между служением государству, обществу и поэзии.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Мой край родимый,
Ты ещё вдали..
Ни поутру, ни днём,
Ни в час закатный.
Уж за спиной
Немало тысяч ли
Домой дороги,
Трудной, непонятной...
То горы, то снега,
Ущелья и туман
Путь одинокий
Пилигриму преграждают.
То поздно ночью
Крики обезьян
Тоскливые меня
Сопровождают.

СКОРЬБЬ ПО ПРОШЛОМУ

Познав бесконечность небес и земли,
Не вижу сегодня героя
Из прошлого нашей великой Семьи.
И плачу об этом, не скрою.

СКОРЬБЬ ПО НАСТОЯЩЕМУ

Торговцы упиваются
Временной удачей,
От мелочных забот
Им никуда не деться
Душой своей с рожденья,
Жалкой и незрячей,
Не знают и не могут
В грядущее взглядеться.
К мошенничеству склонны,
Богатствами кичатся,
Трактатов драгоценных
Их племя не читало.
Законы превращений
Заставят повстречаться
Таких людей неумных
С суровой волей Дао.

МЭН ХАОЖАНЬ
(689—740)

Старший современник прославленных во всём мире Ван Вэя, Ли Бо и Ду Фу, которого эти великаны считали своим учителем и которому посвящали стихи. Сам же Мэн Хаожань был человеком чрезвычайно скромным, безвыездно жил в деревне, сторонился всякой публичности.

Родился в большой, но небогатой семье землевладельца, исповедующего конфуцианство, шестым по счёту сыном. В столице, куда приехал зрелым человеком в возрасте сорока лет, Мэна ждали как неудача — не сумел сдать экзамен на государственного чиновника, так и удача — знакомство со знаменитым Ван Вэем, тогдашним премьер-министром, готовым представить поэта императору.

Увы, Мэн не воспользовался редким шансом. Когда друзья беседовали в доме Ван Вэя и туда по-

Часть III. Классическая лирическая поэзия

жаловал император, Мэн Хаожань со страху залез под кровать. Появившийся император осведомился о протееже Ван Вэя. Когда того, наконец, извлекли из его убежища, он лишь краснел и не мог объяснить свой поступок. Обстановку разрядил император. Согласно легенде, обращаясь к Ван Вэю, он произнёс такие слова: «Этот человек сам не хочет мне служить, чем же я могу ему помочь?»

Вся дальнейшая карьера и прижизненная слава поэта не задались, однако современники ставили его на один уровень с Ван Вэем, а современные китайские филологи считают основоположником пейзажной лирики Поднебесной. В Китае есть традиция передавать лучшие стихи из поколения в поколение устно. Одним из таких самых известных стихов мастера считается «Весеннее утро», завершающее подборку стихов, помещённую ниже.

Стихи Мэн Хаожаня входят во все китайские антологии наряду с именами самых лучших поэтов Танского периода. Его творчество оказало большое влияние на японскую поэзию.

Впрочем, русский читатель по публикуемым нескольким стихотворениям может сам оценить уровень поэтической культуры и степень мастерства поэта. Мне он очень напоминает из великих европейских стихотворцев певца сельского уединения Френсиса Жамма.

В ДЕРЕВНЕ У СОСЕДА

Пшено и курица —
Соседа угощенье.
Сидим, любимся
На небо и на горы.
Вино домашнее
Неторопливо пьём,
Неспешные
Заводим разговоры —
Про коноплю, тутовник,
Про плетень
(Поправить надо) —
Это наши темы.
Когда придёт
«Двойной девятки день»,
Вернусь сюда
На праздник хризантемы.

ПО ДОРОГЕ В СТОЛИЦУ

Издалека
Летит усталый гусь,
Мечтает он о пище и ночлеге.
Мои мечты о том же самом,
Пусть
Я еду в город
В старенькой телеге.
Опали листья,
Выпал снег в горах,
Вороны раскричались,
В сердце смута.
Меня терзает
Постоянно страх,
Что окажусь в столице
Без приюта.

ВДАЛИ ОТ РОДИНЫ

Рябь, точно дрожь, на реке
Ветер холодный погнал,
Листья опали,
И гуси на юг пролетели.
Я — на чужбине,
От милых краёв вдалеке.
Плачу всю ночь
В неудобной холодной постели.
Слёзы иссякли,
Гляжу высоко в небеса.
Где переправа —
Ответит ли кто пилигриму?
Тучи плывут надо мной,
Как назад паруса.
Но не вернут меня к дому,
Пронесётся мимо.

Часть III. Классическая лирическая поэзия

* * *

Меня весной не утро разбудило,
А звуки птиц, светлы, нежны, легки.
Веселье их, как солнце, осветило,
И захотелось написать стихи.

ВАН ВЭЙ
(699—759)

Один из самых выдающихся китайских поэтов, художник, музыкант, мастер каллиграфии, живший в эпоху Тан. Родился в семье чиновника, принадлежавшего к старинному роду. Мать Ван Вэя была убеждённой буддисткой, потому мальчик с детства много времени проводил в чаньских монастырях. Ещё больше влекла его поэзия. Стихотворение «Персиковый источник», написанное им в 16 лет, сделало Ван Вэя знаменитым и открыло перед ним двери в дома знатных вельмож и наследных принцев.

Ван Вэй продолжил чиновничью стезю отца, успешно сдал традиционные чиновничьи экзамены. В обязанности молодого чиновника входило «наблюдение» за исполнением старинной музыки

Часть III. Классическая лирическая поэзия

в храме предков. Однако Ван Вэй недолго прослужил в этой должности, впал в опалу (и это будет происходить с ним в течение всей жизни). Вообще, чиновничьи обязанности, которыми Ван Вэй занимался в последующие годы и в которых достиг максимальных высот, не были для него главным делом жизни, в душе его никогда не умирал художник во всех смыслах.

Он покупает усадьбу вблизи столицы, создаёт там поэтический кружок. Нередко на «салонные встречи» забредали монархи и монахи-отшельники, жившие в горах. Звучали стихи и сутры, велись возвышенные беседы о даосизме, чань-буддизме, конфуцианстве. Образованность, усердие при исполнении служебных обязанностей, положительное влияние на людей были слишком очевидными для начальства. Его всё время повышают по службе, делают императорским советником, главным цензором, наконец — премьер-министром.

В 755 году в Китае происходят чрезвычайные события: мятеж военачальника Ань Лушаня. Бунтари арестовывают поэта, три года он проводит в заточении в буддийском храме. Когда мятеж был подавлен, Ван Вэй освобождают и назначают на новую высокую должность при дворе. Некоторое время он работает, затем окончательно подаёт прошение об отставке, поселяется в горах, становится чань-буддийским отшельником.

Поэтическое наследие Ван Вэй составляет около 400 стихотворений, причём его биографы утверждают, что главное из написанного погибло во время

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

мятежа. Историки литературы сходятся во мнении: лейтмотив его творчества — поклонение природе, воспевание красоты, а также раскрытие глубинных связей между человеком и мирозданием. Он писал об идеальном государстве, проявил себя как самобытный живописец, создавший школу монохромной живописи. Творчество Ван Вэя и прежде всего его поэзия — это искусство недосказанного, мастерство намёков в передаче настроений. По мнению биографов, он обладал даром синестезии: увидев картину, изображающую музыкантов, поэт со стопроцентной точностью не только называл произведение, которое они играли, но даже указывал такт.

Ван Вэя до сих пор пристально изучают во всём мире, в России — тоже. В недавно вышедшей в издательстве «ВЕЧЕ» книге «Сто лучших поэтов мира» наряду с Ли Бо законное место занимает Ван Вэй. Гениальный Георгий Свиридов написал на стихи поэта вокальный цикл для баритона и фортепиано «Песни странника».

В ГОРНОЙ ХИЖИНЕ

Полжизни я прожил и поменял
Столичный быт на горный перевал...
В местах пустынных каждый день брожу,
На прошлый вздор с улыбкою гляжу.
Теперь же — как рождается река
И рядом проплывают облака.
Порой мне попадётся дровосек,
Готов с ним проболтать хоть целый век.
Спохватимся вдруг в паузе немой —
Говорунам давно пора домой.

* * *

Одуванчика пух
На висках с каждым днём всё сильнее.
Годы тоже бегут,
Совершая безвременный труд...
Значит, жизни вино
Наливать надо в чашу полнее.
А висков не жалеть,
Ведь цветы всё равно расцветут.

ОСЕННИЕ ГОРЫ

Очистилось и посветлело небо,
Осенняя пора видна везде.
Ручей о камни ледяные бьётся слепо,
Луна к Полярной движется звезде.
Внизу слышны подружек разговоры,
Цветы увяли, источая грусть.
Они не так выносливы, как горы.
В столицу я отсюда не вернусь.

МОЛЧАЛИВЫЙ РАЗГОВОР С ДРУГОМ

Розовый безоблачный закат.
Горы. Тишина. Лишь звон цикад.
Тонкий аромат приносит тлен
Из великой «Книги Перемен».
Впрочем, мой побег от суеты,
Может быть, не одобряешь ты?
И тебя влечёт не отблеск звёзд,
А высокий в Поднебесной пост?
Я же слишком сердцем поседел
Для дворцовых беспокойных дел.
Может, ты столичное житьё
Сменишь на монашество моё?

СИЖУ У ГОРНОГО ХРАМА

Поднялся в горы на последнюю вершину.
Тропинка кончилась. Туман со всех сторон.
Ручей шумит, торопится в долину,
На миг умолк под колокола звон.
Не шевелюсь, поддавшись общему закону.
Закат сгущается, повсюду гаснет день.
В душе обуздываю древнего дракона,
А это вечная обязанность людей.

ПОДНОШЕНИЕ УШЕДШЕМУ ДРУГУ

Дальний лай собак и звон цикад
Провожает мой земной закат.
Я тебя недавно проводил.
Ты теперь среди иных светил.
Травы собираешь для лекарств,
Лечишь боли нижних государств.

**К ПОРТРЕТУ ЗНАКОМОГО,
С КОТОРЫМ РАССТАЛСЯ В ЮНОСТИ**

Я набросал портрет ваш тех времён,
Когда мы оба были молодыми.
Пусть повторится незабвенный сон,
Растаявший давно в вечернем дыме.

ПАМЯТИ ДРУГА

О, как твоих мне не хватает взглядов
И тихих слов, звучавших так светло!
Разъединивши рукава халатов,
Вдвоём теряем общее тепло.
На склоне лет я до сих пор не верю,
Что ты ушёл, живешь в иных горах...
И эту безвозвратную потерю
Ценю сильнее, чем движущийся прах.

ОТВЕТ НА ПИСЬМО ДРУГА

На склоне лет душе всего дороже
Отшельничество, горы, тишина.
Всё остальное сердце не тревожит.
Что ещё нужно? Лютня и луна.
Воспоминаний в сердце не осталось,
Звезда надежд, как никогда, близка.
Ты спрашиваешь, что со мною стало?
В ответ исполню «Песню рыбака»*.

**В китайской символике символ полного благополучия.*

У ГОРНОЙ СКАЛЫ

Из горной скалы
Вытекает холодный родник.
Я чашу вина
Поднимаю над чистой водой.
Заботливый ветер
В моё настроение вник.
Меня осыпает
Последней осенней листвою.

СТИХИ ЛЕНЮСЬ Я СОЧИНЯТЬ

Однообразно в старости мелькают ночь и день,
Стихи с картинами писать становится мне лень.
В ином рожденьи был уже поэтом
И живописный дар наследовал при этом,
Отречься от привычек прошлого не смог.
Отсюда пересуды, что я мастер и знаток.
Однако сердцем без ошибки чую,
Что в будущем иных заслуг хочу я.

ВЕСНА В ДЕРЕВНЕ

Поют от души прилетевшие птицы,
Цветут абрикосы в соседнем саду.
Готовлю под сток родниковой водицы
Я чашу в камнях и запруду плету.
В глазах выплывает живая картина:
Далёко, в лучах наступившего дня
Мой друг наливает вина из кувшина,
Но пить не спешит, вспоминает меня.

**СЛУШАЯ, КАК ПЭЙ ДИ*
ДЕКЛАМИРУЕТ ПО СОСЕДСТВУ СТИХИ,
НАПИСАЛ СВОИ ШУТЛИВЫЕ**

Всю ночь обезьяны
Тоскливо кричали,
И криками
Сердце моё удручали.
Пэй Ди, не читай
Свои вирши, иначе
Я, слушая голос твой,
Тоже заплачу.

* Поэт, друг Ван Вэя.

В БОЕВОМ ПУТИ

Трубят рога на сонном берегу,
Зовут солдат скорее пробудиться.
Те к лошадям разнузданным бегут,
Венный скарб кидают в колесницы.
Рогам подыгрывают тонкие рожки,
Копыта топчут ирисы и травы.
Все устремляются к излуине реки,
Где мелководье лучшей переправы.
За ней сраженья беспощадный гам.
Задача главная — дать армии проверку
И к Сына Неба властным сапогам
Князей напавших связанных повергнуть.

СТИХИ, РОЖДЁННЫЕ ВО СНЕ

Не влекут ни любовь, ни вражда.
Что со мной в этой жизни случилось?
Даже истина ныне чужда,
А душа к ней так долго стремилась.

ЧЖУАН-ЦЗЫ И КУН-ЦЗЫ

И Конфуций, и Чжуан-цзы
В голове Пустотой заменились.
Неужели сии мудрецы
Мне в одну из ночей лишь приснились?

ВЕЧЕРНЯЯ МЕДИТАЦИЯ

Грушу в вечерней тишине
О подступившей седине.
За окнами вот-вот к ночи
Вторая стража* прозвучит.
Листва садов уходит в прах.
Опали яблоки в горах.
Один у всей природы путь,
Нам время вспять не повернуть.
И ни один ещё мудрец
Не сделал золотом свинец.
Я тоже до конца не вник
В святую мудрость древних книг.
Как осознать земному «я»,
Что «нет у Будды бытия»?**.

* Время от 21 до 23 часов.

** «Нет у Будды бытия» — главный догмат буддизма. Будда не рождается и не умирает.

НАПИСАЛ ЭКСПРОМТ
И ПРОЧЁЛ ПЭЙ ДИ

Смести бы пыль
Всех суетных забот,
Уплыть на лодке
В персиковый* грот.
И там, одолевая
Смерти власть,
К источнику бессмертия
Припасть.

* В китайской мифологии персиковая долина, персиковый источник — символ бессмертия.

ЛИ БО
(701–762/763)

Величайший китайский поэт эпохи Тан и один из мировых «королей поэзии» наряду с Омаром Хайямом, Данте, Петраркой, Шекспиром, Гёте, Пушкиным и другими немногими гениями. Он оставил после себя около 1100 произведений, из которых 900 составляли стихи. Известный китаевед А. Е. Лукьянов пишет:

«Ли Бо как поэт был рождён и взлелеян в выточенной вселенскими энергиями колыбели космоса Поднебесной, состоящей из Неба со звёздными дворцами первопредков и великих правителей, Земли с храмами-горами царей и фанзами простолюдинов и плавно вьющегося между ними вихря, образо-

ванного встречными потоками ветров-нравов (фэн) восьми сторон света. Ли Бо были ведомы пределы небесного верха и земного низа. По первородной сущности его почитали небожителем. Среди ближайших друзей он так и звался «бессмертным гением, в наказание поверженным с небес на землю».

Поэт прожил яркую, насыщенную драматическими событиями 63-летнюю жизнь. Отличался эксцентричным поведением, много путешествовал, был очень наблюдателен, жаден до впечатлений. Исследователи его творчества считают, что своей поэзией Ли Бо откликнулся практически в ту далёкую эпоху на все главные темы современной ему жизни.

Ли Бо не принадлежал к знатному роду, но получил хорошее домашнее образование, с десяти лет начал писать стихи. Мальчик рос смелым и независимым. Ему с юности претила строго регламентированная жизнь чиновника. В восемнадцатилетнем возрасте стал уходить в горы, где занимался духовными практиками со своим наставником — даосом Дун Яньцзы. Предложение занять одну из чиновничьих должностей Ли Бо отвергает, выбирает стезю путешественника. Вначале путешествует по родной провинции, затем странствует по всему Китаю. Рано создаёт свои знаменитые стихи «Песня о луне в горах Эмей», «Одинокое сию в горах Цзинтиншань».

В 27 лет Ли женится на внучке бывшего императорского министра и поселяется в горах. У поэта рождаются дети, однако дух странствий оказывает-

ся сильнее тяги к домашнему очагу; он на время покидает дом, находит молодых единомышленников, организует вместе с ними группу «Шестеро беспечных из бамбуковой долины». Участники поэтического союза ведут себя свободно: пьют вино, устраивают различные эксцентричные выходки, занимаются сочинением стихов, предаются созерцанию природы. Такой образ жизни считался в ту пору вызовом строгим конфуцианским порядкам. Вместе с тем Ли Бо, по словам знавших его современников, был очень чутким и сострадательным молодым человеком Молва приписывает ему заступничество за слабых и униженных.

Период странствий заканчивается. Ли Бо становится придворным, его представляют императору, удостоивают высшего академического звания. Импульсивный поэт с энтузиазмом принимает почести, полагая, что перед ним открываются новые возможности послужить родной стране. Однако император увидел в гениальном стихотворце лишь возможность для интеллектуальных забав и для возвеличения собственной особы. Но поэт был очень искренним, независимым человеком, не принимавшим придворной фальши и корысти, никогда не допуская лести и угодничества перед сильными мира сего. Его независимый характер был причиной его многих неприятностей. Согласно легенде, в какой-то момент поэт отказался прийти во дворец для чтения стихов. Это было расценено как неслыханная дерзость. Последовало немедленное изгнание.

Ли Бо предпринимает новый цикл путешествий по Китаю. В 744 году он встречается с Ду Фу, и до конца жизни два поэта фактически не расстаются, живут на соседних горах, обмениваются стихами.

В поэзии Ли Бо широко представлена вся великолепно поэтическая радуга Китая: и горные вершины, и радость встречи с друзьями на них, и женская красота, и вкус вина на дружеских пирушках, и восхищение музыкой природы, и любовь к народным праздникам с их неподдельны весельем, и творческий путь поэта со всеми его терниями, который он любовно эстетизирует. Да, именно в творчестве Ли Бо эстетизация жизни со всеми её противоречиями достигла в китайской поэзии высшей точки. обществом. Гениальный китаец исповедовал, кроме того философию подлинной свободы в рамках постоянного присутствия Дао.

Во время упоминаемого уже восстания Ань Лушаня Ли Бо делает ещё одну попытку приблизиться к власти. Наивный в политических хитросплетениях, он соглашается на получение государственной должности, но оказывается, что его пригласили ко двору мятежники. После подавления мятежа поэт бежит из столицы, его ловят и как государственного изменника приговаривают к смерти. В последний момент в судьбу Ли Бо вмешивается весьма авторитетный генерал Го Цзы-и. Он обращается к императору с предложением обменять свой генеральский чин на жизнь поэта. Император откликнулся на просьбу, заменил смертную казнь на дальнюю ссылку. Во время долгого пути к её месту поэт на-

Часть III. Классическая лирическая поэзия

писал множество стихов, но до места назначения не доехал: его настигла весть об амнистии. Он возвращается на родину, в дом своего родственника; предчувствуя уход, пишет «Песню о близком конце». В ней он сравнивает себя с волшебной птицей пэн, упавшей на землю.

Вокруг смерти Ли Бо, как, впрочем, и вокруг его жизни, сложено множество легенд. Одна из них гласит, что поэт, находясь в состоянии опьянения, вывалился из лодки и утону в притоке Янцзы когда пытался поймать отражение луны в воде.

**ТЕНИ НА ЯШМОВОЙ
ЛЕСТНИЦЕ**

При луне поднимаюсь на башню
По яшмовым долгим ступеням.
Так мне кажется. В самом же деле —
Ступаю по призрачным теням.
Только солнечный змий
Эти призраки днём поглотит,
Как подлунный дракон
Их на место опять возвратит.

БЕЛАЯ ЦАПЛЯ

Стынет белая цапля
На синей воде.
Приближеньё зимы
Незаметно нигде.
Но тоска на душе.
Под ногой одиноко
Тоже, чую, тоскует
Речной островок.

**ВЕСЕННИМ ДНЁМ
БРОЖУ Я У РУЧЬЯ**

Брожу в горах,
Вникаю в песни птички,
Здесь я ничей,
Окрестности ничьи.
Деревьям и камням
Стихи мурлычу,
Мне подпевают
Звонкие ручьи.
Кругом простор,
И облака теснятся.
Цветы сияют
Прелестью немой.
Могу с пространством
Долго объясняться.
Но к ночи тянет
Побыстрее домой.

НА ЗАКАТЕ СОЛНЦА

Умчались тучи вдаль, и небеса
Свои открыли чудные глаза.
Восточный ветер издали пришёл,
Ему цветы раскрыли нежный шёлк.
Но коротка привязанность небес —
Тюльпаны сохнут, облетает лес.
И снова начинаю я вздыхать,
Что кончилась природы благодать.
О, как бы мне на жизненном пути
Бессмертие под старость обрести!

О ТЕХ,
КТО ДРУГ ОТ ДРУГА ДАЛЕКО

1. Письмо любимому

Теперь я стала госпожой Востока,
Мой господин отсюда в сотнях ли.
От устья Хуанхэ и до истока
Цветы в речных долинах отцвели.
С тех пор, как мы разъединили рукава,
Завяли хризантемы и трава.
Цикад умолкли жалобные звуки,
Тоскует тело, сердце, голова.
Едва ли ветер нам надует встречу,
Скорей промчится мимо у виска.
О, как мне хочется твои услышать речи!
Чем ближе вечер — тем сильнее тоска!
Хочу с тобой бродить, шептаться, жить!
Одежды сбросив, свечи потушить!

2. Ответ любимого

Сижу одиноко
На склоне горы.
В бамбуковой роще
Стучат топоры.
Твой лик вспоминаю —
Прекрасна влюблённость.
И близость нежна,
И нежна отдалённость.

3. Ещё письмо любимому

Я от тебя далека,
Единственный мой друг.
Дикий рис уже вырос
За домом вокруг.
И цикада привыкла
К осенней поре.
Только я одиноко
Сижу на горе.
Одиночество душит,
И плачу всю ночь.
И никто и ничто
Мне не может помочь,
В белом инее травы
И веточки лоз.
Рукавом вытираю
Я щёки от слёз.

ОДИНОКО СИЖУ Я В ГОРАХ

Глубина голубая
Сияет, маня.
Надо мною
Проносятся птицы.
Я гляжу в высоту,
А она — на меня,
И не можем вдвоём
Насладиться.

ОПЛАКИВАЯ СОСЕДА-ВИНОДЕЛА

Лишился я соседа-винодела
Недавно, но мне кажется — давно.
Душа его на небо отлетела,
Где тоже гонит, видимо, вино.
А я живу. Такая вышла штука.
Грустим вдвоём с утра и дотемна:
Я потерял единственного друга,
Сосед мой — покупателя вина.

**ПРОВОЖУ В БЕСЕДАХ
НОЧЬ С ДРУГОМ**

Не вспоминаем прежние печали —
Ведём беседы лунными ночами
О главном в этой жизни и о тленном
И чтобы не сдаваться переменам.
Отводим время чашам и кувшинам,
Но знаем меру увлеченьям винным.
Не предаёмся бесполезным спорам,
Луна внимает нашим разговорам.
Почти всю ночь беседуем, не дремлем.
Как собеседникам, земле и небу внемлем.
Богине, видно, надобно послушать
О том, что интересно нашим душам.

ГЛЯЖУ НА ВОДОПАД

Любуюсь видом
Вечным и могучим,
Восторг весь день
Переполняет грудь.
И мнится, не вода
Спускается по кручам,
Но падает на камни
Млечный Путь.

**СМОТРЮ НА ПИК
«ПЯТЬ СТАРИКОВ»**

Среди юго-восточных облаков
Я вижу горный пик «Пять Стариков»,
Белеют в небе, словно лепестки,
Те названные нами «старики».
Они далёко видят всё кругом —
Наш временный и постоянный дом.
Я тоже поселиться бы здесь мог,
Последнюю закончив из дорог.

ХРАМ НА ВЕРШИНЕ ГОРЫ

В заброшенном храме
Под пологом Млечным
Такой ощущаю
Торжественный час,
Что даже раздумьем,
Обычным, невечным,
Боюсь потревожить
Ушедших от нас.

ОТШЕЛЬНИК ЮАНЬ ДАНЬЗЮ*

Там, на востоке,
Отшельника дом,
Весь день он лежит,
Не вставая...
Учёность обрёл
В состоянье таком,
От времени не отставая.
Не ведает звона
Мечей и речей,
Приглядывает за облаками.
С ним рядом —
Не менее мудрый ручей...
И нам бы так жить веками!

** Близкий друг Ли Бо. Славился тем, что владел искусством «продления жизни». Сам император, согласно китайским хроникам, приглашал Юаня Даньзю для долгих доверительных бесед на тему бессмертия.*

ЛЕТНЕЕ УТРО

Ленюсь в жару
Рукой пошевелнуть.
Снял всю с себя одежду,
А ведь надо
До облаков закатных дотянуть.
Где ветер!
Где сосновая прохлада!

**ОТПРАВИЛСЯ К ДРУГУ-ОТШЕЛЬНИКУ,
НО НЕ ЗАСТАЛ ДОМА**

Безоблачный великолепный день,
На ветках зреют персики и сливы.
Мне по дороге встретился олень,
Не ринулся бежать, небоязливый...
Приветливая радуга вокруг
От струй повисшего у дома водопада.
Куда же мог исчезнуть старый друг?
Где совершенней может быть отрада?!

**ВОЗВРАЩАЮСЬ
К СТАРОМУ ЖИЛИЩУ В ГОРАХ**

Не утираю слёз,
А с одеянья — пыли.
Тропа, что мной протоптана,
Уж заросла травой.
Но пики гор родные,
Меня вы не забыли.
Сияете снегами
Над снежной головой!..
Опали листья. Ива
Упала в воду. Осень.
На небе тучки мёрзнут,
Как и природа вся.
Со старой хижиной рядом
Вырос бамбук весёлый.
Выходит, ведь и поэту
Никак стареть нельзя.
Да из села, что ниже,
Лай бесконечный слышен,
Из кухни грузно выпорхнул
Упитанный фазан.
Старушка-обезьяна
Кричит тоскливо с крыши.

Везде кричат заботы,
Увы, моим глазам.
Достал я старые книги —
Страницы жучки изъели.
Вылезла мышь, зашуршала,
Воззрилась на меня.
Жилище не покину,
Всю перетру посуду
И стану умным к лету,
Как эта мышь, и я.

ШУЧУ НАД ДРУГОМ ДУ ФУ

Встретил друга Ду Фу
Я в убежище горном,
Где снега безупречны
И ели тихи.
Что случилось?
Вы сделались тощим и чёрным.
Неужели так трудно
Даются стихи?

**КАК КРИЧАТ ТОСКЛИВО
ОБЕЗЬЯНЫ**

Как кричат тоскливо обезьяны.
Побелела тёмная гора:
В ней исчезли чёрные изьяны...
Мне отсюда уходить пора.
Медлю. Что-то сердце манит сладко.
Чувству подчиняюсь своему.
Мне бы посмеяться над загадкой —
Плачу, сам не зная, почему.

ШУЧУ НАД СОБОЙ

Меч поднимаю и рублю ручей —
Но продолжает течь его вода.
Вином залить стараюсь грусть очей —
Она же не уходит никуда.

ПОД ЛУНОЙ
ОДИНОКО ПЬЮ

Кувшин поставив на траву,
Я в час ночной припал к вину
И одиночество зову
Со мною разделить луну.
Прилечь на землю тень прошу.
Вино мы пьём уже втроём.
«А что, друзья мои, — скажу —
Быть может, вместе запоём?»
Я начинаю петь, и вот
Подтягивает мне луна,
И тень безмолвная поёт.
А ну, нальём ещё вина!

Я принимаюсь танцевать,
Луна колышется в воде.
И тень не хочет тоже спать —
Веселье разлилось везде.
Нам было хорошо, пока
Не выпит был до дна кувшин,
Не заалели облака,
Не вспыхнул свет из-за вершин.
Мы разошлись — куда кому...
Был тост последний очень прост —
Вновь будем жить по одному.
До новой встречи среди звёзд!

**ГРАНАТОВОЕ ДЕРЕВО
ПОД ОКНОМ СОСЕДКИ**

Под окном у соседки
Раскинулся сад.
Там расцвёл, как обычно,
Весною гранат.
Он, как губы любимой,
И нежен и ал.
С ним бледнеют в сравненьи
И шёлк, и коралл.
Птицы гнёзда на ветках
Гранатовых вьют.
Соловьи свои песни
Ночами поют.
Как бы веткой цветущей
Мне сделаться вдруг!
И коснуться однажды
Соседкиных рук.
К ней под вечер забраться
Безмолвно в окно.
Я мечту свою эту
Лелею давно.

ДУ ФУ
(712—770)

Ду Фу — ещё один великий поэт эпохи Тан, замыкающий поэтический триумvirат гениев Поднебесной, где впереди него идут лишь Ван Вэй и Ли Бо. Родился Ду Фу в столице Китая Лояне. Выходец из некогда знатного чиновничьего рода. Его дедом был известный сочинитель стихов Ду Шэнь-ян, потому Ду Фу проникся «поэтической философией» с детства и любил говорить: «Поэзия — занятие нашей семьи». Молодой человек много путешествовал по Китаю, где знакомился с самыми разными людьми. В небольшой таверне Лояна состоялась перевернувшая жизнь Ду Фу судьбоносная встреча с Ли Бо, королём поэтов Китая. Возникшая между поэтами

Часть III. Классическая лирическая поэзия

дружба, внимательнейшее отношение Ли Бо к молодому другу, их постоянная взаимопомощь вошли в мировую литературу как пример редкого в мире поэзии душевного и духовного братства.

Подобно большинству поэтов Поднебесной, Ду Фу пытался устроиться на службу чиновником. Иногда у него это получалось легко, в другие периоды его преследовали неудачи. Однажды Ду Фу дали незначительную должность при дворе. Но во время мятежа Ань Лушаня, подобно Ван Вэю, он был вынужден бежать из столицы. После подавления мятежа Ду Фу вернулся к чиновничьей службе, получив право на критику придворных порядков. Однажды воспользовался «демократией» той поры, но был арестован. Короче, поэт досыта вкусил «прелестей чиновничьей жизни в Поднебесной».

Ду Фу слыл человеком большого сердца, сострадавшим людям, что проявлялось как в его поступках, так и в его поэзии. Он не был пацифистом, но великим гуманистом был точно.

Большую часть жизни жил весьма бедно, фактически выживал, занимаясь собиранием и продажей лекарственных трав, причём искусству траволечения его научил сам Ли Бо, постигший эту науку у даосского мастера.

Биографы отмечают, что Ду Фу за его не очень длинную жизнь (58 лет) так и не удалось построить дом для семьи, о чём он всегда мечтал. Ему пришлось много страдать, потерять сына, затем дочь. Умер поэт в бедности, легенды говорят: это случилось в лодке-джонке, во время путешествия.

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

Зато поэт возвёл роскошный дворец поэзии, переживший тысячелетия — написал почти 1500 стихотворений и создал философскую лирику, наполненную размышлениями о духовном пути, о старости, смерти, о любви и дружбе. Значительную часть его наследия занимают стихи о природе, причём он считался «поэтом осени», «реалистом», творчество которого питают «силы земли», в то время как о Ли Бо чаще говорят как о «романтике», устремлённом в небо, о «поэте весны». При жизни Ду Фу получил от современников титул «ши шэн» — «совершенно-мудрый в поэзии».

Творчество Ду Фу оказало влияние на мировую поэзию, в частности на знаменитого японского поэта Басё. В России наиболее яркие переводы поэта были сделаны академиком В. М. Алексеевым, а также Ю. К. Щуцким, Л. Н. Меньшиковым, Л. Е. Бжиным, Н. М. Азаровой.

ПИШУ У ПЕЩЕРЫ МОНАХА

Пишу у пещеры монаха,
Что некогда жил здесь в горах.
Я дух его чую
Безмолвно ушедшим в природу.
А также свою одинокость,
Блаженство и прах
Всего, что стесняет
Желанья мои и свободу.
Ручьи здесь спокойно шумят
И закаты тихи.
В соседстве со мною
Лишь птицы, деревья и лани.
И льются струёй родника
На бумагу стихи,
И лодкой кажусь себе
В синем небесном тумане.

УСЕЧЁННО О ГЛАВНОМ

Облако в небе реки,
Точно птица, крылато.
На цветенье весны
Я гляжу и печалюсь о том,
Что пройдёт и она.
И всё жду наступления даты
Моего возвращения
В свой далёкий покинутый дом.

ПУТЕШЕСТВИЕ НОЧЬЮ В ЛОДКЕ

Лодка плывет во мраке,
Освещена луною.
Ветер прибрежные ивы
Вниз наклоняет, в воду.
Я её тоже касаюсь
Слабой своей рукою.
В небе луна сияет,
Всем предлагая свободу.
О, если б книжная мудрость
Стала для жизни пригодна!
Хлебом меня кормила,
Счастьем часов уютных.
Словно бедная чайка,
Мечусь над водой сегодня
В суетном напряженье
Надобностей минутных.

ВИЖУ ВО СНЕ ЛИ БО

В смертный час не страшна мне разлука, поверьте,
Хотя нам ещё рано готовиться к смерти,
Но сейчас без Ли Бо я совсем обессил.
Как давно рукава мы вдвоём не носили!*
Дорогой старый друг, ты приснился мне трижды,
Значит, жив и меня своей памятью зришь ты.
Ну, а если ушёл — это значит, что сердце
Захотело вдруг встретиться с единоверцем.
Всё крыльцо моё лунным наполнено светом.
Я лицо твоё вижу в сиянии этом.
Если птицей душа твоя бьётся в тенетах,
Я верну ей сейчас свободу полёта:
Ведь мы верим с тобою в «И-цзин»** и в законы,
Потому не страшны нам ночные драконы.

* Разъединить рукава в символике Китая — разлука.

** «Книга Перемен».

БЕСЕДКА НА БЕРЕГУ РЕКИ

Прячусь от солнца
В прохладной беседке,
У сонной реки напеваю стихи,
Словно птица на ветке.
Облака проплывают —
На мысли похожи.
Утомлённое сердце
Ничто не тревожит.
Ни о чём не грущу,
Не жалею, не плачу.
Видно, тоже природе
Ничего я не значу.
Не дано мне вернуться
В родимое поле.
Сочиняю стихи
От тоски, поневоле.

ДОРОГОЙ НАУК

Коршун, в небе парящий, наметил добычу,
Разглядев её зорко и хищно во мгле.
Там весёлые птицы любовно курлычут,
Предаются забавам своим на земле.
Как и тысячи всяких букашек беспечных,
Для которых плетёт паутину паук.
...Одинок бреду среди опасностей вечных
По дороге исканий и мудрых наук.

К ЗОЛОТОЙ МОЛОДЁЖИ

С презрением глядите на старый кувшин,
Мол, кубки из глины — сосуды не наши.
Равняйте вкусы на новых старшин.
Те пьют из роскошной серебряной чаши.
Но главное ведь не сосуд, а вино,
И форма нарядная сути не скроет.
Напьётесь до смерти, потом всё равно
На землю падёте и в землю заруют.

ТИГР

Свирепый тигр,
Гроза для лани малой,
Охотился и сам попал в капкан.
И сделался красивой шкурой вялой
Ещё недавно грозный великан.
Его положат ковриком диванным,
Не оживут стеклянные глаза.
Хорошее напутствие тиранам,
Кто подданным — как страшная гроза.

ОЛЕНЬ

Он забыл навсегда
Свой стремительный бег
И лежит на столе,
Уподобившись блюду.
В наше время
Почти потерял человек
Устремлённость вперёд
К вдохновенью и чуду.
Вместо этого — серость,
Вражда и раскол,
Бег погонею стал
За слепым униженьем.
А живая краса
На чиновничий стол
Угодила его
Неживым украшеньем.

ПОПУГАЙ

Попугая пленяет
Инстинкт повторенья.
Горделиво топорща
Упрямую грудь,
Без конца повторяет
Чужие творенья,
Не пытаясь проникнуть
В значенье и в суть.
Много слов заучил,
В том числе о свободе,
Но по-прежнему
В клетке железной, увы...
Эх, к роскошной
Телесной породе
Мыслей в душу
Прибавить бы из головы!..

* * *

Раскаркалось что-то
В соседстве со мной вороньё,
К погоде, возможно.
Судьба ли моя виновата?..
И вдруг осенило:
Стареет лишь тело моё.
Душа же всегда
Вдохновенна, тревожна, крылата.

**ОТДАЮСЬ
ОСЕННИМ НАСТРОЕНИЯМ**

С намокших веток
Опадают листья,
Цветы головки
Опустили вниз.
Становятся пушистей
Шубы лисьи,
Темнеет
Постепенно кипарис.
В душе моей
Ни жалоб, ни вопросов.
Стучится дождь
В осеннее окно.
Готовлю, как всегда,
Вино из проса.
Рецепт его
Известен мне давно.

ВСТАЮ ВЕСНОЮ
РАНО УТРОМ

Весною утро
Будит петухами.
Вначале
Совершаю пустыаки:
Часок-другой
Побалуясь стихами,
Скреплю камнями
Берег у реки.
Порежу ветки,
Те, что застыт горы.
Особенно
Одна мне не видна...
И просветленье*
Обрету в ту пору,
Когда мне с рынка
Принесут вина.

* Просветленье (чань) в китайской версии буддизма достигается умением в простых, часто противоречивых мыслях и поступках увидеть и обрести истину.

ФАНСКИЙ МЕЧ

Он золотом и яшмой
Не украшен,
Но все законы Неба
Свято чтит:
Предателям
И лиходеям страшен,
Зато смиренномудрым —
Крепкий щит.
Да спустится с небес
Дыханье тигра
И в грудь твою
Войдёт, о государь,
Дабы вражда
В стране твоей утихла.
Да ляжет Фанский меч
На твой алтарь!

НА ПРОГУЛКЕ В ЛЕСУ

В сандалиях бреду лениво лесом,
Прихлёбываю нечто на ходу,
Разглядываю с явным интересом
Всё чтимое людьми за ерунду.
Букашек, муравьёв, сухой репейник,
Росу на листьях рано поутру...
Хоть я и не монах, но муравейник
Столичный мне давно не по нутру.

ЖАЛЬ

Зачем прошло у персика цветенье?*

Не уходи весёлая весна!
Вокруг легли сиреневые тени,
Посеребрила голову луна.

Вином развеселить бы сердце ныне,
В стихах излить бы душу старика.
Я вспоминаю Тао Юаньмина...
Да развели нас долгие века.

* Здесь переключка с «Персиковым источником»
Тао Юаньмина

ПОСВЯЩАЮ ДРУГУ,
УШЕДШЕМУ ОТ ДЕЛ НА ПОКОЙ

Меж собой мы нечасто
Ведём разговоры,
Велики, как у звезд,
Между нами просторы.
Двадцать лет с предыдущей
Прошло нашей встречи.
Но зато безупречен
Сегодняшний вечер.
Вспоминаем, как жизнь
Провели молодыми
И друзей, что в небесном
Растаяли дыме.
У тебя, как я вижу,
Жена и детишки.
Сына шлёшь за вином,
Чтобы было в излишке.
Рис в котле закипает
С пшеном вперемешку,
За бокалом бокал
Исчезает не в спешке.
Чтобы пьяными на пол
Не лечь поскорее,
Заедаем вино молодое
Пыреем.
Пьём за то, чтобы чаще
Велись разговоры.
Завтра снова надолго
Разделят нас горы.

ВОССОЕДИНЯЮСЬ С ПРИРОДОЙ

Советам древних следуя всегда,
Обычно просыпаюсь до рассвета,
Сажусь на берегу реки. Вода
Густым туманом утренним одета.
Ещё скупится на лучи восход.
По головам деревьев солнце бродит.
Сижу. Молчу. Не двигаюсь. И вот
Гляжу, как над водой оно восходит.
Затем на плечи натянув халат,
Иду домой, там нужно потрудиться.
Проходим отвечаю невпопад,
Меня интересуют больше птицы.
Читаю дома книги, пью вино,
За ним спускаюсь временами в погреб.
Читаю книги, думаю, молчу,
Вина немало за день выпивая,
Когда понять чего-то не могу,
Страницу без раздумий пропускаю.
Отшельник древний тоже молчалив.
Он одиночество моё со мною делит.
И знает хорошо — сосед ленив,
Молчать умеет целые недели.

ОДИНОЧЕСТВО

В небе хищный орёл
Ткёт узоры кругов одиноко.
Чайки две по воде
Проплывают, не зная того,
Что за ними следит
Беспощадное зоркое око
И одна из них станет
Добычей скорой его.
Надвигается вечер,
Все прячутся в норы и в щели,
И паук до утра
Будет ткать паутину свою,
Ведь природе сродни
Человечьи привычки и цели!
Оплетённые тысячью дел
Одиноки все мы.

ГРУСТЬ В ШАЛАШЕ

На речном берегу
Я живу в шалаше самодельном.
Как попал в этот край —
Объяснять никому не берусь...
Чья-то лодка плывёт по реке
В снегопаде метельном.
Одиночество. Холод.
И долгая, долгая грусть.
Где-то прячутся в иле
Озябшие сонные рыбы.
Запоздалые гуси
Не кончили свой перелёт.
Поубавить печаль
Две-три винные чарки могли бы.
Но кабатчик давно уж
В кредит мне вина не даёт.

БО ЦЗЮЙИ
(772—846)

Бо Цзюйи — выдающийся китайский поэт эпохи Тан. Происходил из чиновничьего рода в западном Китае, отец его был судебным чиновником. Сам поэт занимал пост градоначальника, затем пост цензора при дворе.

Бо Цзюйи отличался исключительной работоспособностью, причём занимался самообразованием и поэзией с таким рвением, что это отразилось на его здоровье. Был большим поклонником «древнего стиля», всегда тяготел к народной поэзии, любил слушать песни простолюдинов. Считал, что поэзия должна быть доступна для самого необразованного человека и что писать нужно так, чтобы «даже старуха могла понять». Биографы утвержда-

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

ют, что, сочинив стихотворение, он мог прочесть его какой-нибудь простой женщине и спросить её: «Тебе всё понятно?». И если она отвечала отрицательно, переделывал стихи, доводя их до абсолютной ясности. За подобного рода требовательность к себе Бо Цзюйи критиковали китайские эстеты. Однако поэт отстаивал право на введение в поэзию языка «улицы».

При жизни Бо Цзюйи получил широкое признание. Его стихи проникали в самые отдалённые уголки Китая и были популярны среди самых разных сословий. Вслед за Ду Фу считался представителем реалистического направления в поэзии.

Поэт знал конфуцианскую традицию в совершенстве, что не могло не отразиться на его творчестве. В то же время мировоззрение поэта было многослойным: он увлекался и даосизмом (особенно близки ему были фигура и труды Чжуан-цзы), и буддизмом, поскольку видел в буддизме очень близкую ему идею сострадания. Линия сочувствия к несчастным — важная часть поэзии Бо Цзюйи, написавшего стихотворение, в котором он сердечно признался, что хотел бы сшить халат, с помощью которого мог бы согреть тела всех мёрзнувших и бедных людей. Я переложил эти строки так:

«Как бы мне раздобыть
Ткани тысячи ли
И одежды пошить
Гору до облаков,

Часть III. Классическая лирическая поэзия

Чтобы в тёплый халат
Облачиться могли
Десять тысяч раздетых
Простых бедняков».

Бо Цзюйи, считавшийся продолжателем линии Ван Вэя, много занимался медитативной практикой, однако, следуя чаньской традиции, не считал медитацию единственным способом обретения просветления. Он любил естественное размышление, прогулки в горах, созерцание природы, наблюдение за собой, сосредоточение на самом процессе написания стихов.

К сожалению, в конце жизни буддийские увлечения поэта подверглись тяжёлым испытаниям: с 845 года, в Китае начались гонения на буддизм, были разрушены сотни буддийских монастырей, монахи которых были изгнаны за пределы страны. Наступил период конфуцианской диктатуры. Бо Цзюйи тяжело переживал эти гонения, пытался им противостоять, но безуспешно. Сохранив мужество, поэт не побоялся бросить в лицо гонителям признание, что он буддист по взглядам.

ОСНОВА ВСЕХ ОСНОВ

Всю ночь сижу я у окна
При молодой луне.
Она безмолвия полна
И нежных чувств во мне...
Молчание, по Лао-цзы, —
Основа всех основ.
Мудрец вложил Его азы
В стихи «Пять тысяч слов».

* * *

В горах мне бывает теплей и уютней,
ложимся на спины со спутницей-лютней.
И кажется, ветер притронется к струнам
и струны напевом откликнутся юным.

ПОЛУЧИЛ ПИСЬМО ОТ ДРУГА

Пришла пора — в глазах темно,
В душевной жизни — тоже.
Лекарства кончились давно,
Червяк печали гложет...
Но получил письмо твоё
И только вскрыл печати,
Как прояснилось бытие
И все мои печали.

* * *

Расцвёл в саду любимый персик мой,
Как знак к установившейся погоде.
Я горевал, что был забыт весной.
И, наконец, она меня находит.

* * *

Весна повсюду над зимой смеётся,
Растаял снег в полях и на песках.
Лишь растопить его не удаётся
На убелённых временем висках.

ЖАЛЕЮ ЦВЕТЫ

На сад опустилось видением светлым
Весенних цветов покрывало.
Потом неожиданным северным ветром
Цветы на ветвях посрывало.
Все иволги грустно о том прокричали
И с садом надолго расстались.
Но тонкие отзвуки птичьей печали
На голых деревьях остались.

* * *

Окно на юг — сижу к свече спиною,
Уйти в раздумья и в стихи нельзя.
Тоска сжимает грудь мою,
Виною —
Призывы одинокого гуся.

НАВЕЩАЮ ДРУГА ЧЖЭНА

Узнал я, что ты из столицы исчез,
Устал от служебных забот.
Дела поменял на бамбуковый лес,
А также на горный восход.
Тебе я не стал бы мешать никогда
Нуждой или просьбой какой.
Непрошеным гостем явился сюда
Без слов разделить твой покой.

* * *

Подушку свою обнимая весь день,
С утра и до ночи лежу.
Меня одолела жестокая лень,
Поэтому лёжа пишу.

* * *

Не знаю, куда мне деться
От прожитых лет и бессилья.
Зима вырастает из сердца,
Словно у бабочки крылья.

ОРХИДЕЯ

Орхидеи весной
Посадил я зелёный росток.
Знал — без тени нет света,
Добра — без присутствия зла.
На глазах у меня
Распустился прелестный цветок,
Рядом с ним незаметно
Дурная полынь проросла.
Я душе говорю:
Улыбайся, трудись и не злись,
Но глаза без улыбки
На эту картину глядят —
Ещё слабые корни
С травой так прочно срослись,
Что, похоже, никак
По отдельности жить не хотят.
Мне бы вырыть бурьян —
Я цветок опасаюсь задеть,
Поливаю его —
Опасаюсь полынь укрепить.
Временами приходится
В думах бесплодных сидеть
Перед тем, как водой
Орхидею в саду окропить.
Друг старинный,
Живущий в деревне мудрец
Дай совет Бо Цзюйи:
Как ему поступить, наконец?!

Я СТЫЖУСЬ ПЕРЕД РОДИНОЙ

Снова я посетил
Дорогие мне с детства края.
Здесь на крышах домов
Повисает халатами снег.
Замерзает в горах
Кипарисов густая хвоя,
С холодами сражается
Насмерть один человек.
В этой малой деревне,
Где голоден каждый и бос,
Все спасаются тем,
Что зимою репейники жгут.
И хотя, словно меч,
Здесь бывает отточен мороз,
Кипариса не рубят —
В деревне его берегут.
Я приезжий чиновник
Для этих несчастных людей.
В моём доме тепло,
Сочиняю о родине стих.
И стыжусь откровенно
Своих стихотворных затей.
Почему я счастливей
Своих земляков и родных?

ХАЛАТ

Я пошил себе осенью
Белый халат.
Холст — как войлок,
А вата легка, словно пух.
Я одежде такой,
Разумеется, рад.
Мой наряд согревает
И тело и дух.
Я ношу его днём,
Укрываюсь им в ночь.
Но однажды подумал:
«Уж если ты муж
Благородный,
То должен соседу помочь,
А не тешить себя,
Мандарина к тому ж.
Как бы мне раздобыть
Ткани тысячи ли
И одежды пошить
Гору до облаков,
Чтобы в тёплый халат
Облечься могли
Десять тысяч раздетых
Простых бедняков.

**ЛИ ЮЙ (Ли Хоучжу, Ли Чун-гуан)
(937—978)**

Ли Юй — последний император династии Южная Тан. Она одно время считалась самой могущественной в Поднебесной. Но, ослабев из-за междуусобиц, не смогла удержать свои владения и была поглощена набиравшей силу династией Сун. Волей судьбы император Ли Юй, любивший поэзию, стал свидетелем этих событий. Ему повезло — захватчики его не убили, только лишили трона и сослали на север, где до конца жизни он, как и в будущем Наполеон, тосковал по родным местам и писал стихи в жанре «цы», став одним из первых поэтов этого жанра. «Цы» — стихи с неравной длиной строки, создававшиеся на определённые мелодии.

Стихотворение «Волны омывают песок» было написано Ли Юй в ссылке. Я назвал его по-другому — «Воспоминание».

ВОСПОМИНАНИЕ

Дождик идёт. На исходе весна,
За окнами хмурый рассвет.
Стража пятая. Ночь без сна...
И утром — желания нет.
Ветер забрался
Под низ одеял.
Где нахожусь теперь?
Родные места давно потерял.
Закрыта на родину дверь.

ВЗГЛЯД С БАШНИ

С башни гляжу на дорогу разлук.
Даль. Мечты. Расстоянья.
В небе месяц на медный крюк
Тучки надел одеянье.
Стоят платаны в моём саду,
Похожи они на стражу.
Спускаюсь вниз, по аллее бреду,
С собою никак не слажу.
Дум не распутать тяжёлый клубок.
Сердце тоска тревожит.
Так свою жизнь сложить и не смог.
Завтра одно и то же...
Так одиноко...
Спускаюсь я вниз,
По аллее бреду,
По-прежнему одиноко...
Печаль — не нитей клубок...

СОН

Ночью вчера привиделась мне
Прогулка в парке придворном.
Драконы и змеи сверкали во сне,
Мой взгляд устрасая притворно.
Звёзды, цветы, лунный рожок —
Всё вокруг ликовало.
Вдруг почувствовал словно ожог —
Проснулся с тоской небывалой.

БЕССОННИЦА

Берег реки продрог.
Ветер стучит в окно.
Лишь не смолкает валёк
И ветер с ним заодно.
Сад облетел давно,
Ночь провожу без сна.
Моё освещает окно
Ясным оком луна.

СУ ШИ
(1037–1101)

Крупнейший поэт, художник, мастер каллиграфии и эссе, государственный деятель средневекового Китая (династии Сун), выступавший под псевдонимом Су Дунпо. Выходец из рода учёных и литераторов, Су Ши получил хорошее образование, прошёл через множество чиновничьих постов, управлял различными провинциями Китая, участвовал в выработке законов, направленных на реформы в сфере управления государством.

Су Ши входил в число четырёх лучших мастеров каллиграфии династии Сун, считался прекрасным живописцем, а кроме того, обладал другими талантами, даже имел репутацию знатока в области кулинарии. Но при этом Су Ши в каждом из своих

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

многочисленных увлечений стремился достичь мастерства с помощью высокой самодисциплины.

Интересно, что поэт участвовал в создании алхимических пилюль, направленных на достижение бессмертия. Но достиг цели как один из самых славных поэтов Танской эпохи — вершины поэтического Китая.

Вообще, Су Ши был весьма разносторонним сочинителем. Был популярным прозаиком, оставил значительное наследство в области философии «*вэньжэньхуа*», суть которой видел в единстве сферы морали, поэзии, каллиграфии и живописи. Художник этой школы должен следовать двум принципам — принципу близости к материальному миру и принципу гармоничного созвучия со всей Вселенной, отражению её космических ритмов. А главное, поэт должен уметь созерцать красоту мироздания в тишине, в молчании, наполняться силой Дао.

НОЧЬЮ В ГОРАХ

Я еду берегом. Внизу шумит река.
Хмельному седоку проспаться нужно.
Меня оглядывают сверху облака,
Луна — внимательно, а горы — равнодушно.
Устал и спешился, свалился на траву.
Мгновенно в сон бездонный провалился.
Проснулся. На густую синеву
Свет лунный золотым дождём пролился.
Мир приобрёл такую тишину,
Таким блаженством дышит и покоем,
Что, глядя вверх на звёзды и луну,
Не смею даже шевельнуть рукою.
Но фыркнул где-то по соседству конь,
Спугнув внезапно лунное сиянье.
В горах зажётся солнечный огонь.
И я обязан продолжать скитанья...

КОРОТКИЙ СТИХ

Лишь поднялся на гору, как хлынул
Страшный ливень и молнии с ним...
Неужели отчизну покинул
Ради этих «забав» пилигрим?
Я бы облако зонтиком сделал —
Не дотянешься слабой рукой.
Как плащом, я закутал бы тело —
Этой влажной зеленой травой...

ПИСЬМО БРАТУ
ИЗ ДОРОЖНОГО ТРАКТИРА

Голова и грудь моя болит,
Но не от вина моя тоска.
...Вспоминаю твой печальный вид.
Дом в горах. Над домом облака.
Ты один хранишь теперь жильё
Матери с отцом, былых утрат...
Ну а одиночество твоё
Как мне облегчить, мой друг и брат?
Знаю, без разлук не обойтись.
Тысячи нас разделяют ли.
Неужели остальную жизнь
Проведу от родины вдали?
Еду. Заметаю лунный свет
Грубыми копытами коня.
Ты во тьме стоишь полуодет.
Взгляд твой долетает до меня.
Проникает взгляд твой и в трактор,
Где пришлось остановиться мне
Здесь слуга вниманье обратил:
«Что вас так печалит при луне?»
Много лун от нынешней назад
Мы на души положили груз —
В жизни никогда не развязать
Детской клятвой связанный союз.

**НАДПИСЬ НА СТЕНЕ
ХРАМА «ЗАПАДНОГО ЛЕСА»**

Вот высится гора — дворец без крыши,
А сбоку — многоликие углы.
Подходишь близко — вырастает выше,
Отходишь — наконечник у стрелы.
Гора, конечно, не меняет вида,
А также своего стремленья ввысь.
Но нам восторг, беда или обида
Мешают видеть и себя, и жизнь.

ХРАМ ЗОЛОТОЙ ГОРЫ

В холодный вечер под дождём
Причалил в лодке к той горе,
Где был я некогда рождён, —
Теперь тоска о той поре,
Забравшись на закате дня
На гору, поглядел вокруг —
Хребты, хребты вокруг меня
Теснятся с севера на юг.
Очистил ветер небосвод
И я, прикрыв глаза рукой,
Смотрю, как в бездне тёмных вод
Луч исчезает золотой.
Но дунул ветер — и река
Вдруг рыбой сделалась с хвостом.
Тот хвост и в небе облака
Багровым вспыхнули костром.
Уравновесила луна
Сраженье тьмы с лучами дня.
И воцарилась тишина,
И вспыхнул новый столб огня.
И тут же криками ворон
Отозвалась ночная мгла.
Какой таинственный дракон
Затеял все эти дела?
Я до глубокой темноты
Об этом думал. Понял так:
Мне бог речной от суеты
Отречься посылает знак.

**НАПИСАНО В ПУТИ
НА ПОЧТОВОЙ СТАНЦИИ**

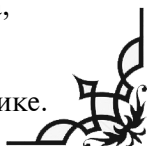
В горном селенье средь сосен и скал
Мне б отдохнуть в тиши...
Но жизни Хозяин мне бури послал
И стойкость Своей души.
В дымке, где прячутся скал зубцы,
Где в небе маршруты стай...
Там начала мои и концы,
Только там и Китай.

ПРЕДУТРЕННЯЯ ДУМА

Ветер чуть колышет облака.
Озеро. Ночная тишина.
В тёмной чаше среди тростника
Плавает заснувшая луна.
Снятся чайке думы рыбака,
Спит река и тоже видит сны.
Вдруг, сверкая, рыба рассекла
На воде спокойный лик луны.
Я иду по влажному песку,
Неотрывно тень за мной бежит.
Вековую уношу тоску,
Что с утра в душе моей лежит.
Наша жизнь — как призрачный халат,
Сшитый не из ткани — из тревог.
Редко встретишь безмятежный взгляд
Среди трудных судеб и дорог.
А петух сыграл селу с утра
Несколько своих горластых гамм:
Объявляет, что пришла пора
За работу браться рыбакам.
Лодку отвязал, стащил с песка,
И себя увидел вдалеке...
Кажется подобьем лепестка
Мой челнок в озёрном тростнике.

ВОСТОЧНЫЙ СКЛОН

Дождь прекратился,
Уменьшая тьму.
Мы к свету тянемся
Один по одному.
Я не ропщу,
Что слишком тяжек путь —
Мне звук шагов
Всегда ласкает грудь.

ОБОШЁЛ ГОРОДСКУЮ СТЕНУ ДЛИНОЙ В 30 ЛИ,
ПОДНЯЛСЯ В ХРАМ «ПАДАЮЩИХ ЦВЕТОВ»

1.

Дождь стучал дотемна
По бумаге окна.
Может быть, потому
Испугалась луна.
В тучи спряталась, словно
В пещеру аскет.
Вот и сердце моё
Истомилось в тоске.
Как она велика,
Как она глубока!
Где найти мне
Весёлый исток родника?!
Я прошёл по окрестностям
Многие ли.
Всюду листья легли,
И цветы отцвели.
В храм поднялся. Молчат
Иероглифы книг.
Только тихо шумит
На озёрах тростник.
Рыбака я заметил,
Но рыбу вспугнуть
Не решился и дальше
Отправился в путь.

2.

Ветер тёплый с востока
В лицо нам дохнул —
И печали с лица,
Как бывало, смахнул.
Всё, что с детства любить
И беречь суждено,
Пробудило весны
Молодое вино.
И сознание моё
Безмятежно, как свет.
Лодка тихо плывёт,
Растворяя свой след,
Или режет волну,
Или падает вниз.
Жизнь всегда — то гора,
То у бездны карниз...
Я стремлюсь в высоту
И лечу в облака,
Прячет их красоту
В синих волнах река.
Выпиваю вина
И гляжу я вокруг —
Ширь земная видна!
Тает облачный круг
И плывёт по волнам,
Отражаясь до дна,
И любая волна
Подпекает ветрам...

ХРАМ ЖЁЛТОГО ВОЛА

Возвысилась на острове скала,
В подножии её построен храм.
А наверху изображение вола —
Как символ поклонения горам.
Паломники бывают часто тут.
Их взор молитвой пламенной горит,
Даруют жертвы, песнопения поют,
Звучит там флейта, барабан гремит.
На берегу же настоящий бык
По кочкам и камням свой тащит плуг.
Давно к труду тяжёлому привык,
С утра до вечера распахивает луг,
Солома да вода — и вечный круг —
Награда всем трудам береговым...
Изображением быть лучше неживым,
Чем тем волом, который тащит плуг.

ЛИ ЦИНЧЖАО
(1084—1155)

Выдающаяся китайская поэтесса XII века родилась в семье учёного, преподававшего в Императорской Академии. Благоприятная культурная атмосфера помогла раннему развитию и признанию её поэтического дарования. Ли вращалась в высококультурном слое тогдашней китайской творческой элиты и получила поэтическое признание уже в раннем возрасте. Увлекаясь коллекционированием книг и произведений искусства из камня и фарфора, она буквально переносила образы этих предметов в свои стихи. Гармонировал с ней и образ её супруга, разделившего её изысканные увлечения. В семнадцать лет Ли Цинчжао вышла замуж за Чжао Минчэна, известного историка, художника-гравёра и антиквара.

Часть III. Классическая лирическая поэзия

ра. Судьба отпустила им шесть лет счастливого брака и спокойной жизни.

Затем в стране начался длительный период смут, известный под названием «Похищение императоров», по сути пресёкший династию Сун. Кочевники-чжуржэни разграбили самый большой город империи Бяньлян, где жили супруги. Они вынуждены были бежать, несколько лет скитались вместе по родной стране, потом муж Ли Цинчжао умер. Это был страшный удар. Начались одинокие скитания молодой женщины, где ночлегом порой служила перевёрнутая вверх дном лодка. В итоге Ли превратилась в отшельницу, безразличную к земной жизни, признанию и славе.

Литературное наследие Ли Цинчжао невелико — всего пятьдесят стихотворений, также несколько статей о поэзии, живописи, театре. Тем не менее в Китае её воспринимают как величайшую поэтессу, создавшую свой оригинальный и утончённый поэтический стиль.

Творчество Ли — это не только область личных переживаний. Она до конца дней оставалась патриоткой, не могла примириться с новыми порядками. В её стихах, проникнутых огромным чувством искренности, дышит родина, а любовная лирика — непревзойдённый сплав чистоты, непосредственности, литературного изящества и красоты.

* * *

Мы с тобою в хмельном забыти
До заката сидели в беседке.
Хмель угас. На обратном пути
Солнце скрылось за тёмные ветки.
Сели в лодку. Поплыли назад,
Раздвигая в дороге кувшинки.
В наших полузакрытых глазах
Тихо таяли счастья пушинки.
Налегая на вёсла, гребли,
Возвращались к излюбленным гнёздам.
Тьма сгущалась, в закатной дали
Чайки взмыли к проснувшимся звёздам.
Птицы, лотосы, звёзды, вода...
Это то, что во мне навсегда.

* * *

За горизонтом скрылась туча-птица,
Освободив от сумрака закат.
Взошла луна, свеча во мгле курится,
Цветочный издавая аромат.
Я вспоминаю радостные годы,
Безоблачное наше бытиё...
Как хорошо, что перепад погоды
Украсил одиночество моё.

* * *

Уходит день, и туча серой птицей
Клюёт во тьме Девятую Луну.
Подушки холодок зовёт ко сну.
Но мне одной по-прежнему не спится.
И благовоний аромат клубится...
Мне вспомнились закатные мгновенья —
Мы вместе у восточного плетня...
Твои глаза, твои прикосновенья
Волнуют кровь и душу у меня.
Терзают грудь воспоминанья немо,
И ветер западный бесчинствует в окне!..
Ты видел бы, как вянет хризантема,
Когда бы заглянул в окно ко мне.

Часть III. Классическая лирическая поэзия

* * *

Уж нет того, кто вдохновлял мою свирель,
Полировал стихов цветную яшму.
С кем, молча, слушала я вешнюю капель,
Вдвоём поднявшись вечером на башню.

ХРИЗАНТЕМА

Зелёная и нежная листва,
Прекрасен лепестков узор певучий...
Не стоят ничего мои слова,
Чтоб выразить всю красоту созвучий.
О хризантема, осени дитя!
Твой стойкий дух — хозяин непогоды.
Поверх унынья красотой света,
Ты — дивное творение природы.
Пусть ярче сливы ранние цветы,
Сирень чарует тонким ароматом.
Они не могут поместиться рядом
С твоим неярким всплеском красоты.
Спасибо, что измученному сердцу
Даешь в твоём сиянии согреться.

Часть III. Классическая лирическая поэзия

* * *

В саду коснулась веточки сирени —
Так хочется с тобой её вдохнуть!
Но рядом проплывают только тени —
Минувших встреч былая благодать...

* * *

Сон мне приснился недавно —
В небо душа взлетела.
Слышу вопрос из пространства:
«Что приключилось с тобой?»
Утром, проснувшись, подумала:
Видно, душа захотела
Вырваться вдруг к свободе,
На вечный простор голубой.
Горькими были мысли,
Услышанные Оттуда:
Конечно, тебе по возрасту
Пора подвести итог.
Но ты свою жизнь посвятила
Поэзии дивному чуду.
И мало ещё подарила
Отчизне написанных строк.

* * *

Цветок не радует увядший —
О возрасте напоминает.
Одна ночью в старой лодке
Под взглядом пристальным луны.
Гусь одинокий надо мною
С тревожным криком пролетает.
Какую весть несёт, — не знаю,
На север с южной стороны?
Быть может, древнее преданье,
Иль предстоящее свиданье...
Мы связаны с тобой навеки
Невидимым узлом судьбы.
И повторяется мгновенье —
Лишь прогону с бровей страданье —
Оно меняет направление,
Вонзает в грудь свои шипы.

* * *

День чуть-чуть длиннее, чем вчерашний.
И весны приметы всё видней.
Пристально слежу с высокой башни
За теченьем посветлевших дней.
Дворик мой внизу не слишком весел.
Мелкий дождик зарядил с утра.
Хмурый, он надолго занавесил
Солнце, просиявшее вчера.
Струны цитры в стороне безмолвны.
Над хребтами горными светло.
Сумерек малиновые волны
Что сулят? Хотелось бы, тепло.
А дождя мелодия всё глуше.
Вслушиваюсь в голос тишины.
За окном моим цветущей груше
Заморозки тоже не нужны.
Нежные цветы в одно мгновенье
Опадут. Жалею их до слёз.
Скоро встречу день поминовенья.
Не найду заколку для волос.
Силы нет подняться мне с постели.
Капли моросят и моросят...
На крылечке мокрые качели
Одиноко без меня висят.

ГУАНЬ ХАНЬЦИН
(1219 – 1301)

Великий драматург, которого называют «китайским Шекспиром», считался создателем китайской классической драмы. Происходил, предположительно, из семьи врачей.

Его жизнь также пришлось на очередной трагический период китайской истории — период монгольского завоевания и создания новой династии Юань. Молодой талантливый человек столкнулся с трудностями реализации себя в обществе, где завоеватели поставили национальную культурную элиту в униженное положение. Однако энергичный и остроумный молодой человек, будущий гениальный драматург, нашёл выход из положения — создал особое

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

культурное пространство для китайского народа: яркие пьесы, получившие огромную популярность. Театр, развитию которого в немалой степени помог Гуань Ханьцин, стал прибежищем и отдушиной для образованных конфуцианцев.

Гуань Ханьцин написал более 60 пьес, из них сохранилось только 14. Пьесы постоянно ставились на китайской сцене и в прошлом, ставятся и теперь.

Гуань Ханьцин, подобно английскому гению, проявил себя и как гениальный сочинитель стихов. Тем более что драматургия в те времена развивалась в постоянном контакте с театром. Эпоха породила новый жанр поэзии — «*саньцюй*», который, как полагают китаеведы, пришёл в литературу из городских кварталов. Поэзия постепенно лишалась обусловленности, жёстких жанровых ограничений, утончённости, зато обрела дыхание живой жизни, народность и простоту.

* * *

Осеннее время. Родная деревня.
Тропинку укутала тень от сосны.
Прозрачны ручьи, разноцветны деревья.
Восточные склоны в руках тишины*.
Чиновный халат поменяю на грубый,
Серебряный кубок — на глиняный. Пусть.
К вину из села прикасаются губы.
Подобно поэту**, сегодня напьюсь!

* В китайской символике восток — символ весны.

** Намёк на великого поэта древности Тао Юань-мина (IV—V вв. н. э.), который, будучи правительственным чиновником, переселился из столицы в деревню, жил простой жизнью и воспевал пирушки с крестьянами.

О ЧУВСТВАХ
(из цикла стихов)

Всё стихло. Мы под общим одеялом.
Меня ты оттолкнула вместе с ним.
Я проворчал. Игры обоим мало.
Мы большего, конечно, захотим...

РАЗЛУКА

Уйти легко, вернуться тяжело
И снова возратить бывшее счастье.
Нас развело военное седло.
Глаза мои печали слёзы застыят.

ВЭНЬ ТЯНЬСЯН
(1236—1283)

Вэнь Тяньсян служил чиновником, причём достиг высокого статуса, однако стабильность чиновничьей жизни оказалась обманчивой — его родину захватили могущественные тогда монголы. Вэнь Тяньсян сопротивлялся захватчикам героически. Его взяли в плен и повезли в тюрьму, где он провёл несколько лет.

Известно, что по дороге в заключение поэт написал наполненные горечью стихи о гибели династии, которой верно служил, и о страданиях своего народа. Захватчики, оценив высокий государственный уровень мышления и чистоту натуры поэта-чиновника, попытались склонить его на свою сторону. В тюрьме Вэнь Тяньсяню разрешили читать и пи-

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

сать, чем он воспользовался, и проводил дни, читая своих любимых поэтов. Особенно близка ему была поэзия и личность Ду Фу. Сохранилось высказывание Вэнь Тяньсяня на эту тему: «Несколько сот лет отделяют меня от Ду Фу, но я забываю, что стихи написаны им и воспринимаю как собственные. Не объясняется ли это сходством наших переживаний и характеров?»

Биографы-китаеведы (в частности, Е. Серебряков) описали историю последних дней поэта: захватчики предложили ему службу и высокое положение, однако поэт отказался от сотрудничества с монголами и выразил готовность умереть.

Перед смертью он спросил у охраны, где находится его родина, и, получив ответ, несколько раз поклонился южной стороне и произнёс: «Я до конца буду верен своей стране». Это были последние слова мужественного поэта. Вэнь Тяньсяня казнили.

В XVII веке в антологии сунской поэзии поэту были посвящены следующие строки: «Минуло более пятисот лет, а читаешь стихи Вэнь Тяньсяня, и его облик вырисовывается словно живой, дела встают перед глазами». Поэт до сих пор считается национальным героем и образцом верности родине.

* * *

Я нахожусь в тюрьме у северных властей.
Нас семеро таких в темнице тесной
Средь дохлых крыс и выбросов людей.
Какое время здесь пробуду — неизвестно.
Дверь узкая и низкая, с полметра высотой,
Коль дождь идёт, стекаются все лужи.
Короче говоря, в обнимку спим с водой,
За жизнь постели не бывало хуже.
Страшнее всех дождей нас духота гнетёт,
Когда под крышей топят печь дровами.
Ползёт зловоние не только в нос — и в рот.
Чем дышим мы — не описать словами.
Два года я, больной и слабый человек,
Терплю подобное безропотно и глухо.
Философ Мэн изрёк однажды: «Век
Пришлось обуздывать крутые волны духа».
А мне как быть, когда нас целых семь
В вонючем этом земляном колодце?
Не пропадать же бедным духам всем —
Единственному воевать придётся.

**ПОБЫВАЛ
НА ПОКИНУТОЙ РОДИНЕ**

Густым зарастает бурьяном
Бывший дворец царя.
Тучи-скитальцы тоже
Плывут чередой густой.
Но неизменно прекрасна
В горах заката заря.
Только людей не видно
На этой картине простой.
Ласточка неподалёку
Выпорхнула из гнезда.
Рядом с дворцом когда-то
Моя находилась семья.
Гостю время настало
Родные покинуть места.
Стану кукушкой тоскливой
Вновь куковать и я.

ЮЖНОЕ МОРЕ

Побывать мне недавно пришлось
На побережье Южного Моря
Сколько в памяти бед зажглось,
Сколько вспомнилось страшного горя!
Много воинов здесь легло,
До сих пор чую запах тленья.
Но бывшее помню светло —
Не согнулись наши колени.
Потеряли страну и очаг,
Чужеземцам попали в сети,
Сохраняя огонь в очах,
Непреклонность тысячелетий.

ПРОПЛЫВАЯ ПО РЕКЕ ХУАЙ

Уж полгода скитаюсь
По южной земле,
Направляя на север путь.
Наконец, оказался
В родном селе,
Удалось сюда завернуть.
Ни жены, ни детей,
Только лес да река.
Горько плачет моя душа.
Нет вестей от родных,
Надо мной облака,
Как всегда, плывут не спеша.
Мы — скитальцы, изгнанники,
Слышишь, жена?
Дети, слышите голос отца?
Наградит нас грядущее время сполна
За страдания здесь без конца.

ГАО ЦИ
(1336/1337—1374)

Выдающийся китайский поэт эпохи Мин, создатель поэтической школы «Десять друзей Северной стены». Это было время доминирования прозаических жанров и некоторой утраты популярности поэзии. Тем не менее поэты эпохи Мин продолжали творческую преемственность своих знаменитых соотечественников — стихотворцев эпохи Тан.

Гао Ци служил и, благополучно выйдя в отставку, получив за усердную службу правительственные награды, принял активное участие в составлении «Истории Юань». Однако мирная жизнь отставного поэта-чиновника, живущего в уединении и пишущего стихи, завершилась внезапно и трагически. Гао

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

Ци внезапно вызвали в столицу, обвинили в антиправительственном заговоре и казнили, причём всего лишь за намёк поэта в одном из стихотворений на то, что во дворце крупного сановника происходят увеселительные пирушки с присутствием легкодоступных девушек.

Поэзия Гао Ци — это сочетание простоты и сложности, доходящей порой до формальной изощённости. Он нигде не утверждает своей прямой преемственности ни с даосскими, ни с буддийскими идеями, однако по духу очень близок им. Большинство исследователей китайской литературы считают его лучшим поэтом эпохи Мин.

* * *

Цветами ещё разукрашены ветви,
Но скоро простимся с цветеньем весны
Пью в башне вино, погружаюсь во сны:
О, чудное время, теченье замедли!
Неспешно хмелеет моя голова,
Мгновенно меняются краски заката.
Пытаюсь писать, забываю слова,
Вдыхаю последних цветов ароматы.

**ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ
ДЕВЯТОЙ ЛУНЫ**

Дозрело вино, но в осеннем саду
Ещё не открылись цветы хризантем.
Хмурое небо. Проснулся. Затем
По влажной аллее бреду.
В горы зовут на праздник друзья,
Знаю тропу наизусть —
Все веселиться начнут, только я
Свою не развею грусть.

СЛЫШУ КОЛОКОЛ

Подыскал себе здесь с недавней поры
Необжитый людьми пустырь.
Наблюдаю с него у подножья горы
Высоко в горах монастырь.
Целый день, не думая ни о чём,
Слышу возгласы колоколов.
Неужели мой слух навсегда обречён
Лишь выслушивать этот зов?

ДВОРЦОВАЯ КАРТИНКА

На смену пирушке пришла тишина.
Служанки уборку в саду завершают.
С безоблачной выси взирает луна.
Как девы хмельного царя провожают.
Собачка незримая в тёмных кустах
Заливистым лаем пространство тревожит.
Во дворец, где молчанье у всех на устах,
Проник, вероятно, случайный прохожий...

**ЛЮ ЦЮ (ЦЗЫ)
(1392—1443)**

Поэт и учёный позднего Средневековья, Лю Цю получил блестящее образование и учёную степень цзиньши. Занимаясь вполне мирным делом, а именно, толкованием классических текстов при академии Ханьлинь, он смело выступил против жестокого министра-евнуха Ван Чжэня, который своими непрофессиональными советами молодому императору ввёл страну в кризис. Это стоило поэту жизни: его заточили в тюрьму, где он и умер насильственной смертью. После свержения Ван Чжэня доброе имя Лю Цю было реабилитировано.

Из его поэтического наследия я выбрал одно стихотворение.

* * *

Перед разлукой воин сказал жене:
«Если живым не смогу вернуться домой,
Сына хотя бы мне сохрани и стране,
Пусть доведёт до конца незаконченный бой».
Мужу в ответ сказала его жена:
«Если навеки сегодня с тобой прощусь,
Жизнь одинокая станет мне не нужна,
В камень у дома тотчас я превращусь».

ЛИ МЭНЬЯН
(1473—1530)

Значительный поэт позднего Средневековья, входивший в поэтическую группу «Семь ранних поэтов» («Цянь ци цзы»), эстетические взгляды которых были основаны на отрицании выродившегося, по их мнению, конфуцианства, сковывавшего творческую свободу художника. и уводившего от реальной жизни и народных настроений. Ли Мэньян предлагал вернуться к идеалам старины, к стилю поэзии времён эпохи Тан. Был очень категоричен, утверждая, что «при Сун не было стихов».

Любил народные песни, призывал к возрождению фольклорной традиции, находя, что «истинные стихи пребывают лишь в народной среде». Темы его стихов разнообразны — от традиционной любовной и пейзажной лирики до «военной поэзии».

* * *

Листья сорву
Я с осенних ветвей золотых
И орхидей соберу
На восточном склоне реки.
Весело солнце сияет
Холодной поре вопреки.
Блики его отражаются
В водах речных.
Тучи становятся
Гуще и гуще вокруг,
Блики тускнеют
В глазах погрузневшей воды.
Сколько же бед повидал
Мой пятнистый бамбук,
Если хранит до сих пор
Лихолетий следы.

НА ГРАНИЦЕ

Тучи воздвигли заставу в горах —
Вздыбился грозный хребет.
Горы внушают кочевникам страх,
Лучшей защиты нет.
Ночью был слышен сражения гул,
Потом внезапно затих.
Что это? Враг назад повернул,
Обвал ли его застиг?

ИВОЛГА

Иволга утром однажды
Привиделась мне.
Помню, на яшмовой иве
Чудесная птица запела.
Утром проснулся —
Увидел её на окне.
Ива из яшмы
Явить себя не захотела.

ЛИ ЮЙ
(1610?—1680)

Известный прозаик, драматург, поэт и режиссёр XVII столетия, писавший также эссе на темы драматургии. Тёзка императора и поэта X в., Ли Юй был человеком с ярко выраженной коммерческой жилкой, что, вероятно, связано с его происхождением — родился в семье крупного торговца. Обладая недюжинной энергией, занимался издательской деятельностью, написал и поставил множество пьес, издал два романа и несколько повестей, известен был также как поэт.

Циклы стихов любовно-эротического содержания опубликованы Ли Юйем в романе со скандальным для того времени названием «Вэйян, или Подстилка из плоти». Роман представляет собой художественное исследование темы плотской любви, сексуаль-

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

ного влечения, греха. Главный герой — сластолюбец Вэйян — в поисках любовного идеала проходит через самые разные испытания своей чувственности, игнорируя мудрые предупреждения монаха, диалоги с которым составляют главную сюжетную линию романа.

В конце концов, герой романа начинает прозревать и усваивать заповеди даосской тантры, весьма глубоко разработавшей в своё время все проблемы отношения полов. Вэйян осознаёт, что бесконтрольное удовлетворение похоти разрушает дух. Между прочим, восточная тантра, индийская и китайская, очень актуальна в эпоху западной сексуальной распущенности.

Автор и в прозаическом тексте романа, и в стихах ставит перед собой задачу не осуждения, а понимания природы чувственности. Стихи, являющиеся приложением к роману, на мой взгляд, прекрасный образец эротической поэзии, лишенной пошлости и низменных инстинктов. Удивительно, но этот великолепный роман долгое время был совершенно забыт и в Китае, и на Западе.

СТИХИ ИЗ РОМАНА
«ПОДСТИЛКА ИЗ ПЛОТИ»

* * *

Когда обнажена у девы плоть,
Она сияет в красках и соблазнах.
Заманчивость картин разнообразных
Не описать в стихах, не побороть...
Нет уголков, округлости одни,
И череда таинственных ложбинок,
И сладких чувств манящие огни
Склоняют на любовный поединок.
И грусти на лице её печать
Какую тайну может означать?
Раскаяние? Скорую разлуку?
Но, может, неожиданную скуку?
Как хочется в объятиях сомкнуться!
Стою. Молчу. Боюсь пошевелиться.

МОЛОДОЖЁНЫ

Созревший плод готов покинуть сад.
Глаза зажглись ещё стыдливой страстью.
Бутон цветка любви раскрыться рад,
Он тянется к неведомому счастью.
Пылают лица, ищет уст язык,
И вот уж он достиг родного дома.
И раздаётся вдруг мгновенный крик.
И слабый стон. И сладкая истома.
И новая весёлая гроза
Сменяет быстро прежнюю усталость,
И снова зажигаются глаза.
Страсть возросла, сомнений не осталось...
Безмолвные движения души...
И в полутьме чуть слышный шёпот:
«Милый,
Не нужно торопиться, не спеши...
Ведь там, куда проник, теряешь силы»...

* * *

В юности кажется, жизни не видно конца.
Видимость сгинет с юным румянцем лица.
Сад наслаждений недолго судьбою храним,
И человек с кипарисом, увы, не сравним.
Сад молодому сулит ненадёжный приют,
Старцу почтенному нечего путаться тут.
Сладость искусства постельного хвалят порой,
Но забывают, что ждёт за любовной игрой.
Ранние радости древние скорби таят.
В винном кувшине, случается, прячется яд.
Выпил, проспался, протёр с перепуга глаза —
И под землёй оказались твои небеса...

**ЦАО ЧЖАНЬ (ЦАО СЮЭЦИНЬ)
(1724—1763/1764)**

Писатель, писавший под псевдонимом Цао Сюэцинь, мастер каллиграфии, художник и поэт. Предположительно — автор знаменитого до сих пор романа «Сон в Красном тереме».

Цао Чжань принадлежал к знатному роду, его предки были придворными и военными. Получил образование в военной школе, был членом Императорской академии, вёл жизнь придворного литератора. Некогда богатая семья жила в долг, но с воцарением нового императора благополучие старинного рода кончилось, имущество семьи конфисковали, а будущий автор романа вынужденно поселился в кварталах для бедных. Цао Сюэцинь был дважды

Часть III. Классическая лирическая поэзия

женат, с первой женой потерял сына, отчего стал горько пить. Лишь во втором браке жизнь Цао обрела некоторую стабильность. Но романисту и поэту пришлось попробовать себя в самых разных профессиях: Цао Сюэцинъ был писцом, владельцем винной лавки, художником и продавцом собственных картин, изготовителем воздушных змеев. Биографы говорят, что он настолько увлёкся последним ремеслом, что даже написал о нём трактат. В последние годы жизни он покинул столицу и поселился в деревне.

Роман «Сон в Красном тереме» Цао Сюэциня китайские филологи считают важной вехой в развитии национальной литературы. В роман встроены стихи, которые мне показались очень интересным образцом возвышенной любовной лирики.

ДУМЫ ОБ УХОДЯЩЕЙ ЮНОСТИ
(стихи из романа «Сон в Красном тереме»)

Увядают цветы, уронив лепестки,
Вместе с листьями землю покроют повсюду.
Ах, не в силах я скрыть своей долгой тоски —
Завершается юности чудо.
Я из башни* схожу в отцветающий сад,
Лепестки огибаю невольно,
Они так на земле обречённо лежат,
Что ногам моим кажется больно...
Что тут сделаешь, сливы давно отцвели,
А у груш и у персиков завязь...
Безразличны деревья к сезонам земли,
Перемен беспрерывно касаясь.
Через год они снова в саду зацветут,
Гнёзда вить будут ласточки дружно...
Только я эту грусть, этот временный труд
Не могу принимать равнодушно.
Слушать птиц перелётных веселую песнь,
Ручейков бормотание вешних.
Кто на долгие годы останется здесь
Среди женщин пленительно нежных?
Да, весну я люблю, да, она дорога

* Пристроенная к жилым помещениям башня была
непременным атрибутом богатых домов в Китае.

За волшебные нежные краски...
Но порою в ней вижу крутого врага —
Очень коротки вешние сказки.
А вчера за оградой я слышала зов.
Раздавался он слишком протяжно.
Чья душа изливалась? Быть может, цветов
Или птичья, да так ли уж важно?
Мне хотелось бы сделаться павшим цветком
Или птицей весенней беспечной,
Улететь в ту страну за далёким холмом,
Где сияние вешнее вечно.
Пусть в мешок из парчи сложат кости мои.
Пусть мешок этот будет непрочный,
Я хотела вернуться бы к миру любви,
Прожила б, как и здесь, непорочной.
Не судите меня за такие слова,
За печальные мысли и стоны.
Не коснётся позора моя голова,
Никогда не пойду я в притоны**.
Да, весенние нынче цветы хороню,
Может, кто-то насмешку уронит,
Что к садовым цветам набиваюсь в родню,
Так ведь жизнь эта всех похоронит.
Я с лопаткой пришла в отцветающий сад,
Землю рыхлю сквозь хмурые брови...

** Часто оставленные наложницы царей и князей уходили в публичные дома.

Увлажняя траву, мои слёзы блестят,
Словно красные капельки крови.
Замолчали кукушки, надвинулась тень,
Надо в дом возвращаться, поверить
В наступающий завтра сияющий день
И захлопнуть тяжёлые двери.
Вот светильника луч синеватый блеснул,
Дождь стучит в подоконники вяло.
Я, конечно, всю ночь напролёт не засну,
Одиноко и холодно под одеялом.

Часть IV
ПОЭЗИЯ КИТАЯ
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА
(XIX—XX вв.)

Великая китайская поэзия когда-то была понятной не только образованным людям Поднебесной, но и простому народу. Однако к середине XIX столетия большинство населения Китая перестало воспринимать книжную культуру утончённых высших классов, которые на эстетическом и культурном уровне практически полностью отошли от своих корней. Конечно, этот процесс имел предысторию, нарастал постепенно, и в конце XIX столетия начало складываться новое понимание назначения поэзии.

Оно было продиктовано импульсами, задаваемыми Большой Историей, или, как выразался Даниил Андреев, Метаисторией. Громадные исторические процессы преобразования страны начались задолго до выхода Мао Цзэдуна на историческую арену. Страна стала пробуждаться от векового сна, в ней появились великие политики и мыслители, думавшие о независимом Китае. Китайские интеллектуалы и художники, создававшие в прежние времена великие творения, но варившиеся, как принято говорить, в собственном «национальном соку», стали знакомиться с западной культурой, философией, прозой, поэзией. Идеологами обновления поэзии

стали китайские просветители Тан Сытун, Ся Цзянью, Хуан Цзуньсянь, позднее Лу Синь.

Советский синолог академик Н. Т. Федоренко писал:

«Заслуга ознакомления Китая с именами Байрона, Шелли, Пушкина, Лермонтова, Мицкевича, Петефи и других поэтов принадлежит Лу Синю, задолго до движения «4 мая» начавшему пропагандировать их творчество, в котором он видел дух сопротивления и призыв к действию. Немалое влияние оказало на нарождающуюся новую китайскую поэзию творчество Гёте, Гейне и особенно Уитмена. Некоторые поэты испытали влияние стихов Тагора».

Просветители призывали к «революции в области поэзии», ратовали за использование более простого языка. Он должен быть более понятным народу и помочь введению в поэзию тем и образов современной жизни.

Однако более масштабное переосмысление всей поэтической эстетики началось позднее, с движения «4 мая». Его суть — в объединении ряда деятелей культуры в их протесте против всеилья тогдашнего литературного языка «вэньяня», на котором писали все великие поэты прошлого, в требовании разрешить им писать на «байхуа» — народном языке. Позднее Мао Цзэдун, понимая всю утонченность языка иероглифов вэньяня, недоступного многомиллионному народу, поддержал это движение. После выступления представителей движения «4 мая» в китайской литературе начался массовый переход на новый народный разговорный язык. Уже через

Часть IV. Поэзия Китая нового и новейшего периода

год около 400 различных газет и журналов перешли на «байхуа». Были радикально трансформированы традиционные стихотворные формы и размеры стихотворений, фразы стали выделяться в отдельные строчки, появились знаки препинания.

А среди поэтов начали появляться представители самых разных слоёв, в том числе и выходцы из крестьян. Это упростило и оживило поэзию. Литератор Лу Синь призывал отказаться от изучения мёртвого вэньяня и максимально активно использовать разговорный язык байхуа. Китайская поэзия разделилась на два направления — реализм и эстетский формализм. Наиболее яркие реалистические поэты того времени — Ай Цин, Го Можо, Цзан Кэцзя, Цзян Гуанцы, Цюй Цюбо, Чжэн Чжэньдо, Лю Баньнун.

О роли Мао Цзэдуна в развитии поэзии XX столетия следует сказать особо. Парадоксальность личности и эстетики Мао Цзэдуна заключалась в его отношении к языку. Утверждая новые ценности и призывая молодёжь писать и говорить на байхуа, сам председатель Мао продолжал писать на вэньянею. «Левак» в политике Мао Цзэдун в стихах остался верен древним традициям.

И дело здесь не в том, что он был человеком в возрасте, которому трудно перестроиться на новый поэтический язык. Как наследник института императоров, сам «красный император», Мао Цзэдун просто не мог себе позволить говорить в стихах на языке «площадей и улиц». Его поэзия загадочным образом сочетает в себе аристократизм, даже некую

сакральность прежней классической школы, и в то же время народность, Его вэньянь звал одновременно и в древние, и в вечно новые дали.

Это тоже яркая особенность китайской культуры, свойственной Мао и его соратникам. Среди них были очень талантливые и хорошо знающие западную культуру люди, вроде Го Можо, Лу Синя и Ай Цина. Они пошли за новой эстетикой, активной, энергичной, солнечной, излучающей исторический оптимизм и в то же время связанной с прошлой культурой Китая неразрывными узами. Пошли не из страха и не от желания приблизиться к власти, но от ощущения, что за таким подходом — большая историческая правда. Думаю, они пошли потому за Мао и за его поэзией, что через этого человека мощно проявлялся дух Дао.

Интересное наблюдение высказал американский поклонник таланта великого кормчего литературовед Л. Бурман:

«Китайский лидер вовсе не навязывал свою склонность к вэньяню (старокитайскому языку — *Ю. К.*). Он даже предупреждал, что молодым поэтам следует писать проще и не стоит тратить время на поиски соотношения традиции и современности. Между тем китайская молодёжь именно на эту сторону творчества Мао как раз и обратила внимание».

Переворот, произведённый Мао Цзэдуном не только в китайской жизни, но и в поэзии, внушительен. Можно сказать, что он повернул календарь Поднебесной с лунного на солнечный. Поэты этой страны, ранее тяготевшие к воспеванию красот лун-

Часть IV. Поэзия Китая нового и новейшего периода

ного света в небе или на озере, можно сказать, вдохновились солнцем. И это не просто смена одного небесного объекта для поэтического вдохновения на другой. Всё-таки луна — отражённый призрачный свет и символ пассивного начала, тогда, как солнце в китайской эзотерике — признак активности, ясности и волевых устремлений. волевое бытие. В творчестве таких поэтов, как Сытун, Го Можо, Ай Цин, и даже у ряда «туманных поэтов», таких, каким во многом был Хай-цзы, появилось множество стихов, буквально пронизанных солнечными излучениями, оптимизмом, обращением к Дао человеческой деятельности.. Нынешний Китай развивается скорее под солнечным Дао, нежели под лунным.

Все эти соображения заставили меня обратить особое внимание на стихи Мао Цзэдуна, тем более что они также оказали немалое влияние на поэзию Латинской Америки.

Непросто передать в переводах стихов Мао Цзэдуна его сложные образы и символику. В советское время Великого кормчего попытались причислить под народного поэта, что справедливо только отчасти: Мао одновременно со своей народностью элитарный поэт — традиционалист, поэзия которого многопланова и сложна. Эксперты-китаеведы (Н. М. Азарова) справедливо утверждают, что нередко уже подстрочник был выстроен в упрощённом идеологическом ключе. Советскую подборку переводов Мао Цзэдуна 1957 года, вышедшую в библиотеке журнала «Огонёк» (среди переводчиков

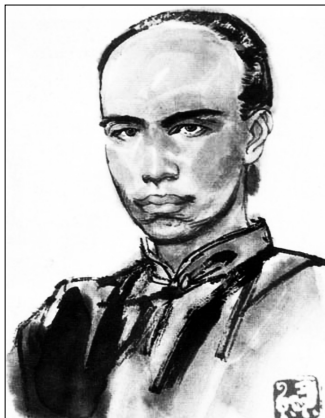
Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

были такие корифеи советской поэзии, как Н. Асеев, С. Маршак, А. Сурков, М. Басманов, Л. Эйшлин и др.) сегодня дополнил биограф китайского лидера и автор книги о нём из серии ЖЗЛ, востоковед, маститый профессор Капитолийского университета США А. В. Панцов. Он выпустил в 2009 году в издательстве «Вече» книгу переводов Великого кормчего «Зимние облака» и признал, что «лучшие лирические стихотворения Мао Цзэдуна не уступают общепризнанным образцам китайской поэзии». Делая свои рифмованные переложения стихов Мао Цзэдуна, я опирался, как на публикации журнала «Огонёк», так и на переводы А. В. Панцова, тем более, что среди них было немало стихотворений без рифмы.

Возможно, мои поэтические интерпретации творчества Мао Цзэдуна отличаются от уже опубликованных. Я попытался представить свой взгляд на поэзию Мао Цзэдуна и передать солнечный пророческий дух поэзии Мао Цзэдуна, как я его понимаю и чувствую.

ПОЭЗИЯ XIX века

ТАН СЫТУН
(1868—1898)

Крупный поэт, великий мыслитель, государственный и общественный деятель Китая. Хотя его жизнь и деятельность прошла в XIX веке, но как литератор и философ он целиком принадлежит веку следующему. В западном, да и российском китаеведении его называют представителем буржуазно-демократической мысли китайского общества. Но это не более, чем неуклюжая попытка адаптировать китайский образ мыслей и поступков под европейский. Сытун — явление глубоко национальное со всех точек зрения. Потомственный аристократ (сын

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

губернатора провинции), он сочетал в себе черты горячего защитника интересов крестьянства, страстного конфуцианца, сторонника западноевропейских реформ и революционера. Да плюс к этому порой писал стихи на байхуа — ещё не утвердившемся в литературе той поры народном языке (всего написал более 200 стихотворений). Рано проявил большие литературные способности, писал военно-патриотические стихи, сатиру, баллады, использовал фольклорную тематику, прибегал к жанру народных песен.

Владел китайскими боевыми искусствами. Объездил на коне весь Китай, особенно его труднодоступные горные районы, как это потом сделал Че Гевара на мотоцикле в Латинской Америке.

В конце своей жизни (а она длилась всего 30 лет) засел за написание трактата «Жэнь Сюэ» — учение о гуманности. Так принято называть в западных источниках это, не типичное для Китая, философское сочинение. Само понятие «гуманизм» весьма далеко от современного западного «контента», куда непременно включаются такие понятия, как «толерантность», «права человека» и т. п. Даже русский эквивалент «человечность» очень приблизительно передаёт смысл китайского иероглифа. В понимании Тан Сытуна «жэнь» — первооснова мироздания, своего рода «абсолютная идея» Гегеля. Кстати, Сытун первым в истории китайской философии ввёл европейский термин «эфир» в обиход китайской философской мысли и объявил весь мировой эфир пронизанным идеей Любви. Хотя Сытун не скры-

вал, что в своей философии опирался на западное христианство, мысль для Китая не новая, ибо за несколько веков до рождения Иисуса Христа Любовь, как первооснову мира, проповедовал очень популярный, наряду с Конфуцием, его современник Мо-цзы. Философские идеи Тан Сытуна представляют собой своеобразный сплав конфуцианства, буддизма, моизма и современной ему науки.

В 1898 году популярный в кругах интеллигенции Тан Сытун был приглашён одним из последних китайских императоров ко двору для проведения реформ. Они продолжались ровно сто дней, под этим названием — «Реформы ста дней» — вошли в историю Китая. Предложения Сытуна не понравились консерваторам и вдовствующей императрице Цы Си. Она совершила дворцовый переворот и отправила императора до конца дней под домашний арест. Реформаторы были приговорены к казни, но казнь официально предлагалось заменить отъездом реформаторов за границу. Сытун уехать отказался, сказав, что ни один значительный шаг истории невозможен без жертв. Великий писатель и общественный деятель без суда и следствия был публично обезглавлен на центральной площади Пекина.

Тан Сытун жил во второй половине XIX века, но оказал большое влияние на всю новую литературу XX века, особенно на поэзию, и продолжает оказывать до сей поры. Образованный человек, он часто использовал вэньянь, что, по мнению литературоведов, делало его поэзию более возвышенной. Он писал о путешествиях, о жизни, иногда о политике,

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

но всегда оставался поэтом, думающим о красоте. Вместе с тем он совершил революцию в китайском стихосложении, подготовил изменение размеров, внёс новую лексику, смело вводил в стихи научные термины.

Его творчество не могло не повлиять на поэтические вкусы Мао Цзэдуна. Можно обнаружить явную переключку между стихотворением Тан Сытуна «Стихи о том, как везли провиант по горам Люпаньшань» и стихотворением Великого кормчего «Люпаньшаньский хребет». Я перевёл несколько стихотворений поэта, где он предстаёт и лириком, и поэтом сатирического направления, и обличителем социальной несправедливости.

ЛЮБИТЕЛЮ РОМАНТИКИ

Всю жизнь владела мною жажда странствий,
И потерять такую жажду — страх...
В который раз, поддавшись давней страсти,
Один зимой гоню коня в горах.
Здесь птицы на излёте падают, как льдинки,
Голодный волк следит за изнемогшим мной.
Ох, не рисуй о путешествиях красивые картинки,
Я знаю, что такое путь земной!

* * *

Крики гусей растревожили память во мне.
Вниз по реке я спускаюсь на лодке неслышно.
Видно, за мной наблюдать интересно Луне,
Раз она в небо в такое мгновение вышла.
Вот оставляю беззвучным веслом своим след —
Вмиг отраженье луны на воде заплясало.
Может, в такие минуты великий поэт
Людам оставил бессмертные строфы «Лисао».

ГОРА КУНТУН

Большая Медведица синих глаз
Не сводит с горы ночной
И, освещая вершины, в нас
Пробуждает фантазий рой.
И я до рассвета не в силах уснуть,
Гляжу, как плывут облака,
Как в небе ночном означается путь,
Луны серебрятся бока.
Затеяли сосны с драконами бой,
Верхушки в рассветных лучах
Горят. И отхлынули тени гурьбой,
И солнце на горных плечах.
Куда ни посмотришь — повсюду цветы
Пылают, словно костры.
И где источник такой красоты?
Возможно, в глубинах горы.

**ПЕСЕНКА
ОБ ОПИУМНОМ МАКЕ**

Не растёт зерно в Китае —
Плохо дело, грозный знак.
А правительство в ударе:
Нету риса — сейте мак!
Наши беды и напасти
Богатеям не нужны.
Лишь бы уцелели власти
От весны и до весны.
Вот такой у них расчёт:
Хлеба нету — мак цветёт.

**СТИХИ О ТОМ, КАК ВЕЗЛИ ПРОВИАНТ
ПО ГОРАМ ЛЮПАНЬШАНЬ**

Копыт неверен шаг по скользким скалам,
Телегу тащат лошади и люди.
Грозят повсюду пропасти оскалом,
И путь простыми радостями скуден.
Вдобавок виснут тучи в тёмном небе,
Всю жизнь в трудах приходится скитаться.
Такой вознице достаётся жребий,
А также нечиновному китайцу.
Не для себя он, рук не покладая,
На гору тащит тяжкий груз натужно.
В нём кровь и пот народного Китая.
Давно об этом всем подумать нужно.

ПОЭЗИЯ XX века

ЛУ СИНЬ
(1881—1936)

Лу Синь — крупнейший китайский писатель, один из основателей современной литературы Поднебесной и одна из трёх её ключевых фигур. Подобно тому, как в истории мировой поэзии классический Китай представлен, прежде всего, именами Ли Бо, Ду Фу и Ван Вэя, так и главные литературные персоналии Поднебесной XX века — это Мао Цзэдун, Лу Синь и Го Можо.

Происходил из образованной интеллигентной семьи, с детства много читал (биографы отмечают, что уже тогда он не любил литературу конфуцианского

Часть IV. Поэзия Китая нового и новейшего периода

толка), закончил мореходное, затем Горно-рудное училище. Пытался стать врачом, поступал в медицинский вуз в Японии, где прожил несколько лет, но понял, что больше всего любит литературу, причём не только китайскую, но и русскую, увлёкся Л. Толстым. В конце концов Лу Синь становится писателем. С молодых лет начал заниматься общественной деятельностью, был просветителем, обличал китайское прошлое. Преподавал в китайских вузах, стал ректором вуза, затем министром образования в Пекине. Выступал за то, чтобы китайская литература осваивала разговорные жанры, призывал перейти на байхуа. Сблизился с литераторами круга Мао Цзэдуна и с самим Мао. Писал прозу, стихи и ритмизованные стихи в прозе, издал несколько сборников. В СССР творчество молодого китайского писателя быстро заметили и начали издавать, как в журналах (одним из первых советских журналов, опубликовавшим Лу Синя в 1935—1936 годах, был журнал «Сибирские огни»). В дальнейшем в СССР вышел четырёхтомник его главных произведений и том его произведений в серии «Библиотека иностранной литературы». Лу Синь писал сатирические стихи и философскую лирику, много занимался переводами русской и советской классики на китайский язык: перевёл Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. П. Чехова, М. Горького, А. А. Фадеева. В последние годы тяжело болел туберкулёзом и по причине болезни отказался от предложения выдвинуть его на Нобелевскую премию. В возрасте 55 лет, обретя общенациональную известность в Китае и во всём мире (его называли величай-

шим писателем Азии XX века), Лу Синь умер. Мао Цзэдун, высоко ценивший писателя, поместил свою каллиграфическую надпись в его честь на гробнице мавзолея.

Одним из главных дел жизни Лу Синя было создание знаменитого китайского общественно-политического движения «4 мая» (в 1919 году), о котором уже говорилось и с даты появления которого китайцы отсчитывают рождение не только новой поэзии и всей новейшей литературы своей страны. Суть движения — борьба с империализмом за социалистические идеи, массовые выступления студентов и рабочих против Японии, которая не хотела возвращать Китаю захваченные территории. В выступлениях активное участие приняла левая интеллигенция. Истоки сегодняшнего расцвета Китая и его мощного ускоренного развития во многом нужно искать в движении «4 мая».

Европейское Возрождение растянулось на несколько столетий, сопровождалось рядом революций и церковных реформ, тысячелетним господством латыни, сильно тормозившей развитие национальных языков Европы. Вслед за европейским Возрождением последовали два века эпохи Просвещения. Китай выполнил задачи двух эпох — Возрождения и Просвещения, по существу, за несколько десятилетий. Цивилизационный рывок Китая оказался впечатляющим и привёл Запад в состояние замешательства. Не меньшее, чем это сделала Великая русская революция XX века. Если Советский Союз оставил для западных стран какие-то надежды на реванш своим

экономическим отставанием, то Китай их окончательно уничтожил. Практически все стороны человеческого бытия в Китае подтянулись до уровня «мировых стандартов», а теперь начинают обгонять их.

Почему такое в принципе могло произойти? Я думаю, потому, что Восток не приемлет общих «мировых стандартов», принятых на Западе, а идёт своим путём. Все попытки наложения на развитие Китая западных лекал оказались иллюзорными. Так же как привычные для западного, да и в значительной степени для русского человека коренные понятия «жизнь», «смерть», «прогресс», «свобода», «история» и т. д. нуждаются в серьёзных восточных уточнениях. Например, таких: смерть есть не более, чем новая форма жизни, а кроме истории существует Метаистория.

Китайская же история — это бесконечное движение вперёд с постоянными откатами назад. Другими словами, перелистывание великой Книги Перемен Жизни. С остановками на обдумывание, с возвращением к неусвоенному... Автор Книги неизвестен, перелистывающий — человек. И то не всякий, но стремящийся к познанию.

Китай вступил в XX век, имея за спиной пятитысячелетнюю, зафиксированную в иероглифах историю своих взлётов и падений. Китайская ментальность приспособилась к их чередованию как к неизбежному событийному ходу, выдвинув великую идею «недеяния». Её суть в том, чтобы относиться к ходу жизни не фатально, действовать не бездумно или в страхе, но уравновешенно и в пределах человеческих возможностей. В двух словах идея «недеяния» может

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

быть выражена христианской формулой: «Да будет Воля Твоя, а не моя». И в то же время идея «недеяния» подкреплялась в Поднебесной идеей мощного цивилизационного деяния, которое в полной мере реализовалось в исторической практике.

Эти мои рассуждения, возможно, помогут понять, какую роль сыграли в становлении нового Китая такие деятели, как Лу Синь, Го Можо, Мао Цзэдун и другие. Лу Синь в своём прозаическом и поэтическом творчестве подверг небывалой критике все стороны жизни древнего конфуцианского Китая, назвав свою главную книгу «Дикие травы» с подзаголовком «Записки сумасшедшего». Вместе с тем этой книгой, написанной в манере особого верлибра — свободного стиха, но «с китайской спецификой». Лу Синь выразил веру в светлое будущее своего народа. Оно придёт непременно вслед за эпохой абсурда, куда окунуло Китай начало века. «Дикие травы» — это и есть в понимании Лу Синя символ китайского народа, который, что бы с ним ни делали — топтали, косили, жгли, встаёт и выпрямляется.

Лу Синя нередко называют китайским Гоголем, Мао Цзэдун называл его своим любимым писателем. Я перевёл «краткое предисловие» к «Диким травам», написанное ритмизованной прозой, русским рифмованным стихом.

ДИКИЕ ТРАВЫ
(краткое предисловие)

1.

Когда молчу, я чую полноту
Всех лучших чувств и веру в обновленье.
А говоря, — впадаю в пустоту,
В словесный бред, недоговорки, тленье...
Меня сегодня здесь былого нет,
Одни слова о том напоминают,
Уходит полночь, принося рассвет,
А значит, наступает жизнь иная!
Я делаюсь похожим на траву
И слушаю из будущего зовы.
Весну зову, грядущее зову!
Тоскливое здесь неуместно слово.

2.

Земные корни трав неглубоки,
Просты их лики, часто некрасивы.
Пьют не из чаши — прямо из реки,
Из праха восстанавливают силы.
Сегодня на земле повсюду прах,
Высокие в нём не растут деревья.
Везде людей охватывает страх
Безверия, кончины, разделенья...

3.

О, травы дикие — земное украшеньё!
Вас топчут, косят, леденят и жгут.
Вы превращаете такое униженьё
В улыбку добродушную и в труд.
Ложитесь прахом каждый год на землю,
Цветами восстаёте из неё.
И я судьбу подобную приемлю.
Мне по душе сражение моё.
Огонь подземный рвётся на поверхность
С намереньем всё превратить в золу.
А вы свою храните жизни верность,
Поёте ей весёлую хвалу.
На том закончу, коль чего-то стою,
Идите, травы дикие, за мною!

ГО МОЖО
(1892—1978)

Го Можо — известнейший китайский политический деятель, президент Академии наук КНР, признанный учёный, прославившийся как поэт и прозаик задолго до прихода коммунистов к власти. Широко известен как создатель нового китайского языка — байхуа. Много лет он был культурным сподвижником Мао Цзэдуна, причём обладал высочайшим авторитетом и был чужд даже тени политиканства. Пройдя через все тяжёлые перипетии новейшей истории Китая, Го Можо потерял во время репрессий «культурной революции» двух сыновей. А сам дожил до 86 лет и не потухшими глазами увидел экономический и культурный взлёт Китая.

Го Можо находился под несомненным влиянием Маяковского и писал «плакатные», но очень ис-

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

кренные и вдохновенные стихи. Его поэтическое наследие огромно. Прославился и как литературовед, считался одним из наиболее авторитетных исследователей творчества Лао-цзы и Цюй Юаня.

Из всего его разнообразия и богатства я выбрал небольшую поэму в письмах «Ваза», датированную 1927 годом и имеющую подзаголовок «История неравной любви». Поэту в ту пору исполнилось 35 лет, его возлюбленной, судя по тому, что она кончала школу, было не более восемнадцати. Мне думается, поэма точно передаёт, что китайцы при всей своей необъятной и трудной истории умеют хранить традиции красоты, изящества, верности и любые перемены не меняют их стальной национальный сердечник. Между прочим, название поэмы повторяет заголовок стихов ныне забытого нобелевского лауреата — француза Сюлли Прюдона. Возможно, ценители поэзии, сравнив тексты двух стихотворцев, поймут причины забвения одного и памяти о другом.

ВАЗА

* * *

Как в тёмном небе вспыхнул метеор,
Лишь на секунду осветив пространство,
Так и ко мне твой прикоснулся взор,
Не проявив при этом постоянства.
Запали в душу девичьи глаза,
Весёлыми и нежными лучами.
Шлю, как монах, молитвы в небеса,
Но отклика, увы, не получаю.
Увы, прошло моё цветенье роз,
Остались увядающие листья...
Я сны свои, наверно, перерос,
Ключ потерял к разгадке юных истин.
Когда в вино налит любовный яд,
Губами постарайся не коснуться,
А если сладок сон, то, говорят,
Подольше попытайся не проснуться.
Покоя не даёт моим глазам
Друг-почтальон, венец моих желаний.
Жду с нетерпеньем от тебя посланий.
А что пошлешь — и Бог не знает сам.

Ночь, 22 февраля

* * *

Казалось бы, сидим мы по соседству,
Но далеки — ведь свой ты прячешь взгляд.
Приходится пылать напрасно сердцу,
Ведь руки-то обнять тебя хотят.
Чего же ждать? Как обернётся случай
Той первой встречи и тебе, и мне?
Суровый суд возможен ли над тучей
За то, что пылко тянется к луне?

Ночь, 22 февраля

* * *

Я чувствую всю ночь в своей руке
Твоей руки необъяснимый холод.
Хотя мы друг от друга вдалеке,
Но сердце бьётся, бьётся, словно молот.
Моя, конечно, непонятна боль.
Ты спишь спокойно, ничего не чуя,
Представь, что я — без капли сна ночью
И вижу лишь одну твою любовь.
Прошла неделя — писем нет и нет.
Скажи, я ожидаю их напрасно?
Ты холодней, чем утренний рассвет,
Мне с каждым днём ушедшим это ясно.
Я грелкой согреваю облака
Своих надежд, но ускользают мимо...
О сердце, сердце... Что ж, оно пока
Работает в груди неутомимо.
Как добрести до завтрашнего дня?!
Пусть хоть строчку мне подаришь завтра!
А если вновь забудешь про меня
И обнажится горестная правда?..
Тогда пусть послезавтра, в воскресенье,
Найди свободных несколько минут
Для моего сердечного спасенья.
Ну, напиши, не посчитай за труд...

Ночь, 22 февраля

* * *

Наконец я письмо получил.
Почерк, вижу, взволнован, горяч.
Буквы нежные, словно лучи,
Сердце в небо взлетело, как мяч.
Опасаясь конверт открывать,
Даже кружится голова.
На рисунок смотрю, на печать...
Что под ними, какие слова?
О, письмо! Чтоб его заклеить,
Ты, конечно, к губам поднесла.
И бумага могла сохранить
Аромат твоего тепла.
Сообщаешь в начале строки,
Что молчания длинная нить —
Это школьной учёбы долги.
Очень просишь меня извинить.
Но чего я тебе не прошу
За душой обретённый покой!
От волнения трепещу,
Получив подарок такой.
Дальше — пишешь — мой сборник стихов
Прочитала при ясной луне,
Но твой маленький ум не готов
Замечания сделать мне.

Часть IV. Поэзия Китая нового и новейшего периода

А того и не ведаешь ты,
Что себе я кажусь иногда
Перед блеском твоей красоты
Несмыслёнышем жалким. Да.
Наконец в письме говоришь,
Всем сомненьям моим вопреки,
Что познала райскую тишь,
Посидев со мной у реки.
И ещё добавляешь строку,
(Ох, сердечко, в груди удержишь!)
Что хотела бы эту реку
Растянуть на целую жизнь.

Ночь, 24 февраля

* * *

В письме твоём новом нет слова «почтенный»,
К чему, сожалею, давно я привык.
Меж нами не выросли годы, как стены,
Не стал для тебя я совсем уж старик.
Да, старше тебя, что, увы, не исправить,
Весеннюю вновь не верну благодать.
Но ведь и весну не удастся избавить
От общего правила — осенью стать.
Пускай же подольше твой луг зеленеет,
Пусть зелень украсит и участь мою.
Поэт свои горести прятать умеет,
А я и страдаю, и радость таю.
Минутам тоски моей, долгим и мутным,
Пошли ободрение встать над судьбой.
Прошу, не зови ни «почтенным», ни «мудрым».
Позволь мне по чувствам сравняться с тобой.

Полдень, 5 марта

* * *

Как рад я, что недавно заблуждался —
Сдала экзамен — и успела написать!
Признания почти уже дождался,
Над сердцем засияли небеса!
Мне пишешь, что считаешь всех поэтов
Честнейшими и добрыми людьми,
Что очень по душе тебе, поэтому
Лукавить нам нельзя в делах любви!
Жалеешь, что не младшая сестра мне,
А я, увы, тебе не старший брат.
«Ах, милая, да я бы даже камнем
У ног твоих расположиться рад!
Вот если бы весны моей богиней,
Ты сделалась, о, как бы я запел!..
Давай же все условности откинем,
И встретимся среди учебных дел...
Кого в тебе на этот раз увижу:
Любовь, подругу, младшую сестру?..
Я жду свиданья нового, приди же,
Иначе послезавтра я умру!»
Не потому ли изнывает сердце,
Что только брата ты во мне нашла?
Я места не найду, куда мне деться.
Строка такая душу обожгла.

Ночь, 15 марта

* * *

Мой личный ад стал общим раем нашим:
Я снова к солнцу устремил полёт!
Крылами ветер вместе с сердцем машет,
И свежий воздух пляшет и поёт.
О, дорогая! Вечность и мгновенье,
Слились в моей душе одним кольцом.
Сверяю я своё сердцебиенье
С твоей душой, дыханием, лицом.
Печали нет, она прошла сторонкой,
Пиши, как хочешь, слов не выбирай.
Владычица! Любимая! Сестрёнка!
Ты ад сердечный превратила в рай!

Ночь, 15 марта

* * *

Ах, сердце в груди моей бьётся опасно!
Как древний мечтатель, я к солнцу взлетел,
Но всё постепенно становится ясно,
Что многого слишком поэт захотел.
Я — дерево, жертва лесного пожара.
Ни ветром, ни бурей его не задуть.
И жало любви, беспощадное жало,
Пронзило мою окончательно грудь.
Не выбраться мне из любовного плена,
Трещит моя плоть от огня, как полено.

Полдень, 20 марта

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

* * *

Покой зову, но шторм в груди бушует,
Напрасно бьётся в тень твоей скалы.
Не хочешь понимать, о чём пишу я:
Не писем жду — любовной похвалы.

Полдень, 20 марта

* * *

Слова бросаешь, словно невзначай!
В них чувствуется тонкая прохлада.
Пусть для тебя они — остывший чай,
Но для меня они — уголья ада!
Я, словно старое вино, в твой кубок влит,
Сам влил себя. Не ты тому виною.
Пойми, не по душе мне вялый флирт,
Я равнодушен к холоду и зною.
И кружево загадок не вяжи,
Любовь ведь не подмости и не сцена...
Уж если вовсе не любим — скажи,
Скажи об этом, только откровенно!

Ночь, 24 марта

* * *

Завидую я маю твоему!
Он расцветает с каждым днём нежнее!
А постою у зеркала — ему
Осенний вид мой глупый всё ...ненужнее.
Седины. Грусть. Печальная пора.
Не светятся в глазах бывшие искры.
Юнцом цветущим был ещё вчера.
И вот сомненья, опасенья, риски...

Ночь, 27 марта

* * *

Последнее письмо перечитал,
Вернулся к прошлым, трезво всё обдумал.
Как сразу не почуял твой металл,
Холодный, осторожный и угрюмый?
По-прежнему: «Почтенный старший брат...
(Как будто гвозди в гроб мой забиваешь).
Я не привыкла к горечи утрат...
Не ровня мы, ты это понимаешь.
Сам попросил — лишь правду напиши.
Я и пишу твоим речам послушна...
Оплакивать разлуку не спеши,
Я слишком молода, учиться нужно»...
...Рассвет в окно сочится через мглу...
Посплю, переживу судьбы наскоки...
Проснулся, вижу вазу на полу
Точнее, не её, одни осколки.

30 марта

ПОЭЗИЯ И СУДЬБА ВЕЛИКОГО КОРМЧЕГО

МАО ЦЗЭДУН
(1893—1976)

Сразу оговорюсь: все, что пишу о Мао Цзэдуне, — это взгляд русского человека, поэта и переводчика на китайского политического гиганта XX века, который волей судеб оказался очень сильным поэтом. Моя вводная статья к разделу его стихотворений будет превосходить по размеру статьи, написанные о других китайских поэтах. Но не потому, что я являюсь поклонником маоизма (если уж на то говорить, мне куда ближе моизм). Хотелось бы восстановить историческую справедливость и дать больше информации: в России о Мао Цзэдуне, вокруг которого

Часть IV. Поэзия Китая нового и новейшего периода

сложилось слишком много кривотолков, хотя речь идёт не просто о поэте, но и крупнейшем политике XX столетия. Я прекрасно отдаю себе отчёт в том, что среди других китайских поэтов есть гении, уровнем своего поэтического дарования безусловно превосходящие Великого кормчего.

Будущий вождь Поднебесной родился 26 декабря 1893 года. Семья Мао Цзэдуна считалась довольно зажиточной. Отец его был землевладельцем и строгим конфуцианцем по взглядам, мать будущего жесткого политика, мягкая по характеру женщина, исповедовала буддизм. С ней юноша был очень близок и даже посвятил ей стихи, в то время как с отцом конфликтовал. Отец навязал юноше брак с нелюбимой женщиной. Но Мао, отличавшийся большой самостоятельностью и независимым характером, категорически отказался с ней жить и рано покинул дом.

Вначале Мао принял буддизм, но затем в юношеском возрасте отверг его. Молодой человек активно изучал книги по китайской и мировой истории, философии, классической западной литературе, штудировал биографии исторических деятелей (Наполеон, Пётр Великий, Екатерина Вторая, Линкольн). В возрасте 18 лет Мао Цзэдун встречает революцию. На короткое время он присоединяется к армии губернатора провинции, затем возвращается к учёбе, оканчивает школу, педагогическое училище. Начинает писать политические статьи, создаёт вместе с друзьями общество «Обновление народа». Через какое-то время переезжает в Пекин, готовится к по-

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

ездке на учёбу во Францию, знакомится с идеями Маркса и Кропоткина, женится. После 1920 года период интеллектуальных и политических исканий заканчивается: Мао Цзэдун выбирает марксизм, быстро делает партийную карьеру — объединяется с гоминдановцами, затем разрывает с ними, поднимает восстание «Осеннего урожая», которое было подавлено. Тогда Мао с остатками войск бежит в горы. Позднее он создаёт в провинции Цзянси разновидность советской республики, где осуществляет земельные реформы, также расширяет права женщин. Мао борется против своих противников и все чаще одерживает победы. Борьба обостряется, и бойцы несут взаимные потери: противники захватывают и казнят жену Мао Цзэдуна, Ян Кайхуэй, позднее гибнут двое его сыновей.

Затем происходит столкновение с Гоминданом: руководство КПК принимает решение уйти от прямого столкновения с превосходящими силами противника. Армия повстанцев совершает свой знаменитый бросок на север, воспетый многими поэтами и Мао Цзэдуном в том числе. Несмотря на огромные численные потери, КПК Китая удаётся быстро восстановить свои ряды. Постепенно армия Мао Цзэдуна собирается с силами и наносит своим противникам сокрушительное поражение.

Параллельно с боевыми действиями Мао Цзэдун создаёт свою идеологию и более прагматичную версию марксизма «с китайским лицом», маоизм, суть которого в опоре на крестьянство, а не на пролетариат, слабый в тогдашнем Китае. Благодаря иде-

ологии и практике Мао Цзэдуну удалось привлечь на свою сторону значительную часть населения и сокрушить гоминьдан, приведший страну к кризису. Это расчистило будущему лидеру Поднебесной путь на самый верх. В 1943 году он становится председателем Политбюро и Секретариата ЦК КПК, а в 1945-м — председателем ЦК КПК. 1 октября 1949 года была образована Китайская республика, которую возглавил Мао Цзэдун. Он управлял Китаем до самой своей смерти — 9 сентября 1976 года.

Если к Мао Цзэдуну как к политику относятся в Китае по-разному, то как поэта его почитают даже те, кто не разделяет взглядов китайского вождя. Речь идёт даже не о художественных достоинствах его стихов. Они поражают глубиной, разносторонностью, слитностью мысли, слова и поступка, а главное — непреклонной пророческой убеждённой в исторической правоте автора. Мао признавался, что писал стихи всю жизнь, даже, как говорится, «в седле» в прямом и переносном смысле слова. Значительную литературную одарённость политического лидера Поднебесной признавали при его жизни незаурядные интеллектуалы и литераторы Европы, Африки, Северной и Латинской Америк, Тайваня. Вспомним личные беседы Мао Цзэдуна с легендарным Че Геварой, увлечение молодого Нельсона Манделы опытом борьбы китайского вождя.

Впечатляют широта и разнообразие тем, затронутых в стихах, присутствие любовной и пейзажной лирики, философские раздумья, острая политическая сатира и в то же время отсутствие плакатности

в произведениях революционной тематики — обо всём Мао умел говорить нетривиально и свежо. Привлекает в творчестве поэта-политика оригинальная связка новаторства и традиционализма. Китаевед Н. М. Азарова, в своей статье в «Новом мире» убедительно показавшая, что Мао не просто хороший поэт, но «возможно, поэт первого ряда», подчёркивала, что «для современных китайских поэтов Мао поэт-новатор, стимулировавший поэтическую смелость в коммунистическом Китае».

Сам Мао относился к своему литературному творчеству очень серьёзно, находя для него вечерние и ночные часы как в походах, так и в условиях жесточайшей партийной борьбы. При этом был человеком весьма скромным: решился на первую поэтическую публикацию только в шестидесятипятилетнем возрасте и спустя шесть лет после прихода к власти.

Академик В. Мясников восхищался обширной библиотекой Мао, его образованием и самообразованием:

«Традиционализм впитывался Мао Цзэдуном со школьной скамьи, при чтении художественно-исторической литературы, посещении традиционного китайского театра и от уличных народных сказителей. Первым его учебником был конфуцианский канон “Луныюй”, который он часто цитировал. В яньаньских пещерах Мао постоянно вспоминал примеры из истории Китая, цитировал классические книги древности. В произведениях Мао часто встречаются упоминания сюжетов и персонажей исторических

романов «Троецарствие», «Речные заводы», «Путешествие на Запад», приводятся примеры из истории династий Цинь, Хань, Тан и Мин. К концу жизни Мао Цзэдун достиг высоких степеней образованности. Он изучал древние и современные книги, китайских и иностранных авторов, штудировав литературу по таким дисциплинам, как философия, логика, эстетика, религия, экономика, политика, военное дело, художественная литература, история, география, естественные науки, техника».

Китайский лидер знал западную философию, античность, Гегеля, мировую художественную классику. Особенно он увлекался философией Канта, по-видимому находя общее между «вещью в себе» и таинственной силой дао. По широте образованности в сравнении с другими политиками авторитарного толка его можно сопоставить со Сталиным, чья библиотека насчитывала более 20 000 книг, испещрённых пометками. Мао не только сам много читал, но призывал кадровых партийных работников образовывать себя. Любил повторять: «Век живи — век учись». А. Н. Громыко, неоднократно встречавшийся с Мао Цзэдуном, заметил, что его визави «старую китайскую философию считал своим родным домом, основательно ее штудировал и говорил об этом».

Но китайский вождь не только очень хороший поэт, он — поэт-пророк. Хотя мало похож на такового в привычном для нас смысле слова. В стихотворении «Куньлунь» Мао мечтал разрубить этот грандиозный горный хребет (китайскую западную часть Гималаев) на три части. Одну отдать Европе,

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

вторую — США, третью — оставить Китаю. Причудливые планы китайского вождя осуществилась неожиданным образом. Китайцы прорубили в Куньлуне трассу железной дороги длиной в 1200 километров, и туда хлынул поток туристов преимущественно из Европы и Соединённых Штатов. Мао оказался не только пророком-теоретиком, но и практиком-управленцем, распахавшим своей жёсткой деятельностью поле для последующих поколений. У истоков китайского взлёта стоит его одинокая фигура, хотя сам взлёт осуществили другие люди.

К таким «другим» можно отнести не только Дэн Сяопина, но и нынешнего политического вождя Китая Си Цзиньпина, которого «красный император» 15-летним подростком вместе с отцом (сподвижником Мао Цзэдуна) на долгие годы сослал в деревню «на перевоспитание». Пройдя там суровейшую школу жизни, он сегодня стал мировым политическим лидером. При этом не только простил своего обидчика, но поклонился ему и читал перед телекамерами наизусть его стихи.

Это удивительное, я бы сказал, христианское отношение к гонениям настолько восхитило меня, что я посвятил китайскому лидеру сонет.

КИТАЙСКИЙ СОНЕТ

*Мы не привыкли с чингисхановых времён
Сгибать перед гостями нашу спину.
Снимаю шапку, шлю земной поклон
Приехавшему в Сочи Си Цзиньпину.
Россию трудно удивить судьбой.
Гигант по мужеству, терпению и росту,
Он выиграл свой небывалый бой,
Зажёг над миром угасающие звёзды.
Был обвинён несправедно, судим
В родной стране ещё подростком юным.
И голову склонил перед обидчиком своим
И грозным судьей — Мао Цзэдуном*.
Да сбудется двоих бессмертная мечта —
Вернуть земле Мо-цзы** и нашего Христа.*

* Известно, что нынешний руководитель Китая прилюдно и вслух читал в музее Мао Цзэдуна его стихи.

** Китайский философ IV в. до н. э., провозгласивший любовь главным принципом Мироздания.

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

Историческая интуиция Мао Цзэдуна пробивалась даже через его ошибки. Отрицая окостенелое конфуцианство (не самого Конфуция), он в конце концов запустил в практику закон «отрицание отрицания» в его китайской интерпретации и парадоксальным образом получил утверждение. Сегодня Китай создаёт по всему миру институты Конфуция. А в самой стране создана здоровая мода на изучение традиционной китайской культуры. Новое живое конфуцианство и новая подлинная культурная революция, происходящая сегодня в Поднебесной, стали мощной альтернативой глобализации и обществу потребления, растлевающая идеология которого ныне угрожает самому Китаю. Обновлённая древняя философия должна помочь Поднебесной одержать победу над влияниями Запада. По мнению экспертов, Китай сегодня сам готов потеснить США и возглавить глобализацию под конфуцианскими знаменами философией «морального реализма». Похоже, что Мао и как политик, и как поэт каким-то образом это всё предвидел и знал. Возможно, поэтическая интуиция помогала политику заглянуть в грядущее и приблизить его.

Сам лидер китайской революции, созидая историю весьма жёсткими методами, конечно, видел будущее иным, гуманным и светлым. Потому-то периодически уходил в столь мирное и прекрасное занятие, как написание стихов. И это у него очень хорошо получалось. Вчитаемся в стихи Великого Кормчего и попробуем ощутить через строчки этот мощный пассионарный дух Истории.

ЛЮПАНЬШАНЬСКИЙ ХРЕБЕТ

Высоко в небесах перелётные гуси
Покорить призывают пространства свои.
Если сдался препятствиям, если ты струсил,
Человеком Китая себя не зови.
Половина отечества пройдена нами,
Впереди возвышается древний хребет.
Водрузить предстоит там победное знамя,
А иного решения попросту нет.
Повинуемся зову хребта и закону —
Свяжем лапы верёвкой седому дракону.

1935

ЧАНША*

Днём осенним, сияющим солнечным днём,
Я стою над рекой и люблюсь закатом,
Вижу горные склоны в наряде цветном,
Мандариновый остров и много загадок...
Реку север влечёт, а орла — небосвод,
Рыба плещется на мелководье.
Всё живое своим распорядком живёт,
Ухватившись за чьи-то поводья.
По зелёному руслу великой реки
Целый день непрерывно снуют челноки.
Наблюдая картины природы родной,
Величавой, могучей, спокойной, прекрасной,
Понимаешь — не мы управляем страной,
Кто-то более сильный, премудрый и властный...
Вспоминаю далёкое время своё,
Споры долгие, юные страсти.
Так хотелось страну и её бытие
Подчинить нашей собственной власти!
Но житейские наши в пути челноки
Задержало течение великой Реки.

* Родина Мао Цзэдуна.

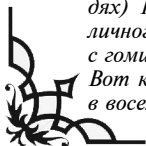

ВЕЛИКИЙ ПОХОД*

По рекам, горам и полям мы прошли
С боями за год двадцать тысяч ли**.
Пять горных хребтов у нас за спиной.
Там снег по колени и скалы стеной.
Круты берега нами пройденных рек,
Стремителен был их течения бег.
Но мы одолели усталость и страх
Улыбкой и песней на смелых устах.

* Немногословный Великий кормчий, как иногда всерьёз, а иногда с иронической усмешкой называют Мао Цзэдуна историки, откликнулся на событие стихотворением, где всего восемь строк. В них перечисляются главным образом географические точки похода, что массовому русскому читателю ничего не говорит. Зато любой китаец понимает масштабы и трудности великого военного Подвига. Я постарался освободить свой перевод от топонимов, акцентировал внимание на духе стихотворения и сдержанности автора. Оставил те же восемь строчек.

** Ли — 0,6 километра. Таким образом, за один год, с октября 1934-го по октябрь 1935 года, китайская Красная армия прошла во время Великого похода пешком (и лишь немногие солдаты на лошадях) 12 тысяч километров, потеряв 90 процентов личного состава. Приходилось сражаться не только с гоминдановцами, но и с японскими захватчиками. Вот какие дела стоят за скучным стихотворением в восемь строк.

ДАБАЙДИ*

Красный, желтый, синий, лиловый
Небо построило ряд...
Не выразить самым прекрасным словом
Этот мирный закат.
Когда-то здесь пушки били по цели,
Царили иные цвета.
Пули свистели, взрывы гремели...
И вот покой, красота.

* Город в Китае, где шли ожесточённые бои между
Красной армией и гоминьдановскими войсками.

СЛАВЛЮ МЭЙХУА*

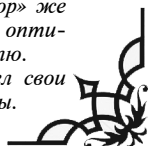
Да, снег и дождь идут при цвете слив.
Но человек не должен быть тосклив.
Его задача — в будущее взгляд,
Там все цветы весной заговорят.
Они покроют горы и поля,
Проснётся обновлённая земля.
И ты, поэт, стряхнув оковы сна,
Скажи: «Приветствую тебя, весна!»

** Мэйхуа — сорт сливы, прославленной в китайской поэзии с древнейших времён. Это плодородное дерево воспевали безымянные великие поэты «Ши-цзина», Ли Цинчжао, Ли Бо и другие знаменитости. Дело в том, что данный сорт сливы цветёт алым цветом в самом конце зимы, когда на горах, а кое-где и в полях ещё лежит снег и очень холодно. Мэйхуа, также символ выносливости в китайской символике, выдерживает температуры до -50 градусов по Цельсию.*

Стихотворению Мао Цзэдуна предшествует такая ремарка автора: «Прочитав стихотворение Лу Ю (великий китайский поэт, 1125—1210) «Воспевая цветы сливы», я захотел оспорить точку зрения автора».

Дело в том, что прекрасные стихи Лу Ю ставят грустный акцент на недолговечности цветения мейхуа — цветы быстро опадают. «Спор» же Мао — в перенесении акцента с грусти на оптимизм: скоро весна покроет цветами всю землю.

Что ж, великий китайский вождь имел свои основания для этой метафорической правоты.

БАШНЯ ЖЁЛТОГО АИСТА

На востоке Янцзы,
Где притоки река собрала,
Башня древняя
В небе осеннем маячит.
Башня Жёлтого аиста*
Сердцу китайца мила,
Потому что приносит
Своим пилигримам удачи.
Признаюсь откровенно,
В местах этих не был давно.
Наконец, побывал
На горе-Черепaxe** в ненастье.
И обычай исполнил —
Здесь выплеснул в реку вино.
Пусть вернётся в Китай
Жёлтый аист и счастье!

* Сооружена в III веке на том месте, где, по преданию, вознёсся в небо даосский святой.

** Черепаха, согласно легенде, прародительница Поднебесной.

ПЕЩЕРА ОТШЕЛЬНИКА В ЛУШАНИ

В сумерках синих видна чуть луна.
Незрима с ней рядом пещера одна.
В ней жил одинокий отшельник — даос.
Чудо природы
(И важный вопрос)*.

** Последняя строчка выделена мною в скобки, поскольку в оригинале Мао Цзэдуна таких слов нет. Но важный вопрос остаётся. Почему из всего богатейшего Лушанского заповедника поэт выбрал пещеру даосского отшельника, естественное природное образование? В Лушани сохранилось немало развалин древнейших храмов, конфуцианских и буддийских, целый ряд из них ныне действующие. Они взяты под охрану ЮНЕСКО. Между тем Мао говорит лишь об одной пещере — именно об обители древнего даоса. Некоторые исследователи объясняют данный факт следующим: в «Особом районе Китая» Мао длительное время проживал в пещере, а также всю жизнь находился под сильным влиянием идей Лао-цзы.*

ВОРОБЕЙ-МИРОТВОРЕЦ

Стреляй! Руби! Противника убей!
Слышна повсюду в мире канонада.
Дрожит в кустах от страха воробей:
— Сплошной кошмар! Бежать отсюда надо!

- Куда?
- Спасенье на святой горе.
- Но где такая?
- Договор подписан
- О дружественной тройственной норе,
В ней рождено начало компромиссам*.
- Что за «начало»?
- Долгожданный мир,
Необходимый «просвещённым массам»,
Чтоб каждый гражданин вкушал кефир
С поджаренной картошкой и мясом**.
- Неужто так покончим беспредел?
- Прошу, не спрашивайте больше и не спорьте, —
Сказал воробушек и быстро улетел.
Но воздух предварительно испортил.

* Как впоследствии разъяснили пекинские комментаторы этих сатирических по отношению к Хрущёву стихов, Мао Цзэдун имеет в виду Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, подписанный 5 августа 1963 года тремя державами — СССР, США и Великобританией.

** Мао обыгрывает слова Хрущёва, сказанные в апреле 1964 года, что коммунизм для него — это полная тарелка гуляша для каждого советского гражданина. Гуляш на китайском языке — картошка с жареной говядиной.

Примечание агентства Синьхуа.

**ПРАЗДНИК
ДВОЙНОЙ ДЕВЯТКИ***

Люди ветшают скоро.
Небо стареть не хочет.
Правда, подули ветры,
Лето ушло, но затем
Праздник в Китай приходит
Нами любимый очень,
Праздник двойной девятки,
Осени и хризантем.
Ветры суровые дуют
На грозных полях сражений,
Случается непогода
И на полях труда.
Очень люблю я осень,
Время борьбы и свершений,
Когда одета природа
В наряды из снега и льда.

** Девятого числа девятого месяца по китайскому лунному календарю.*

ПЛАВАНЬЕ*

Я воду брал на язык
И рыбу ел из неё.
Потом переплыл Янцзы,
А думал, плывя, про своё.
Что лучше штормы и гром,
Свобода бегущей реки,
Чем старческий вздох о былом,
Чем мускулы слабой руки.
Мудрец** когда-то сказал,
Глядя в речной простор:
«Теченье никто не связал,
Расчёт природы простой».
Мы же построим мост,
Плотиной скрепим берега.
Расчёт наш точен и прост —
Пусть людям послужит река.
Вода светлей бирюзы
Течёт без конца в океан.
Может, богине Янцзы
Такой удивителен план?

* Название сообщает реальный факт. В 1955 году в возрасте 63 лет Мао «вразмашку» переплыл реку шириной более километра.

** Конфуций.

ХУАНЬСИША*

Царила ночь, и бесов злая выюга
Бесчинствовала в той глухой поре.
И миллионы не могли обнять друг друга,
Как в старину случалось на дворе...
Но солнце воцарилось над Китаем,
Душивших нас драконов больше нет.
И нынче слов сердечных не хватает,
Чтоб описать проснувшийся рассвет.

* Название реки, в водах которой, согласно легенде, некая древняя красавица Си Ши стирала одежду. Аллюзия Мао прозрачна: прекрасные современные преобразования Китая заложены «волей Тенгри — Неба» ещё в древнейшие времена.

ПОЧТЕННОМУ ЛЮ ЯЦЗЫ*

Вдвоём засиделись за чаем мы с вами
Однажды в осенний час.
Я потчевал щедро своими стихами
В ту пору известного вас.
Наверно, об этом забыли вы ныне,
Прошло ведь лет тридцать пять...
Стихи мои вам посвящались в Чунцине**,
И новая встреча опять.
Теперь уже ваши творенья читаю,
Понять до конца их стремлюсь.
Но, друг мой, зачем по былому Китаю
Такая тяжёлая грусть?
Взгляните — из долгого сонного плена
Страна пробудилась везде.
Повсюду великие перемены
В душе, на земле и в воде***.

* Лю Яцзы — известный китайский поэт и демократический деятель, близкий к кругам Гоминдана (1887—1958). Мао неоднократно встречался с ним, хотя оба находились во враждебных политических лагерях. Тем не менее тот и другой очень ценили друг друга, писали взаимные посвящения. Лю Яцзы посвятил Мао даже целую поэму.

** Чунцин — крупнейший в мире мегаполис (30 млн жителей).

*** В подстрочнике буквально сказано: «Река Фучуньцзян засияла небывалой красотой». Здесь сегодня построено крупнейшее в мире (26 км длиной) водохранилище.

ПИСЬМО ЖЕНЕ

На губах и бровях твоих отблески гроз —
Горьких чувств неушедшая вьюга.
А на тёмных ресницах лишь капельки слёз.
Нелегко нам глядеть друг на друга.
Мне известна причина — строка из письма,
Где пишу, что разлука стучится.
Но, поверь, за зимою приходит весна,
Значит, новая встреча случится.
Жизнь — страданье, об этом сказали не мы,
В ней за рощами часто пустыни...
Освещает дорогу осколок луны,
Под воротами восточными иней.
Призывает отплыть парохода гудок,
Сердце сжалось — пора на край света...
Так, давай остановим печали поток,
Песня радости нами не слета.
Как обвал на Куньлуне, пусть грянет гроза,
Унесёт и тоску, и разлуку.
Над вершинами вместе откроем глаза,
Сохраним нашу верность друг другу!

КУНЬЛУНЬ*

Над Китаем царит несравненный Куньлунь,
Вся страна ему служит покорно.
Управляет погодой, движением лун,
К небу льды пододвинул спокойно.
Как дракон из нефрита, парит выше туч,
Мы от страха порою весенней
Цепенеем, когда беспредельно могуч
Шлёт разливы и землетрясения.
Я его вопрошаю:
— Куньлунь, почему
На себя ты взвалил столько власти?
Неужели приятно челу твоему
Замышлять для Востока напасти?
Как опору найти и волшебный топор,
Разрубить твоё мощное тело
На три части? Слепое могущество гор
Справедливым и правильным сделать?
Часть одну я тогда европейцам отдам,
Часть другую — заносчивым Штатам.
Разумеется, третья останется нам.
И конец всем долгам и утратам!

* Куньлунь — самый высокий в северо-западном Китае горный хребет, отдельные вершины которого достигают высоты чуть ли не 8000 метров. Отличается очень суровым климатом, активной тектонической деятельностью и практическим безлюдьем, что для густонаселённого Китая не характерно.

Самое интересное то, что фантастические мечты Мао о преобразовании природы Куньлуня в наши дни реализовались неожиданным образом. Здесь прорублена и отсыпана в горах многокилометровая железная дорога. Её отдельные участки пролегают на высоте свыше 5000 м. Это непревзойдённый в мире шедевр китайской инженерной мысли и искусства. В короткий срок создан уникальный мост Пекин — Гималаи, куда устремились туристы со всего мира.

**ЖЕНЩИНАМ,
ОДЕТЫМ В ВОЕННУЮ ФОРМУ**

Солнце Китая восходит над миром,
Приоткрывая его красоту,
Вашим любуется новым мундиром,
Вашим умением стоять на посту.
Как необычны такие стоянки,
Люди об этом не знали века,
Что научились носить китаянки
Форму солдата, не только шелка!

ЧИТАЯ ИСТОРИЮ

Стала человеком обезьяна,
Обработав несколько камней.
«Мудрость» эту в нас вбивают рьяно
Те, кто всех «учёней и умней».
А потом была эпоха бронзы,
Якобы придумали мечи...
Управляли на планете бонзы,
Помогали бонзам палачи.
Всеякие мне попадались книги,
Иногда прочтёшь — помрёшь с тоски.
Надевают тяжкие вериги
На стремленье к счастью, на мозги.
Убеждён, и этого не скрою,
В книжных рассужденьях — горы лжи.
Делают историю герои,
Мастера поступка и души.
Их немного, на таких равняюсь.
Я не книжный враг, не ретроград.
Но, признаться, часто охраняюсь
От советов чуждых и цитат.
Азия — у нашего истока.
С запада к нам мудрость не придёт.
Солнце поднимается с востока,
И отсюда новый мир грядёт.

МАМА

С великой болью говорю о маме.
Она ведь так любила сыновей!
А я был занят всякими делами...
И вот скорблю и каюсь перед ней.
Все мамины заботы не забуду,
Она теперь живёт в иных мирах.
Как на земле, постичь стремится Будду*,
Которому дела земные — прах.
Над прахом мамы ныне тень скользит
И дождь в родной деревне моросит.

* Мать Мао Цзэдуна была ревностной буддисткой.

МАЛЬЧИК

С мечтой добиться славы и успеха
Покинул мальчик деревенский дом,
В огромный город навсегда уехал.
Кто в юности не думал о таком?
«Умру, но не вернусь домой! —
В ту пору
Он думал так. — А где зарюют прах,
Неважно. Главное — подняться в гору».
(Он тосковал о жизненных горах.)

АФОРИЗМЫ МАО ЦЗЭДУНА
В СТИХОТВОРНОМ ПЕРЕЛОЖЕНИИ

* * *

Хрущёв преступный показал пример,
Хотя об этом, может, и не ведал.
Он за гуляш* всеобщий флаг наш предал
И предрешил паденье СССР.

* * *

Да, мы за мир. И на планете всей.
Но сохраняй военную сноровку.
И если хочешь сдать войну в музей,
Держи в руках как следует винтовку.

* * *

Полезнее, когда противник давит,
Чем если вслух твои заслуги славит.

* * *

Кто на чужой проехать шее хочет,
Как правило, нехорошо закончит.

* * *

Не делай свою власть невыносимой,
Веди страну примером, а не силой.

* * *

Борись, но не в мечтах, не только в песне.
Сам по себе противник не исчезнет.

* * *

Сколько книг ни читай,
Не возглавишь Китай.

* См. стихотворение «Воробей».

АЙ ЦИН (1910—1996)

Поэт — подданный солнца

Ай Цин (настоящее имя Цзян Чжэн-хань) крупнейший китайский поэт XX века, яркий литературный критик и создатель теории стиха. Человек с интересной, но очень трудной судьбой, в жизни которого было всё: и ссылки, и тюрьмы, и жизнь на чужбине, и признание. Отличался большим оптимизмом и верой в победу добра и света. Переводчик Л. Е. Черкасский назвал его «подданный солнца», настолько часто в его строчках встречаются самые разные солнечные образы и обращения к светилу. Он был тем поэтом, который услышал призыв Мао Цзэдуна к исторической активности и солнечности в поэзии и поддержал его своим творчеством.

Родился поэт в провинции Чжэцзян в семье помещика, однако воспитывался в семье крестьянки-кормилицы, которой в дальнейшем посвятил по-

Часть IV. Поэзия Китая нового и новейшего периода

эму. Получил неполное среднее образование, хотел стать художником (но эту его мечту позднее воплотил сын Ай Вэйвэй, ставший знаменитым, хотя и скандальным художником), учился в Академии художеств, в 1929 году продолжил своё образование во Франции, где глубоко изучал французскую поэзию и европейскую культуру. Через три года вернулся на родину, вступил в Лигу левых художников, но вскоре был арестован за выступление против Гоминдана и три года провёл в тюрьме. Именно там он начал заниматься поэзией и написал первую книгу «Даяньхэ», посвящённую жизни в деревне и получившую известность в литературе того времени как образец новой поэзии, написанной верлибром.

Ай Цин отличался большим общественным темпераментом. Он принял активное участие в национально-освободительной борьбе против японцев, захвативших китайские территории, писал патриотические стихи, в 1941 году вступил в КПК. В творчестве Ай Цина много стихотворений, содержащих высокую оценку СССР (впоследствии это отразится на его судьбе и обернётся ссылкой). В 1942 году он пишет поэму «Зоя», воспевающую подвиг советской девушки, быстро ставшей известной в Китае. В период войны творчество Ай Цина стало вершиной китайской литературы, и оно устраивало идущих к власти коммунистов: поэт одинаково хорошо владел и языком агитки, и образами классической поэзии.

Но ещё до прихода Мао Цзэдуна к власти в отношениях Ай Цина и руководства КПК наметятся расхождения: поэт в цикле статей пытался отстаи-

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

вать право художника на свободу, пусть и в рамках коммунистического мировоззрения, выступил против утилитарного подхода к поэзии, в котором, по его мнению, проявлялось неуважение к художнику-творцу. Позиция Ай Цина вызвала критику, но он был слишком крупной фигурой, и его пока не тронули. Более того, после создания коммунистического Китая он занимал ряд постов в творческих и общественных организациях, был редактором литературных журналов, выпустил несколько поэтических сборников. Его выпускали в зарубежные командировки (СССР, США), что нашло отражение в его книгах и циклах стихов.

Однако после ухудшения отношений Китая с СССР и с Хрущёвым поэт попадает в опалу. Это было связано с изменением эстетических идеалов государственной политики в области китайской литературы, где начал искореняться «буржуазный субъективизм». Ай Цина обвинили в индивидуализме, высокомерии, самокопани, увлечении зарубежной тематикой и в прославлении СССР. Его зачисляют в «правые элементы» и посылают на «перевоспитание трудом» в отдалённые районы Китая (в Маньчжурию), где он в течение шестнадцати лет занимается чисткой общественных туалетов. Только в 1973 году постаревший поэт возвращается в Пекин для лечения. Литературная деятельность Ай Цина была прервана на целых двадцать лет. Печатать его начали только в 1978 году. Он издаёт имевшую шумный успех поэму «На гребне волны» (1978), где обличает «культурную революцию», и сборник «Песни возвращения» (1988).

Часть IV. Поэзия Китая нового и новейшего периода

По моему глубокому ощущению, солнечность поэзии Ай Цина — не дань политике, но мудрое ощущение жизни, уходящее корнями во времена до Конфуция и Лао-цзы. Китайцы знали космические циклы со времён «И-Цзина», верили в Дао многие тысячи лет, своевременно понимали задачи, когда следует «разбрасывать», а когда «собирать камни». Сегодня вместе с Россией они делают важнейшее для всей планеты дело — пытаются собрать мир на основе культуры, в том числе и с помощью поэзии Китая. Вот как определил её задачи в XX веке Ай Цин:

«Поэзия — полпред свободы. Голос поэзии — голос свободы. Смех поэзии — смех свободы. Отдай поэзию народу. Пусть она станет духовным оружием народа... Поэзия не только учит народ чувствовать, но ещё больше учит его думать. (Вот где два великих начала, на которые опирается поэзия: чувство и мысль!) Поэзия — не только мудрый друг в жизни, но и преданный товарищ в борьбе!.. Поэты, вставайте! Отдадим нашу жизнь мужественной борьбе с мерзостью и тьмой, с наглостью и жестокостью, зверством и безумием!..»

Считается, что Ай Цин, чья поэзия испытала серьёзное влияние Э. Верхарна, У. Уитмена, В. Маяковского, внёс большой вклад в развитие свободного стиха у себя на родине. Литературное подвижничество Ай Цина, его мужество в защите своих идеалов нашли признание не только у себя на родине, но и во всём мире: в 1985 году он был награждён литературной премией президентом Франции Франсуа Миттераном.

ДВА ДЕРЕВА

Два дерева в горах стоят
В нарядах пышных и зелёных.
Они — родня, на первый взгляд,
Хотя растут на разных склонах.
Что их объединяет? Корни,
Которые в земле сплелись?
А может быть, они покорны
Корням, что в небе родились?

ВЕНЕРА

Венера — несравненная звезда!
Серебряная, нежная, святая.
Ты ярко загораясь, когда
Ночь, утру место уступая, тает.
Подругам в небе скрыться суждено,
А ты ещё сияешь величаво,
Тебе одной-единственной дано
Приветствовать лучи восхода право.
Ты смотришь, как на каменных плечах
Далёких гор день привстаёт погожий,
И скромно растворяешься в лучах,
Любимых всеми и тобою тоже.

ВЕСТЬ О РАССВЕТЕ

Вперёд, поэт!
Неси повсюду весть
О неизбежном света пробуждении,
Что ложь уходит, правда в мире есть,
Что власть труда сменяет царство денег.
Пусть эту новость выслушают все,
Кто солнца ждёт, тоскует о свободе,
Что я иду, ступая по росе,
Под звёздами и при любой погоде.
Иду с Востока, также по волнам
Седого океана, где рождался.
Несу я радость изнемогшим вам,
И этой вести, наконец, дождался.
Поэта неподкупные уста
Пусть скажут:
«В мир приходит красота!»

СОЛНЦЕ

Оно вошло из-за вершин высоких,
Из-за могил, заброшенных давно,
Из-за потоков буйных и жестоких,
Несущих смерть всем, кому жить дано.
Шар приподнялся неизменных истин
И обозначил вечный горизонт.
Зашелестели на деревьях листья,
Запел и я природе в унисон.
О чём? Что насекомые проснулись,
Что зазвучали ритмы площадей,
Что города, селенья встрепенулись
И звонче стали голоса людей.
И длань Его верховного огня
Душевный хлам швырнула на сожженье.
И я поверил в правду воскрешенья
Всего, что гибнет, в том числе — меня.

РАЗГОВОР С УГЛЁМ

- Где обитаешь ты?
- В запасниках горенья.
- Твой возраст?
- Старше гор, где я возник.
- Но кто ты?
- Сын эпохи Сотворенья,
Когда Земля исторгла первый крик.
- И жив ещё?
- Живее всех живущих.
- Зачем молчишь?
- Забыли про меня.
Не слышат моих возгласов зовущих.
- А зов о чём твой?
- Дайте мне огня!

ВОСХОД СОЛНЦА

Оно взошло — и мы его зовём
Огнём проснувшихся многоэтажных зданий,
Работаем, сражаемся, плывём
В Индийском или в Тихом океане.
Я с детства свет его в душе носил,
Свои мечты высокие лелея.
Всегда от солнца набирался сил,
Упрёки посылать ему не смея.
...Увидел в жизни свет её высот
И мрачные, холодные низины.
И вот встречаю солнечный восход
В жаре асфальта и в парах бензина.
Не часто поднимаю вверх глаза,
По сторонам оглядываться нужно.
Лучи, что посылают небеса,
Встречают горожане равнодушно.
Машины, толпы, тени от громад,
Ушедшие в себя глаза прохожих...
Поэтому восхода аромат
Мне в городе прекрасней и дороже.

1937

**ЖЕНЩИНА
ЧИНИТ ОДЕЖДУ...**

Одежду чинит женщина за плату,
Усевшись на песке. Дитя при ней.
И у самих одежда вся в заплатках.
Жара вокруг становится сильней.
Ребёнок плачет от песка и зноя,
Трёт ручкой покрасневшие глаза.
У нас, в Китае, позднею весною
Недолго сохнет всякая слеза.
Носки заштопаны. Их вновь надел прохожий,
Исчез из виду на своём бегу...
Такое вижу часто днём погожим,
Описывать же дальше не могу...

1937

СНЕГ

Великий снег лежит в Китае глухо
На всём пространстве и в любом углу.
К нам тянется, как нищая старуха,
Чтоб ухватить прохожих за полу.
Вот на телеге тащится мужчина,
Такой же древний, как его возок.
— Старик, послушай, по твоим морщинам
Я собственную жизнь прочесть бы мог.
И я тащил неслыханное бремя
По лесу жизни через волчий вой.
Река земная под названьем «Время»
И над моей смыкалась головой.
Прошёл сраженья,
Отдал тюрьмам годы,
И снова время требует — отдай!
Великий снег, тяжёлая погода
Легла на мой возлюбленный Китай.
Седая женщина и юная к тому же
Нахмуренно глядит из-под руки.
Она в сраженьях потеряла мужа,
Познала взрывы, пули и штыки.
Таких несчастных на дорогах много,
Где топчется чужая солдатня.
О, наша вековечная дорога!

Ухабы, грязь и лужи у плетня...
Великий снег и выюга над Китаем
Мечтают нас в себе похоронить.
Мы к небесам с молитвами взываем,
Стараемся надежды сохранить.
Надеемся на радостные сроки,
Кто молится, а кто ведёт борьбу.
Родной Китай, пишу вот эти строки,
Чтоб хоть чуть-чуть согреть твою судьбу.
Великий снег лежит на всём Китае...

Февраль 1938

ОДА СВЕТУ
(отрывок из поэмы)

Покинув чрево матери, дитя,
Увидев мир земной, кричит от боли.
Утратило покой, приобретает
Столь тяжкую для всех свободу воли.
Без Света жизнь, что человек без глаз,
Моряк без компаса, винтовка без прицела.
И красота от нас бы отреклась,
И даже жизнь сама не уцелела.
Без Света обездвижена Янцзы,
Её великолепное течение.
Невнятно приближение грозы,
Неисчислимо звёздное свечение.
Умён ли этот встречный или туп,
Богат, бездомен, щедр или завистлив...
Он неизбежно рвётся в высоту
И от неё всем существом зависим.
Без Света не рождаются цветы,
Сливается Земля с потухшим небом,
Не поспевают осенью плоды,
Кружат метели почернелым снегом.
Без Света исчезают тьма и дни,
Вползает серость, блекнут всюду краски.
Мы попадаем вечно в западни,
Теряем восхитительные сказки.

1979

ЧЖЭН МИН
(род. в 1920 г.)

О Чжэн Мин известно немного. Родилась она в Пекине. Стихи начала писать в сороковых годах XX века. Довольно быстро выпустила первый сборник — «Собрание стихов: 1942—1947». Затем перестала публиковаться на целых тридцать лет. Прошла через «культурную революцию» 1950—1960 годов, живя в деревне и занимаясь тяжёлым трудом. Позднее вернулась к преподавательской деятельности. Обучалась в Бостонском университете, а когда в 1955 году вернулась в Китай, то работала в двух вузах: Институте литературы Китайской Академии наук и в Пекинском педагогическом университете. Затем выпустила несколько поэтических сборников: «Девять листьев» (в соавторстве с Синь

Часть IV. Поэзия Китая нового и новейшего периода

Ди), «Поиски», «Сердце», «Поутру под дождём я цветы собирала».

Приводимое в сборнике стихотворение «Ты прошла осеннюю тропую» посвящено Чэнь Цзин-жун (1917—1989), которую считают одной из самых известных поэтесс Китая. Стихи Чжэн Мин на русском языке опубликованы в поэтической антологии китайской поэзии «Азиатская медь». Стихи отличаются сильным лирическим чувством, искренностью, изяществом. Я сделал свою авторскую версию этого стихотворения.

ТЫ ПРОШЛА
ОСЕННЕЮ ТРОПОЮ

Незабвенной Цзин-жун

Лес прозрачен... Лишь глаза закрою,
Явственно увижу облик твой —
Ты идёшь, окутана листвою,
Солнечной осеннею тропой.
Та любовь, что гаснет, догорая,
Навсегда мне прочертила след —
Хризантема, даже увядая,
Испускает негасимый свет.
И, влекома этой вечной тайной
Хризантемы и души твоей,
По тропинке я иду случайной
Вслед за светом по ковру теней.
Запах хризантемы — горько-нежный,
Как любой страдающей души...
Ты зовёшь идти вперёд с надеждой,
Тихо шепчешь:
«Падать не спеши».

1990

**ОКРОВАВЛЕННЫЙ
ЛИЛИИ ЦВЕТОК**

Её бутон лишь приоткрылся нежно,
Как полоснул по телу острый нож.
Кровь пролилась в траву струёй безгрешной,
И юный стебель охватила дрожь.
Я вижу муки, всюду слышу стоны,
Молчанье неосознанных обид.
Цветок упал ещё совсем зелёный,
Не понимая, почему погиб.
Вопросы остаются без ответа,
Надежды вечно исполненья ждут.
Тьма гасит постоянно вспышки света,
И беззащитен наш сердечный труд.

2005

ХАЙ-ЦЗЫ
(1964–1993)

Хай-цзы (настоящее имя Ча Хайшэн) — самый крупный из современных поэтов Китая — родился в деревне, на востоке Китая. Несмотря на то что Хай-цзы прожил очень мало, успел он сделать в литературе очень много.

Семья родителей была простой, крестьянской, и потому не могла дать ребёнку блестящего образования. Тем не менее он проявил, можно сказать, врождённые способности к литературе. В четыре года пошёл в школу, где был самым маленьким по росту, и уже в возрасте пяти лет блестяще выступил в конкурсе декламации, прочитав 48 цитат Мао Цзэдуна. Отличался прилежностью к учёбе и любознательностью.

Часть IV. Поэзия Китая нового и новейшего периода

Закончив школу, Хай-цзы в возрасте пятнадцати лет поступил на юридический факультет в государственный университет, став одним из самых молодых студентов этого вуза. Основные его интересы в то время были связаны с образованием. Он читал большое количество философской литературы, но изучал Данте, и Гедерлина, но главным его интересом была всё-таки поэзия. Хайшен рано начал писать стихи и, ещё будучи студентом, взял себе псевдоним Хай-цзы.

После окончания университета Хай-цзы не стал работать юристом, а неожиданно пошёл работать преподавателем в школу; затем стал редактором журнала при Китайском университете управления и права. К увлечению философией прибавилась кибернетика. Молодой поэт основал поэтический кружок «Звёздная пыль», где юные литераторы обсуждали поэзию, читали друг другу свои стихи и начали выпускать литературный альманах. Хай-цзы стал участвовать в поэтических конкурсах, где его заметили и даже отметили премиями. Но поэт с ранних лет тянулся к сельской жизни, природе и мечтал жить в деревне. Руководство командировало его в свой филиал «Чанпин», где он занимался преподавательской работой и продолжал писать стихи.

Громадную роль в жизни поэта сыграла встреча с поэтессой по имени Лань Бовань. Однако отношения их не были продолжительными: родители девушки потребовали от неё решительного разрыва с Хай-цзы, для которого разлука оказалась сильнее-шим ударом по психике: поэт стал задумываться о самоубийстве, что сразу проявилось и в его стихах.

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

Интересы Хай-цзы были разносторонними, а устремления порой противоречивыми до парадоксальности. С одной стороны, его влекла западная литература, с другой — он любил поэзию Востока и России и особенно ценил индийскую лирику. Позднее поэт увлёкся буддизмом, даже съездил в Тибет, где искал материал для своей будущей драмы «Солнце». Модернист в поэзии (но лишь отчасти) и традиционалист по образу жизни, мечтающий, как и поэты Древнего Китая, вернуться в деревню, он выглядел в обществе 80-х годов прошлого века как странная фигура, совершенно не отвечающая духу времени. И хотя у него было немало друзей среди китайских поэтов, понимавших масштаб одарённости юноши, он чувствовал себя очень одиноким. Явных гонений Хай-цзы не пережил, хотя литературные чиновники критиковали его за оторванность от жизни и отсутствие стихов, воспевающих социалистические ценности. Властям казалось, что он обожествляет природу, в то время как её нужно преобразовывать. Но и здесь Хай-цзы опередил своё время: ведь только сейчас, через два десятилетия после его смерти, интерес к природе в китайском государстве очень вырос; проблемы экологии в современном Китае стоят весьма остро.

К концу 1980-х годов кризис, развивавшийся в душе этого тонкого человека, достиг предела. Одиночество, неприятие потребительских ценностей, ощущение непонятности и ненужности обществу его поэтических исканий, любовная драма — всё это вылилось в болезнь, которая сопровождалась силь-

нейшими головными болями. Не выдержав очередного приступа, Хай-цзы покончил с собой, бросившись 26 марта 1993 года под колёса проходящего поезда. Хай-цзы повторил поступок поэта III века до н. э. Цюй Юаня, совершившего ритуальное самоубийство в знак несогласия с предательской политикой правительства. Имя Цюй Юаня, как великого патриота, чрезвычайно популярно в Китае.

Существуют разные версии поступка Хай-цзы, в том числе версия протеста против эксцессов «культурной революции». Но в его творчестве нет ни одного намёка на эту тему. Оно всё проникнуто любовью к природе, женщине, деревне. А вот мотивы несовместимости поэзии со стандартами общества потребления звучат недвусмысленно, как и во всём сборнике «Азиатская медь».

Весь объём творчества Хай-цзы, в силу его непродолжительной двадцатидевятилетней жизни, невелик: При жизни о Хай-цзы вышло несколько статей в научных литературоведческих журналах как о поэте, в творчестве которого соединены элементы модернизма и сюрреализма. Но по большей части его стихи тогда ходили в устных списках вместе с образцами творчества близкой ему по эстетике группы «Туманные поэты». Поэтому, как это нередко случается с поэтами во все времена, слава настигла Хай-цзы уже после смерти. Литературные критики Запада называли его «автором поэтических бестселлеров». Его сборники издаются в Китае огромными тиражами, у поэта появилось множество подражателей, ежегодно в день годовщины смерти Хай-цзы

во многих китайских университетах проходят памятные мероприятия. Рядом с домом родителей открыт его музей.

К сожалению, в России он известен мало. Между тем сам Хай-цзы проявлял к русской поэзии большой интерес. Особенно близок ему был Сергей Есенин, с судьбой и творчеством которого у китайского поэта было немало прямых пересечений. Оба они писали о том, как неуютно ощущает себя человек с лирической душой среди грохочущей цивилизации, которая разрушает милый сердцу патриархальный мир деревни и природы. Хай-цзы посвятил Есенину целый цикл стихотворений, который так и называется «Сергей Есенин». Более того, Хай-цзы сам себя назвал «китайским Есениным».

В его стихах парадоксальным образом соединялись постмодернистские подходы, сюрреализм, образы фэнтези и одновременно с этим пронзительное воспевание простой сельской жизни и традиционных тем китайской поэзии во все времена — любви, обожествления природы, тишины, уединения.

В мировой поэзии Хай-цзы — явление уникальное.

Он из тех поэтов, кто предчувствовал свою преждевременную смерть. Таковы Байрон, Эдгар По, Рембо, Есенин, Николай Гумилёв, Рубцов. И кто звал смерть как отдых от «земной экзистенции», выражаясь европейскими категориями. Вспомним знаменитый 66-й сонет Шекспира, начинающийся словами «устал от жизни». Или лермонтовское «Я б хотел забыться и заснуть». Но тем не менее поэзия

Часть IV. Поэзия Китая нового и новейшего периода

Хай-цзы лучезарна, проникнута светом. Даже русский поэт горевал: «Знаю я, что в той стране не будет этих нив, златящихся во мгле». В стихах китайского поэта звучит несокрушимая оптимистическая надежда, что в «той стране» будут реализованы все его земные мечты и планы: он верил, что слышал пульс «метаистории».

У Хай-цзы есть стихотворение «Азиатская медь». Это словосочетание послужило названием последней антологии китайской поэзии, переведённой на русский язык. Я переложил его вольно, но сохранил в неприкосновенности первую строку («Азиатская медь, азиатская медь!»), которая звучит как набат (лучше не скажешь) о незыблемости азиатского материка как родины жизни и поэзии и о незыблемой вечности духовных ценностей Азии. Можно усмотреть в «Азиатской меди» некий «геополитический идеализм», даже идеализм «детский», но вспомним научную идею Гондваны о существовании некогда единого материка, позже разделившегося на пять частей, вследствие чего их береговые линии совпадают. Вспомним библейские заветы о единой вере и едином человечестве, пушкинские упования на времена, «когда народы, распри позабыв, в единую семью соединятся». Может быть, очередной виток истории завершается и человечество возвращается к утерянному «детскому единству», а вовсе не к новому Армагеддону?

СВОБОДНЫЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЯ

АЗИАТСКАЯ МЕДЬ

Азиатская медь, азиатская медь!
В ней завещано жить, а затем умереть,
Сомневаться, любить, воевать против зла,
Совершать на планете благие дела.
Азиатская медь, азиатская медь!
Как из тьмы в безмятежное небо взлететь?
Цюй Юань там земную погоду творит
И серебряным голубем в тучах парит.
Азиатская медь, азиатская медь!
Барабан возвещает мне скорую смерть —
Превращение в лунный заоблачный свет.
Верю — в сердце моём сохранится поэт!

ДЕРЕВНЯ

Родина моя, моя деревня!
Тихие пшеничные края,
Ты подобна сказочной царевне,
Пушкинская мать, теперь — моя.
Ветер дует северный и южный,
Поднимает волны на полях.
Льётся дождик, тёплый,
Нежный, нужный,
В русских и китайских деревнях.
С неба льются тысячи улыбок,
Падают минуты и часы.
Девушка и стайка светлых рыбок
Задремали в капельке росы.
Звёздные бездонные кочевья,
Тысячи и тысячи огней!
Родина моя, моя деревня!
Чёрный жемчуг рисовых полей.

ГИМН ПШЕНИЧНОМУ ПОЛЮ

Соберу пшеницу
В полумесяц лунный.
Бессловесным зёрнам
Гимн не написать.
Сам его исполню
На лире многострунной
Родине во славу,
Также небесам.
Трудится на пашне
Сутками отец мой.
Старая рубаша,
Потная спина.
В голову приходит
Радостное детство.
Облачные крылья.
Полная луна.
Хорошо, что часто
Жизнь в деревне снится,
Что в душе звучат моей
Песни вольных птиц.
А ещё в глазах
Качается пшеница,
Чуть касаясь стеблями
Дрогнувших ресниц.
В городе бываю

Часть IV. Поэзия Китая нового и новейшего периода

Грустным и неловким.
То гнетёт забота,
То придёт беда.
Память примиряет
С жребием нелёгким
На пшеничном поле,
На тропе труда.
Лунный свет над нами
Плещется столетья.
Не исчислить возраст
Полю и сохе.
Все мы дети Неба
И земные дети
С побережий Нила,
Волги, Хуанхэ.
Зарастает прошлое
Мохом и травую,
Рушится надменный
Каменный дворец.
Вечно проживают
Под луной лишь двое —
Бедный и богатый,
Глупый и мудрец.
Среди них я — третий
Сновиденьем болен —
Ночью часто снится
Неизменный сон:
Поселились люди
На пшеничном поле,
Солнце не уходит
Там за горизонт...

РЕКВИЕМ

На сердце тяжёлой тоски торжество —
Я получил удар.
Он умер, он умер! Не стало его.
Насытился смерти удав.
Остались в душе лишь песен следы
Да пепел неспетых слов.
А в небе ночном неизвестной звезды
Проснулся сияющий зов.
Ушёл человек, умирают стихи.
Немеют и слепнут в тени.
Зато громогласны кругом пустыки
И лезут в глаза они.
Постой перед гробом, недолго постой
У тёмного смертного рва —
Услышишь химеры отзвук пустой
И будущей жизни слова!

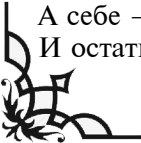

КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ

На рассвете приснился мне мой день рожденья,
Покатился к востоку он светлой луной.
А потом на закате вечерние тени
Принесли сновидению образ иной.
Светлый день завершается тёмным закатом
Но дорога у солнца не оборвалась:
Настоящая жизнь наступает за кадром
Той, что нам, бедолагам, доступна для глаз.
Ей совсем не нужна наша дань многословью.
Смерть телесная тоже её не страшит.
Согревает она наши души любовью,
На ветру поцелуями нежно дрожит.
Завтра утром я странником радостным стану,
Буду сено косить и готовить дрова.
Путешествовать по многочисленным странам,
А постелью послужит густая трава.
Письма близким пошлю с неземного вокзала.
Расскажу им о радости жизни другой,
Той, которую молния мне показала,
Заодно подарила весёлый покой.
Пожелаю земле я такого же счастья,
Всем влюблённым — жениться,
Здоровья больным.
А себе — с безнадёжной тоской распрощаться
И остаться в сердцах у людей молодым.

* * *

Женщины моих минувших встреч,
Дорогие девушки-крестьянки,
Чтобы память обо мне сберечь,
Соберите все мои останки.
В тёмный кипарисовый ларец
Их сложите и на полку спрячьте.
Но от мамы скройте мой конец,
Ну, а сами весело заплачьте...

ЕСЕНИНСКИЙ ЦИКЛ

ПОЭТ

Сын рисовых долин и склонов чайных,
Пршёл я в жизни множество дорог.
Всё испытал в скитаниях печальных:
Нужду и беды, нежность и порок.
Был в Персии и в прочих странах мира,
В полях рязанских ночевал и рос,
Пил за столом московского трактира,
Повсюду помнил золото берёз,
И золото волос своих весенних —
Всё ярче разгорается их свет.
Пустая комната. Сидит Сергей Есенин
В запое творчества, как истинный поэт.
Ушли виденья всех минувших былей,
Уплыли в синем небе журавли.
Тела с гробами под землёю сгнили.
Зажглась Весна его родной земли.
Любовь с уходом тел не прекратится.
Земля — единственная женщина моя!
Вдали растаявшая маленькая птица.
Она прекрасна, плох и жалок я.

КУКУРУЗНОЕ ПОЛЕ

Повеял ветер над зелёным полем,
Затрепетали всходы-лепестки.
В своём воображении я волен
Представить их как вешние стихи.
Зелёные росточки — наши души,
Чья тайная работа не видна.
Её не слышат также наши уши,
В пространстве остаются письма.

ХМЕЛЬНАЯ РОДИНА

Ночью однажды нетрезвым упал
Я на родное поле.
После как будто из жизни пропал
В глубоком своём запое.
Тело лежало без чувств, без ума
В густой пшеничной обители.
Молча за мной наблюдала луна,
Крестьяне меня не видели.
Праведно спали.
Мне же вокруг
Всё показалось пьяным,
Тело махало крыльями рук,
Жизнь представлялась туманом.
Горы я братьями называл,
Реки — родными сёстрами.
С ними всю ночь напролёт танцевал,
Также с далёкими звёздами.
И, наконец, забрезжил рассвет,
Даль облаков заалела.
Мне вдруг подумалось: «Слушай, поэт,
Пора возвращаться в тело».

ПУТЕШЕСТВИЕ СКИТАЛЬЦА

Я скиталец без крова, без родины,
Мне навстречу одни ветряки.
Деревенских просторов подданный
В городские попал кабаки.
Водку пью и роняю слёзы
В опустевший души стакан.
Я пою, как прекрасны берёзы
И как я безобразно пьян.
Как бродил по полям и оврагам,
Утомился к исходу дня...
Проституткам пел и бродягам,
И они понимали меня.
Много лет я молчал об этом
В городской своей тесноте,
И теперь вот слова поэта
Рвутся в небо к его чистоте.
Слёзы льются, льются и льются,
Растворяя старинную грусть...
Так хочу я в деревню вернуться.
И, наверное, скоро вернусь.

ЖИЗНЬ ПРЕРВАЛАСЬ

Я живу в городишке, где пахнет гречихой,
Утром вижу восход, вечерами — закат.
Здесь расстанемся мы безвозвратно и тихо,
Как Есенин, в осенний уйдём в листопад.
Я свечу запалю и в огне её тусклом
Подожгу сочинённые мною стихи.
В небесах повстречаюсь с возлюбленным русским.
Пусть поют вместо нас на земле петухи.
На прекрасной планете мы лишь постояльцы.
Схорони мою плоть под зелёной сосной.
Отпускаю твои незабвенные пальцы,
Ты останешься здесь, как фонарик земной.
Я в сонете воспел, может быть, и незрелом,
Встречу с чистой душой и разлуку лишь с телом.

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

ЛЯН СЯО-МИН
(род. в 1963 г.)

Современный поэт, эссеист, прозаик. Родился в Шанхае. Стихи начал писать в восьмидесятых годах XX века. Автор нескольких книг стихов и прозы. Я сделал единственное переложение его яркого стихотворения о силе китайского духа.

СТЕКЛО

Сжал человек осколок — и огонь
Почуял в пальцах, резко боль пронзила.
Сжал крепче — запылала вся ладонь,
В конце концов, употребил всю силу...
Не ведающий слёз кусок стекла
Податливую плоть бесстрастно резал.
Но кровь текла, а кость была цела —
Китай внутри походит на железо...
Он ныне пальцы терпеливые разжал,
Остановила кровь своё течение.
Увы, извечен тел и душ пожар,
Но только он приносит очищенье!

Стихотворение Лян Сяо-Мина помещено в сборнике «Азиатская медь», где представлены лучшие образцы современной китайской поэзии начиная со второй половины XX века.

PS.

Итак, завершилось моё странствие длительно-стью в три тысячи лет по безбрежным поэтическим дорогам Поднебесной. Идя по ним, я получил ни с чем не сравнимое наслаждение и радость. Столько раз душа моя наполнялась созвучием со строками и образами великих китайцев, встреченных мною на пути! Когда-то о такой дороге мечтал Пушкин и другие русские поэты, грезившие мечтой побывать в Китае и подходившие к переводам стихов их собратьев из страны гор и рек. Наша поэзия когда-то училась у Запада, Европы, но сегодня, чтобы совершить мощный скачок вперёд, ей нужно поучиться у поэзии Востока. Теперь я мечтаю о том, чтобы за мной пошли другие русские поэты. Пройдя через Китай, они глубже поймут Россию. Поверьте, игра стоит свеч!

Я ПУТЬ ПРОШЁЛ

*Я путь прошёл длиной в три тыщи лет.
Зонтом от гроз прикрыв себя незрячим,
Пытался распознать неясный след,
Который Лао-цзы нам обозначил.
И что я понял? Первое — от гроз
Не скрыться ни на месте, ни скитаясь.
Второе — делай, что сказал Христос.
Потом, когда ушёл от нас Китаец.
Добру учили оба Мудреца.
Хватало на земле и злой учёбы.
Добру и злу нас учат без конца,
Мы чаще лезем в тёмные трущобы.
И третье, что я понял: к Небесам
И в бездну выбирай дорогу сам.*

2018

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ю. М. Ключников. РАЗГОВОРЫ С ДАО

Стихи подражания китайской поэзии

Я писал стихи-подражания китайской поэзии много лет. В них я пытался выразить те переживания, которые у меня возникали при размышлении о Дао и о великих китайских мудрецах и поэтах. Это помогало мне лучше настроиться на мои вольные переводы поэтов, живших в Поднебесной.

ДАО ДЭ ЦЗИН

Венок сонетов по мотивам источника

* * *

Читатель, прими эти строки мои
Не как многократный пример перевода.
Как отклик прочти, как раздумья прими
Над Книгой, где суть обнажила природа.
Ведь Дао темно лишь на вид и на слух,
Но в нас оно дышит, живёт, управляет.
Оно — бесконечный таинственный Дух.
Где хочет, рулит, а где надо, гуляет.
Когда замирает, становится Де,
На время «деизма» теряет текучесть.
В коротком блаженстве и в долгой беде
Приемлет смиренно различную участь.
И если нисходит с небес в Бытиё,
То может забыть назначенье своё.

* * *

Забывтая суть не является Дао —
То Инь или Ян, светотень или тьма.
Лишается быстро природного нрава
Всё то, что становится пищей ума,
Когда говорит о Них только философ,
У времени сразу же куча вопросов.
О бедное время! Болит голова,
Когда повсеместно слова и слова...
Лишается жизнь благодетства и силы
Без Дао, без Бога, хоть как назови...
Уходит бессмертие, только могилы,
Маячат повсюду без Дао Любви.
Приходится людям и ахать и охать,
Когда управляют желанья и похоть.

* * *

Сегодня не Дао — желанья и зло
Главенствуют на заболевшей планете.
Иной восклицает: «Как мне повезло!»
Так рады порой неразумные дети,
Когда их родители с ранней зари
До вечера позднего трудятся в поле.
Купаются малые в собственной воле —
Что хочешь, твори, что взбредёт, говори...
Такая зоря перемен наступает,
Что Воля одна лишь реально творит.
Всё лишнее, злое в той Воле горит,
Но Дао и злу иногда уступает.
Подумать даёт даже тем, кто в беде
За рыбой охотится в мутной воде.

* * *

Да, мутные воды бушуют повсюду.
Не видит ни власть, ни под нею народ,
Что яства зарвавшихся вместе с посудой
Внимательный Дао вот-вот уберёт.
На темя разумных короны возложит,
На плечи безумных — заслуженный крест,
Словами известными век подытожит:
«Трудящийся — прав, дармоед да не ест».
Добавит: «Кончается долгое зло,
Что мрачной землёй управляло веками.
Собрать, наконец, — не разбрасывать камни,
Рассветное время на Землю пришло».
Весы равновесия, правды и права
Включает в итоге великое Дао.

* * *

Так что же в итоге?
Ведь Дао безмерно,
И часть не вместит всю Его благодать.
Де тоже, хотя обозримо, — бессмертно.
Что смертному делать?
В бездействии ждать?
Когда соизволят лукавые «боги»
Нам райскую жизнь подарить, наконец?
Назначат часы, обозначат дороги
И в руки вручат золотой леденец.
О светлое Дао, всесильное Дао!
На что опереться, кого обвинить,
Коль эту Твою путеводную Нить
Толпа забодала, а чернь заболтала?!
И всё-таки Дао — великий пример,
Его никогда не поймёт маловеер.

* * *

А Дао — от «дать». Неуютное слово:
Всем хочется взять, получить, обрести.
Пока такова человечья основа,
Не хочет с обычного сбиться пути.
Вот я набираю «задача», «удача»,
Решив обновить старомодный сонет,
И только возникла в нём «благоотдача» —
«Такого понятия в памяти нет»
Мне красной чертой обозначил компьютер.
В порыве своей малосильной души:
«Смешной сочинитель, ты что-то напутал...»
Но Дао кивнул молчаливо:
«Пиши!
Машинные люди сегодня забыли
Свои незабвенные дали и были».

* * *

Они не исчезли, те были, и дали,
Ушли, не оставив ни знаков, ни вех.
Но время придёт — возродятся Скрижали,
А Дао и Де Их поднимут наверх.
Об этом мечтали великие души —
Не может ничтожеством кончиться жизнь.
Гляди, напряжённо, внимательно слушай,
По Дао живи и за Дао держись.
Когда-то не будет ни ада, ни рая,
Убавится пряник, истреплется кнут.
Реальные Боги живут, не играя,
Их вера единая — радостный труд.
Проходим сегодня последний экзамен
На зрение, честь, трудолюбие. Амен.

ДАО

(отклик на «Дао дэ цзин»)

Нет у Него имён, но люди дали
Ему названия Дао, Бог, Аллах,
Чтоб вечно звали нас святые дали,
А не земной недолговечный прах.
Надёжней скал, полезнее металла
И молчаливей всех небесных звёзд
Безмолвное невидимое Дао,
Чей дух в основы Мироздания врос.
И в нас самих. Мы без Него ни шагу,
Хотя Творца порой совсем не чтим
И верим бесам, мол, пускай решают
За нас, где нужно действовать самим.
Творец нам путь тысячелетья чертит.
Мы блудим. Почему?
«Хочу до слёз!..»
Но это нас невидимые черти
Хотят свести с дороги и с колёс.
Дай волю Дао, как родной прохожий.
Пусть сердце охраняет вечный Страж.
А «Господи Иисусе, сыне Божий»
Запомни навсегда, как «Отче наш».

ПЕРЕКЛИЧКИ С «ДАО ДЭ ЦЗИН»

«Мысль изречённая есть ложь», —
Сказал поэт, а до него философ.
Уж слишком этот афоризм «хорош»
Для разночтений, действий и вопросов.
И что? Уйти в немые пустыни?
Бояться, что превратно истолкуют?
Не сочинять трактаты и стихи
Из страха въехать в ересь? И в какую?..

Быть может, вовсе отойти от дел,
В молитвы погрузиться или в святцы,
Безмолвным размышленьям предаться
О превращеньях душ, вещей и тел?
Махнув рукой на страхи и привычки,
Слагаю переводы-переклички.

* * *

Итак, во-первых, что такое Дао?
Оно и есть, и нет Его нигде.
Даёт любому человеку право
Взаимодействовать с иллюзиями Де.
Когда Высокое царит в подлунном мире,
То низкое с собою тянет на буксире.
А за спиной раздвоенных Начал
Всегда простёрт единственный Причал.

* * *

По сей причине Дао — только слово,
За словом синтез доброго и злого,
Огня и льда, свободы и оков.
Порядок в мире именно таков.
По мне, китайцы древние могли бы
Название «Дао» поменять на «Выбор».
Но я — поэт, мечтатель и толмач.
Китаю не указчик и не врач.
Мои подсказки мало людям значат.
Теперь начну по-своему толмачить.

* * *

Путь обозначенный — не настоящий Путь.
И сотворён Он ни Самцом, ни Самкой.
Но изначально Тайной вечной замкнут
Тому, кто жаждет Тайну разомкнуть.

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

* * *

У самого истока Тайны Два,
Объединившись, порождают Слово.
А от него — слова, слова, слова...
Пока их суть не сделалась половой.

* * *

Когда-то Суть, а ныне шелуха.
Помахивали знаменем счастливым.
Дабы не угодить в капкан греха,
Стань над двумя — приливом и отливом.
Ведь за пульсацией всегда стоит Оно.
Не прячется — зовёт соединиться,
Как вечно устремляться суждено
В края иные перелётным птицам.

* * *

Птицу влечёт на север,
Она же летит на юг,
Где жизнь свои травы сеет
Вдали от морозов и вьюг.
А Дао вздыхает в центре,
Центр справедлив и строг.
Не могут ни люди, ни церкви
К Нему поделить дорог.

* * *

Муж совершенный не красноречив,
В словах не ищет истинных причин.
Кафтан молчанья часто надевает.
В делах своих вражды не затевает.
Добро не копит — людям отдаёт.
Поэтому само к нему идёт.

* * *

Дао — тайна Земли, также Мира иного,
Как соковище добрых, бывает сурово.
Не шадит иногда наши души и рёбра
И поэтому кажется часто недобрым.

* * *

В недеянии мудрый становится зрячим.
Это вовсе не значит, глаза, лежать.
Это — в вечных трудах разрешая задачи,
Там, где действует Дао, Ему не мешать.

* * *

Перелётная птица у цели движенья
Часто падает замертво в изнеможеньи.

* * *

Зная меру, можно приготовиться
К наступленью перемен и бед.
Счастье не случается, не ловится. —
Собирает напряжённо Свет.

* * *

Того, кто видит Дао и в простом, и в малом,
Зовут смиренномудрым и большим.
Такой не спрячется от бед под одеялом,
Не посчитает встречное чужим.

* * *

Имей в себе и мужа и жену,
Знай тёмного и светлого согласие*.
Храни священный звук и тишину,
Не допускай Начал единовластья.

* *Здесь Инь и Ян.*

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

Они сильны, когда творят вдвоём,
Но ныне рушится Небес Первопорядок.
Твоя задача, оставаясь в Нём,
Развязывать узлы дурных загадок.

* * *

Для человека образец Земля,
Земля в своих деяньях служит Небу.
В союзе Инь и Ян живёт семья,
Иного поклонения не требуй.

* * *

Не потеряй святую Простоту,
Что Дао подарил когда-то людям.
Ты часовой бессменный на посту.
Не сдай Основу судьям и орудьям.

* * *

Закреть ворота можно без замка
И сделать «мёртвым» для развязки узел.
Всё можно совершить наверняка
В совместном с Дао творческом союзе.

* * *

Люди подчиняются всему:
Временным желаниям и Вечности.
Дао не прощает никому
Одного — потери человечности.

* * *

Кто слову не верен,
Для Дао потерян.

* * *

Ураган не бесчинствует целое утро.
Ливень лить неспособен весь день напролёт.
Ошибается даже смиренный и мудрый,
Потому он за Дао по жизни идёт.

* * *

Великий в сердце Образ молчаливый
Хранишь — и Дао согревает грудь,
Стезя скорбей становится счастливой,
Враги безмолвно расчищают путь.
Но только Тайна вырвется из уст —
Твой путь становится безжалостен и пуст.

* * *

Нас призывает синими глазами
К сердечности Небесный наш Господь.
Стремись же к Небу!
Наступил Экзамен.
Ликует Дао, если страждет плоть.

* * *

Никто не может подарить везенья,
Грядущего блаженства и наград.
Укройся в сердце — вот ковчег спасенья!
Он вынесет на Новый Арарат!

* * *

Таинственное Дао ликованье
Не в ожиданьи благ — но в их даяньи.

* * *

Кто знает многое и многих — тот умён.
В себе познавший Дао — просветлён.

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

Повергший демонов внутри себя — силён.
Но трижды славен, кто, теряя плоть,
Умеет гибель духа побороть.

* * *

Не сей вражду средь нищих похвальбой,
Что ты богат, умён и связан с Небом —
Расправятся разбойники с тобой,
И сделаешься прошлогодним снегом.

* * *

Растенья, уходящие под снег,
Хранят в корнях весеннее влечение,
Так и траве подобно человек
Испытывает тягу к возвращенью.

* * *

Наилучший из царей бывает тот,
Кого ни знать не знает, ни народ.
Похуже — кого хвалят люд и святцы.
Потом — кого не любят, но боятся.
Наихудший так над подданным царит,
Что тот о нём с презреньем говорит.
Но кто назначен на правленье Дао,
С народом делит труд, судьбу и славу.

* * *

Есть в человеке Дао и не-дао.
Нередко оба прячутся в тиши.
Стремись, чтоб высота возобладала
Над низким тяготением души.
За пядью пядь неутомимо, страстно
Для Дао отвоевывай пространство.

* * *

Не огорчайся, если в жизни бед
Бывает куда больше, чем побед.

* * *

Во всех делах твоей земной юдоли
Тверди Душе:
«Да будет Дао Воля!»

* * *

Не знает Дао, что такое мшенье,
Но повинуется закону возвращенья.
Когда же кажется, что зло Оно творит,
То лишь тому, кто много говорит.

* * *

Хотя в сердцах у нас лишь искра Дао тлеет,
Стремящийся костёр её раздуть сумеет.

* * *

Кто изменяет слову своему,
Тому не верят люди самому.

* * *

Губительна храбрость, когда безрассудна,
Трусливость в сражении тоже подсудна.
Но в этих делах есть всегда образец —
Бесстрашный мудрец и разумный храбрец.

* * *

Расставлены повсюду Неба сети.
Ячейки велики, но видят всё на свете.
Ни с кем не спорят, ничего не утверждают.
Но ловят всё и молча побеждают.

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

* * *

Дереву необходим палач.
Образ может показаться грубым.
Суть не в этом — на судьбу не плачь,
Если сам бываешь лесорубом.

* * *

Путь Дао — справедливые дары
И по плечам — распределение ноши.
А путь людской — тепло своей норы,
Уменьшить ношу, блага приумножить.

* * *

На знает Дао родственных симпатий,
Двуличия, притворства, дипломатий.

* * *

Древние старались промолчать,
Опасаясь не поспеть за словом.
Ныне норовит перекричать
В «ящике» один «мудрец» другого.

* * *

Не углубляйся в рассуждений лес,
Не забывай, что Дао бессловесно.
Оно — безостановочный процесс,
Понять его словами бесполезно.
Сжимается от грубости в комок
И расправляется, поймав полунамёк.

* * *

Путь мудрого — ни с кем не враждовать,
Поменьше брать, побольше отдавать.

* * *

Во многознании нет мудрости и блага.
Чей разум перегружен — бедолага.

* * *

Ничего не знающий — не нужен.
Знающий незнание превосходит.
Кто скрывает знание — недужен.
Совершенномудрый всем подходит.

АФОРИЗМ ИЗ «КНИГИ ПЕРЕМЕН»

Когда бегущая вода
Преграду встретит,
То остановится всегда,
Потом заметит:
«Ты любишь шутки — поиграй
С моим теченьем.
Я перепрыгну через край
Ограничения».
И ты, мой друг, в трудах везде
Будь уподобленным воде.

ПОДРАЖАНИЕ ЛАО-ЦЗЫ

Если долго сидеть и смотреть, как река
Вдаль течёт, подмывая свои берега,
Можно видеть прибившийся винный бочонок
И плывущие мимо останки врага.

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

ЗАВЕТ КОНФУЦИЯ

Лети, душа, не слушай жалоб плоти
И зова сладких голосов земли.
Не удайся от нее в полёте,
Умчишься в небо — сядешь на мели.

ПОДРАЖАНИЕ ЛИ БО

(сонет)

Весна в разгаре. Безграничный рынок
Травы, цветов, распахнутых лучей.
Вчера купил аквариумных рыбок
И жду, пока согреется ручей,

Чтоб отпустить несчастных на свободу,
Соскучились, наверно, в тесноте.
Живой душе подай большую воду,
Хоть многим в малой хорошо воде.

Им меж камней приходится ютиться,
Охотиться за крошками, юлить...
Не зная, что живут на свете птицы,
Которым в небе нечего делить.

Так создан мир, в нём много разных лиц
Похожих на зверей, на рыб и птиц.

**СТИХИ ФРАНЦУЗСКИХ ПОЭТОВ,
ПЕРЕВОДИВШИХ КИТАЙСКУЮ ПОЭЗИЮ
(в переложениях Ю. М. Ключникова)**

ПОЛЬ КЛОДЕЛЬ (1868—1955)

ОТВЕТ МУДРОГО ЦИНЬ ЮАНЯ

Когда спросили Цинь Юаня об итоге долгих
лет и зим,
Он выразил итоги заключением таким:
Весной бросаю семя в землю, летом — орошаю.
К зиме приходит время сбора урожая.
И зёрна, что я наглухо в земле захоронил,
Наглядными плодами предстают по мере сил.
Похожи наши жизни на сады или на свитки.
Записаны свершенья в них, и думы, и попытки.
Всё начатое здесь — любая мысль и проба —
Продолжится по мере прорастания из гроба.
Насколько ты искусный оказался садовод,
Тебе покажет твой последующий плод.
Итак, не вижу в смерти никакого поражения.
Не назову концом, что жаждет продолженья!

СЕН-ЖОН ПЕРС (1887—1975)

ПТИЦЫ

*(фрагмент из одноимённой поэмы
по её мотивам)*

Из родичей всего нам ближе птицы,
И в небе у них дом, и на земле.
Поэтому нам вовсе не годится
Претендовать на первенство в семье.
Летают птицы вольно днём и ночью,
А наше небо связано со сном.
Мы тучи видим издали воочью,
Они же их касаются крылом.
Но есть поэт, художник, композитор,
Друг мысли и поклонник тишины.
Ему не нужны снов и реквизитов
И крылья для полётов не нужны.
Умеющий подняться над пределом,
И в вакууме может задышать.
Нас держит на земле совсем не тело.
У нас ограничение — душа.
Дана ей радость овладеть обзором
Божественных надмирных областей
И наглухо связать себя позором
Привычек, денег, пошлости, страстей.
Душа на миг не может отворотиться
От тяжких гирь, коль видит только дно.
Когда, как в клетке пойманная птица,
Поёт лишь, если принесут зерно.
Но ни душа, ни тело — не помеха
Тому, кто устремлён всегда наверх,
Кто шаг за шагом превратился в эхо
Заоблачных непокорённых сфер.
Я не монах, не укоряю совесть

Приложения

За то, что тянет вниз меня земля.
Мне воспитать бы в сердце невесомость.
Неуязвимость неба и нуля.
О, аскетизм надмирных пребываний!
О, сладкий жар, когда летает дух!
Я создаю в себе единство двух
Восторгом бескорыстных упований!

ПОЭЗИЯ В ИСТОРИИ ПОДНЕБЕСНОЙ

Предлагаемый вниманию читателя очерк «Поэзия в истории Поднебесной» не является синологическим исследованием. Это прежде всего эссе литератора и публициста, для которого очень дорог Китай с его духовностью, философией и поэзией. Надеюсь, что эта особенность статьи позволяет увидеть новые грани, недостаточно освещенные в специальных востоковедческих исследованиях. Мне пришлось заняться этой темой по нескольким причинам.

Во-первых, проиллюстрированные в книге тридцать веков китайской поэзии, где нередко целое столетие представлено только одним поэтом — слишком большой временной интервал, чтобы оставить его без внимания и не попытаться рассказать людям, что же происходило с китайской поэзией в целом.

Во-вторых, роль поэзии в истории Китая и ее влияние на гигантский цивилизационный скачок, совершённый страной за последние десятилетия, с моей точки зрения недостаточно осмыслена. Об этом мало кто писал (есть только исследования в специальных изданиях, с которыми широкий читатель едва ли знаком). Мне захотелось понять, почему у нас, где достижения национальной поэзии тоже велики, до сих пор продолжают трудности, а у Китая всё получилось.

В-третьих, это своего рода семейная творческая традиция: мы тесно сотрудничаем с моим отцом многие годы. Ведь и другие сборники Ю. М. Ключникова («Откуда ты приходишь, красота? Вольные переводы французской по-

эзии XII—XX вв.» и «Караван вечности: вольные переводы суфийской поэзии VIII—XX вв.») выходили с моими развёрнутыми статьями в конце каждой книги, где я пытался исследовать историю духовных исканий данной культуры через призму поэзии. А традицию лучше сохранять и развивать, но не ломать, тем более, что читателям такое соединение стихов и мысли всегда нравилось.

Свою статью я поместил в конце книги, в её часть, названную «Приложениями», подчеркнув тем самым факультативный характер очерка. Главное в сборнике «Поднебесная хризантема» — это вольные переводы, а материалы приложений для тех, кого помимо поэзии интересует еще и страна, китайская история и цивилизация. Я пытался дать конспективное и компактное изложение истории китайской поэзии, опираясь на работы многих отечественных синологов и прежде всего на материалы выдающегося произведения — шеститомной энциклопедии «Духовная культура Китая», выполненной учёными из института Дальнего Востока, а также на работы В. М. Алексева, Н. Т. Федоренко, Л. З. Эйдлина, И. С. Лисевича, Е. А. Серебрякова, Б. Л. Рифтина, И. С. Смирнова, Л. С. Васильева, М. Е. Кравцовой, В. В. Малявина и других исследователей — китаеведов. Некоторые разделы моей статьи, описывающие конкретные периоды истории китайской поэзии, представляют собой обобщения из самых разных источников. Не настаиваю на верности всех своих выводов, это скорее постановка проблемы, нежели её решение. Понимаю, что далеко не все исследования и достижения современного китаеведения, занимающегося поэзией и необъятного по своему объёму отражены в моей статье (на что мне справедливо указал А. Е. Лукьянов). Вполне возможно, что некоторые мои суждения могут показаться синологам далеко не бесспорными. Но как писатель,

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

культуролог и этнопсихолог считаю, что они уместны и даже необходимы в данном сборнике вольных переводов и переложений, поскольку дополняют поэтические разделы книги. У меня нет иной мотивации, кроме стремления обратить внимание на Китай, красоту его поэзии и мощь его духовной философии. Ради этого и мой отец, и я пытались осуществить этот проект. Что у нас получилось — судить читателю.

Будем исходить из того, что читатель, открывший послесловие, прочитал или хотя бы внимательно просмотрел этот обширный сборник (более 400 переведённых и переложённых стихотворений и 60 авторских стихотворений, посвящённых китайской теме).

В начале обстоятельного разговора о Китае и китайской поэзии попытаемся ответить на наивный вопрос: зачем один переводчик или поэт переводит другого, зарубежного поэта? Разве в его культуре чего-то недостаёт? Вопрос вроде бы глупый, детский, но по-взрослому ответить на него не так-то просто. Серьёзный ответ на него может дать, пожалуй, только теория культурно-поэтических архетипов, и здесь возникают очень интересные параллели. Дело в том, что национальные русские и китайские архетипы, казалось бы, весьма далеки друг от друга. Китай в древние времена мало соприкасался с Россией, что почти полностью исключало заимствования, которые могли иметь место в стёртых формах только в приграничных районах Южной Сибири. И тем не менее в поэзии мы обнаруживаем общие архетипические образы и семантические модули: отношение к Небу и Земле, к природе (несмотря на разность ландшафтов — всё-таки в России не так много гор), к старшим в роду, к своим корням, к труду, к женщине — что доказывает: поэтическая культура и русская, и китайская — часть единого планетарного духовного организма.

Если посмотреть на вещи с такой точки зрения, то, переводя китайских авторов, мы познаём самих себя, открываем какие-то собственные неизвестные грани. Русский поэт с помощью родного языка превращает образы и чувства китайцев в свою собственную поэтическую реальность. Некоторые лингвисты, в частности Н. Хомский, считают, что язык, на котором говорят люди, един и встроен в мозг, как некая гигантская компьютерная программа со множеством версий. Когда человек изучает чужой язык, он актуализирует и разворачивает в сознании ту или иную версию единого, по сути, языка.

Если развивать эту метафору, то можно представить, что существует и единый поэтический мировой язык и, когда стихи с чужого языка переводит поэт, он подключается к этому единому полю поэзии, находит созвучия и рождает свою версию одного и того же поэтического отрывка. Происходит не просто дополнение новыми идеями и образами, но открытие, если не их тождественности, то близости. Русский человек через избранных Творцом своих национальных поэтов нередко испытывает томление по непонятной для него, но очень притягательной китайской культуре, реализует свой интерес и открывает какие-то новые грани самого себя. Он постигает через собственные переживания и созвучия смысл великолепной поэтической формулы Ли Бо: «Любить Дао без усталости своим сердцем».

1. Достижения китайской цивилизации

Китаеведы определяют Китай как единственную на планете страну с непрерывной историей материальной цивилизации длительностью в 5000 лет, свидетельством которой является сохранившаяся крашеная керамика с лун-

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

ными и солярными символами орнамента, а также письменной историей государства (иероглифам на костях и черепашьих панцирях династии Шань-Инь более 3500 лет).

Если мы попытаемся перечислить достижения китайской цивилизации и открытия, сделанные китайцами, то даже просто список будет внушительным: шёлк, фосфор, керамика, кисти, порох, бумага, тушь, иероглифическая система письма, книгопечатание, наборные шрифты, компас, фейерверки, сейсмоскоп, спички, зонт, часы, чай, бумажные деньги, весло, колокол, вилка, лак.

Китайцы были лидерами в области математики: они первыми ввели десятичные дроби, первыми стали обозначать нуль, создали десятичную метрологию, что выразилось в изобретении кронциркуля с десятичным делением ещё в I веке до н. э., задолго до Паскаля ввели треугольник как способ решения уравнений. Китайская физика, акустика и теория магнетизма в Средние века были впереди планеты всей. В отличие от греков, создавших развитую теорию атомизма, физики в Китае всегда стояли на волновых позициях, что в гораздо большей степени соответствует современному естественнонаучному мировоззрению. Китайская средневековая астрономия и космология были намного более продвинутыми дисциплинами, нежели в Европе того времени.

Величайшие достижения духовной культуры человечества — учения конфуцианства, даосизма и чань-буддизма, созданные на территории Древнего Китая, также являются чудесным даром Поднебесной остальному человечеству. Интересно соотношение этих учений, о чём напоминает китаевед А. А. Маслов:

«Известное китайское изречение гласит: “Даосизм — это сердце, буддизм — кости, конфуцианство — плоть” (дао синь, фо гу, жу жоу). В этой формуле все три зна-

менитых китайских учения находят своё место, образуя неразрывность китайской традиции».

Можно добавить сюда теорию военного дела Сунь Цзы, искусство каллиграфии, пятизвучную китайскую музыку, дельтаплан, воздушного змея, тачку, Великий китайский канал протяжённостью 32 километра, соединяющий реки Хуанхэ и Янцзы.

Впечатляют и современные достижения Китая, который недавно поднялся на три позиции и занял 22-е место среди 25 самых инновационных стран мира по глобальному инновационному индексу в 2017 году, став единственной страной со средним уровнем доходов в рейтинге. Вот о каких самых последних успехах Поднебесной сообщает агентство Синьхуа:

«Страна отправила в космос свой первый грузовой космический корабль, осуществила успешную телепортацию запутанных фотонных пар из космоса на Землю на рекордное расстояние, запустила первый космический рентгеновский телескоп, представила первый узкофюзеляжный пассажирский авиалайнер отечественного производства C919, который успешно выполнил первый полёт, а также спустила на воду первый отечественный авианосец в этом году». ([https://news.rambler.ru/asia/38344290-vydayuschiesya-dostizheniya-kitaya-v-oblasti-nauki-i-tehnologiy-za-poslednie-5-let/.](https://news.rambler.ru/asia/38344290-vydayuschiesya-dostizheniya-kitaya-v-oblasti-nauki-i-tehnologiy-za-poslednie-5-let/))

И ещё ряд интересных фактов (материал взят из переведённой на русский язык китайской статьи «Выдающиеся достижения Китая в области науки и технологий за последние 5 лет» — <https://news.rambler.ru/asia/38344290-vydayuschiesya-dostizheniya-kitaya-v-oblasti-nauki-i-tehnologiy-za-poslednie-5-let/>):

1. 12 июня 2016 года ракета-носитель «Великий поход-3С» с 23-м спутником навигационной системы «Бэй-

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

доу» запущена с космодрома Сичан в юго-западной китайской провинции Сычуань.

2. В июне 2016 года создан радиотелескоп FAST с диаметром рефлектора 500 метров в уезде Пинтан провинции Гуйчжоу на юго-западе Китая. Строительство телескопа началось в марте 2011 года. Он будет использоваться для отслеживания и сбора сигналов и данных из Вселенной.

3. 19 октября 2016 года два китайских космонавта Цзин Хайпэн и Чэнь Дун прибыли в лабораторию «Тяньгун-2» из космического корабля «Шэньчжоу-11».

4. Китаем разработан тяжёлый ракетоноситель «Великий поход-5» и запущен в космос 3 ноября 2016 года с космодрома Вэньчан в провинции Хайнань на юге Китая.

5. 16 августа 2016 года Китай запустил спутник «Мо-ц-зы», названный в честь китайского учёного и философа V века до н. э. Это первый в мире квантовый спутник, который был введен в эксплуатацию после четырёхмесячных испытаний на орбите.

6. 22 апреля 2017 года осуществлена стыковка грузового космического корабля «Тяньчжоу-1» с орбитальной лабораторией «Тяньгун-2». Первый в Китае грузовой космический корабль «Тяньчжоу-1» был запущен 20 апреля с космодрома Вэньчан в южнокитайской провинции Хайнань.

7. 24 апреля 2017 года интерактивный робот Цзя Цзя в традиционном китайском костюме провёл разговор через интернет с Кевином Келли в городе Хэфэй, административном центре провинции Аньхой. Кевин — основатель и исполнительный редактор журнала Wired. Цзя Цзя был приглашён в качестве специального репортёра информационного агентства Синьхуа для проведения диалога «человек-машина».

8. 26 апреля 2017 года на верфи в Даляне, на северо-востоке Китая, был спущен на воду второй китайский авианосец, построенный Китайской судостроительной корпорацией. Новый авианосец, первый подобный корабль, построенный Китаем собственными силами, стал вторым авианосцем, поступившим на вооружение Народно-освободительной армии Китая (НОАК).

9. В мае 2017 года китайские учёные построили первый в мире квантовый компьютер, по своим параметрам значительно превосходящий обычные компьютеры, что создало фундамент для внедрения квантовых вычислений.

10. Пассажирский самолёт китайского производства C919 совершил первый полет в Шанхае 5 мая 2017 года.

11. Дрон «Цайхун» китайского производства на солнечных батареях совершил свой первый полёт в мае 2017 года. Имея размах крыльев 45 метров, дрон может осуществлять полёты на высоте 20—30 километров и крейсировать со скоростью 150—200 км/ч на протяжении долгого времени.

12. 13 июня 2017 года китайский обитаемый глубоководный батискаф «Цзяолун» провёл погружение во впадину Яп в западной части Тихого океана. Это погружение стало последним в ходе 38-й океанологической научной экспедиции и ознаменовало окончание четырёхлетней пробной эксплуатации батискафа.

13. Суперкомпьютер китайской разработки Sunway TaihuLight с производительностью 93 петафлопс, находящийся в городе Уси провинции Цзянсу на востоке Китая, занял первое место в списке 500 самых мощных суперкомпьютеров в мире, сместив с этой позиции суперкомпьютер «Тяньхэ-2», также построенный в Китае.

14. 15 июня 2017 года Китай запустил первый космический рентгеновский телескоп Hard X-ray Modulation

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

Telescope для ведения наблюдений за чёрными дырами, пульсарами и вспышками гамма-излучения.

15. 26 июня 2017 года новый китайский высокоскоростной поезд «Фусин» («Возрождение») отправился с Южного вокзала Пекина в свой первый рейс по магистрали Пекин — Шанхай. В 11.05 поезд модели CR400AF отправился в Шанхай. В то же время состав CR400BF покинул шанхайский железнодорожный вокзал Хунцяо в направлении Пекина. Новый высокоскоростной электропоезд может развивать максимальную скорость 400 км/ч и постоянную скорость 350 км/ч.

16. 9 июля 2017 года Китай завершил 60-дневный эксперимент по добыче «горючего льда» (гидрат природного газа) в Южно-Китайском море, что стало прорывом в поиске человечеством альтернативных источников энергии.

Но одним из самых великих достижений Китая, за которое человечество было и будет благодарно Поднебесной, является китайская поэзия. Отечественный китаевед А. И. Кобзев называет китайскую поэзию «тончайшим соком» китайской культуры. Современный китайский литературовед Дин Ли утверждает, что она представляет собой самую богатую и блестящую часть в китайском классическом литературном наследии, а изучение китайской поэзии «даёт возможность понять историю китайской нации, понять жизнь китайского народа в прошлом, понять обстановку развития китайского общества и тем самым будит патриотические чувства народа, чтобы ещё успешнее бороться и идти вперёд, к новой прекрасной жизни».

В китайской культурной традиции стихи — наиболее уважаемая и считающаяся наиболее гармоничной форма литературного творчества. Так относятся в Китае и к оригинальной, и к переводной поэзии. Китайские литературоведы, ссылаясь, кстати, на российских коллег, в част-

ности на Б. В. Томашевского, утверждают, что существует три основных признака стиха: 1) разделение на строки, 2) ритмичность, 3) некий более глубокий признак, лежащий за пределом словесной формы, поэтичность. При переводе с одного языка на другой нужно учитывать два принципа: стихи нужно переводить стихами и делать это средствами современной поэзии, конечно, сохраняя уважение к форме и стихотворным традициям оригинала. Китайский профессор — русист из Шанхайского университета Чжэн Тиу раскрывает принцип «китаизации» иностранной поэзии и описывает философию перевода:

«Поэтому мы говорим о переводе стихов стихами, включая дух и форму: с точки зрения формы — продукт перевода всё равно должен остаться стихом и должен выглядеть, как стих, написанный китайцами на китайском языке; с точки зрения глубинного смысла — хотя мы и сменили оболочку, само тело стиха, сделали его китайским, но настроение и дух стихотворения остаются неизменными... Поэтому даже самые великие поэты не могли создать одинаково успешных произведений, и потому же стихи в определенной степени непереводимы. Однако мы знаем, что хорошее стихотворение в душе читателя вызывает сочувствие и эмоциональный отклик. Если, по счастливой случайности, этот читатель является переводчиком, может случиться резонанс двух великих душ: автора и переводчика, а если переводчик при этом не уступает автору в умении и искусности, то тогда и становится возможным перевод».

Учёные говорят, что китайская поэзия насчитывает не менее (а может быть, и более) 30 веков исторической протяжённости во времени. Древние китайцы в соответствии со своими представлениями считали, что поэзия, как и музыка, от которой она не была отделена, созда-

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

валась богами и легендарными правителями древности. Люди поклонялись богам и Великой Природе, распевая песни, декламируя (а позднее записывая стихи) и танцуя, через ритм танца ощущали ритм Вселенной. Можно сказать, что все они в этот миг становились поэтами. В ходе истории произошло постепенное отделение поэзии от музыки и танцев. В VIII веке до н. э. появился специальный термин «*ши*», обозначающий сочинение стихов или поэзию. Причём иероглиф, обозначающий это понятие, восходил к пиктограмме, символизировавшей сакральное жертвоприношение, которое сопровождалось танцами и музыкой. Вот где истоки дошедшего до Запада образа поэта как пророка или жреца, занимавшегося стихотворным священнодействием!

2. Китайская история и китайская поэзия

История Китая — это постоянное чередование взлётов и падений. Государство нередко взлетало на гребень исторической и цивилизационной волны, было впереди планеты всей и по уровню экономического развития, и по техническим изобретениям (что постоянно отрицал Запад), и по численности населения (в XVII веке эта численность доходила до впечатляющей цифры в 300, а по другим сведениям — в 400 миллионов человек). Но, и не однажды, Китай подвергался разрушительным набегам и вторжениям, находился под властью иноземного владычества, терял суверенитет, полыхал в огне гражданской войны. Однако через какое-то время он снова возрождался из пепла. (В этом Китай напоминает Россию, которая также подвергалась огромным историческим испытаниям, не раз находилась на грани распада, но умела собираться и с XIV века никогда уже не теряла суверенитета).

Китаевед Андрей Девятков представляет интересную модель исторических циклов в развитии Китая, которые, с его точки зрения, имеют даже нумерологическую закономерность. Китайская концепция времени не прямая линия прогресса, а спираль, состоящая из циклов. Китайцы всегда придавали огромное значение летописи и заносили туда всё происходящее. Ключ к истине они склонны были находить в истории и полагали, что план Пути Неба изложен Конфуцием в хронике политических событий царства Лу «Чуньцю» («Вёсны и Осени»). Исследователь указывает, что китайской истории были присущи два главных состояния: «воюющие царства» и «централизованная империя», которые раскладываются на три периода перемен китайской исторической волны: «хаос», «малое процветание» и «великое единение» (правда далеко не все китаеведы принимают трактовку этого деления):

«...Лучшим периодом в жизни китайского общества с высокой фазой уровней и богатства, и гармонии, и добродетели выступает средний период «малого процветания», а не крайний период «великого единения» в добродетели, срывающийся в другую крайность «установления хаоса». Только в период «малого процветания» все четыре китайских «благополучия»: богатство, гармония, добродетель и долголетие — в целокупности неравновеликих долей составляют слаженную соразмерность».

Основа добродетели и национальная система китайских ценностей — не столько государственная мощь централизованного управления, сколько правильные взаимоотношения между людьми и наличие многочисленного потомства в семье.

Если спроецировать логику истории, раскрытую учёным, на развитие поэзии и наложить государственно-цивилизационные циклы на циклы поэтические, то мы

можем увидеть интересную корреляцию. В периоды развития государства, состояние и сила которого серьёзно влияют на состояние сознания творца и творцов, поэзия также поднималась. Время максимального благоденствия китайской поэзии — это, прежде всего, периоды «малого процветания» в истории (сильная просвещённая власть и гуманное правление). Стоило государству ослабеть (речь идёт даже не о внешних военных вторжениях, а о внутреннем неблагоприятном состоянии страны), как уровень поэзии падал или формализовался.

3. Китайский взгляд на мир

Китайская поэзия была выражением неповторимого китайского взгляда на мир. Как китайцы воспринимали мироздание?

Они видели в мироздании тайну, которую нужно познать. Важнейшим элементом китайского менталитета была культура следования естественному потоку вещей и связанная с ней культура созерцания. Китайцы подчёркивают, что это свойство сильно отделяет их от людей Запада, для которых самое главное — непрерывно действовать, покорять природу и забраться на гору, символизирующую собой материальный успех. Китаец предпочтёт любоваться горой со стороны и созерцать ее, находясь у подножья.

Самый главный вопрос, на который пыталась ответить китайская традиция, — это взаимоотношения между небом и человеком. Формула «небо над головой, земля под ногами, а человек между ними» определяет суть китайского взгляда на мир.

Заметим, что Человек в китайской традиции равновелик Земле и Небу. А что же является источником или корнем Неба и Мироздания? Китайские даосы полагали, что

им является Дао — безначальный и бесконечный Путь, порождающий Вселенную, все вещи которой состоят в изначальном родстве с Дао. Мироздание, порождённое Дао, есть круг, наполненный непрерывно движущейся энергией, причём это движение регулируется законами. Знания, которые нёс в себе даосизм, не были логически выводимы из других знаний. Как справедливо заметил Е. А. Торчинов, «“Дао дэ цзин”, как текст “откровения” (каковым он воспринимается в средневековом даосизме), излагает, “вещает”, а не доказывает».

Человек также оказывается порождён Дао и его проявлением — Великой Природой. Не человек, а бесконечная, вечно текущая и непознаваемая природа была в Поднебесной «мерой всех вещей». А человек (в китайской традиции нет отдельного индивидуума, как в европейской традиции; есть люди, объединённые в народ) должен поддерживать законы и следовать этому высшему Пути, не допуская хаоса и сохраняя гармонию. Каждый человек, согласно учению Конфуция, может и должен достигать предела совершенства. Высшее назначение индивидуума — проводить волю Неба на Землю. Воля эта не есть жёсткое давление обстоятельств, а текущая реальность, поток, имеющий вектор. Поэзия, как воля к гармонии и красоте, выполняет ту же миссию, поэтому любой подлинный поэт — это своего рода держатель Неба, пророк, жрец красоты и гармонии.

Гармония в Китае всегда означает баланс трёх сил, когда противоположности регулируются самой мудрой и высокой третьей силой, но вовсе не победой одной из двух сил, как это принято на Западе. В духовном смысле высшими традициями были конфуцианство, олицетворяющее собой порядок, и даосизм, предлагающий следовать естественному течению вещей. Эти две традиции не

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

конфликтовали между собой, а, скорее дополняли друга друга, как в едином человеческом организме и психике взаимно дополняют друг друга левое и правое полушария.

Китайцы были убеждены, что именно Поднебесная — наилучшая в мире земля для осуществления гармонии. Ощущение себя центром мира, несущим в себе высшее знание, народом, который окружают другие народы, нередко варвары, — это тоже национальная особенность китайской культуры. Но это не было позицией высокомерия — просто китайцы полагали, что именно они хранители наследия предков, культ которых был одним из главных культов китайской цивилизации.

Принято считать, что китайская культура была замкнутой сама на себя и что основная доминанта китайской традиции — отгораживание от всего мира. В отдельные века подобная цивилизационная установка действительно имела место, но она же помогла китайцам сохранить высочайшую культурную самобытность. До сих пор китайские кварталы есть во всём мире, и они не растворяются в чужих обычаях и верованиях, оставаясь китайскими. Жители Поднебесной всегда хранили свою стержневую идентичность, но в то же время умели блестяще заимствовать и копировать периферийные технические достижения других цивилизаций и народов.

Интересный ответ на вопрос, благодаря чему китайцам удаётся успешно противостоять давлению Запада, даёт китаевед А. Е. Лукьянов:

«Прежде всего, благодаря тому, что Китай самодостаточен. Он владеет естественностью (по-китайски «цзы-жань») и мерностью своей вселенско-космической культуры Дао. Мощь ее столь велика, что она растворяет всё вредное приходящее и способна к регенерации. Концептуально это оформилось в понятии “хуа-си” — “растворе-

ние западного”. Однако в последние десятилетия отрицательное влияние Запада на китайскую культуру поведения и сознания усилилось, и потому Китай вновь возрождает конфуцианство в экономической, политической и гуманитарной областях. Обычный (“не классический”) китаец в стихии прозападного рыночного обогащения так же относится к деньгам, победам и поражениям, как и европеец. Китайское руководство прилагает значительные усилия для усмирения анархии обогащения и пытается соединить бизнес с традиционными конфуцианскими ценностями: пользу (доход) со справедливостью».

Китайская литература и поэзия, считающаяся самой древней на земле (правда, с этим спорят индийцы), развивалась самостоятельно, и каких-либо серьёзных внешних влияний не просматривается. Да, периодически Китай завоёвывали другие государства и народы (те же монголы времён Чингисхана), однако определяющего влияния на Поднебесную они не оказали. Только в XX столетии, когда Китай наконец полномасштабно открылся мировой культуре, китайские поэты узнали лучших поэтов Европы: Гёте, Шиллера, Шелли, Байрона, Гейне, узнали о творчестве Уитмена и Тагора и, конечно, ознакомились со стихами Пушкина, Лермонтова, прозой Толстого, Достоевского, Чехова.

В каком виде до нас дошла древняя китайская поэзия? Одно из самых архаичных стихотворных изображений — это разбитая на строфы и пронизанная рифмами надпись, сделанная на стенке бронзового сосуда, датированная X—VIII вв. до н. э. (времена правления первых чжоуских царей), которая излагала генеалогические сведения из жизни владельца сосуда. Изначально китайцы, в том числе и первые поэты, писали свои произведения на узких бамбуковых дощечках, очень сильно ограничивав-

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

ших объём написанного. Затем они перешли к письму на шёлке, но потом наступила эра бумаги, когда писчий материал уже никак не ограничивал ранних писателей и поэтов в объёме написанного.

Ранняя китайская поэзия дошла до нас в виде антологий — коллекций стихотворений, имевших народно-песенные и аристократические истоки. Если стихи не попадали в антологии, то они, скорее всего, уже не сохранялись для потомков. Наиболее известные древние антологии «Чу сы» («Песни царства Чу»), приписываемые знаменитому поэту Цюю Юаню и его ученику Сун Юю и «Ши-цзин» («Книга песен», или «Канон поэзии», датированная периодом «Борющихся царств»). Составление «Ши-цзин», оказавшего огромное влияние на развитие китайской поэзии, приписывали Конфуцию, который, согласно преданию, отобрал более 300 лучших стихотворений из большого корпуса произведений XI—VIII веков до н. э.

4. Стили китайской поэзии и тайны иероглифов

Китайская поэзия, пронизанная древней мифологией (космогонической, героической, солярной, лунарной, астральной) согласно мнению многих китаеведов разделяется на несколько основных стилей:

1) «Ши» — двустихия, состоящие из двух или более парных строк, которые, как правило, рифмуются и соответствуют друг другу по ритму.

2) «Цы», или «ци» — стиль, предполагающий сочетание строк разной длины, при котором допускаются самые разные их комбинации и любые интонации, выбираемые поэтом. Стихи «цы» пришли в литературу из народной поэзии.

3) «Гэ» — «песня», в которой слова специально подобраны таким образом, чтобы их можно было петь, и которая включает в себя и народные песни, и песни, сочинённые композиторами.

4) «Юань Цюй» — монгольская музыка; данный стиль предполагает свободу от любых форм, его относят к оперной драме Цзацзюй.

5) «Фу» — стиль, к которому относятся описательные-содержательные поэтические произведения, с элементами прозы и куплетов.

Переводить китайскую поэзию очень сложно, потому что она записана не буквами, а иероглифами, у каждого из которых множество значений. Само создание иероглифов окутано в китайской традиции тайной. Легенды говорят, что иероглифы были созданы Цан Цзе, придворным историографом мифического императора Хуан-ди. Когда это произошло, то злые духи рыдали все ночи, потому что они уже не могли обманывать людей так легко. Иероглифы многозначны, и потому китайская поэзия, созданная при помощи иероглифов, имеет такое богатое количество оттенков и значений, как ни одна поэзия в мире. Попытки буквально воспроизвести все оттенки значений, присущих китайским стихам, обречены на провал: такие стихи не будут интересны никому.

Сегодня всё большее количество китаеведов и переводчиков приходит к выводу: на русском языке нужен не буквальный перевод, а новое произведение, созданное средствами русского поэтического языка на тему, заявленную в оригинале и приближающуюся к более или менее точной передаче чувств, мыслей и образов автора.

Существует много разновидностей иероглифов, в том числе и живописные иероглифы, изображающие цве-

ты, растения, птиц, животных. Популярность китайской письменности связана не только с успехами китайской цивилизации, но и с тем, что она опирается, прежде всего, на визуальное восприятие человека. Это очень созвучно современному миру с его клиповым мышлением, где картинки преобладают над буквами. Китаеведы утверждают, что китайская поэзия — очень лаконично выраженный образ или даже шифр, схема многомерного, сложного мира, выраженная очень лаконичным образом не только через слова, но и через зрительные образы. Чем глубже и тоньше человек, тем больше надежды, что он разгадает этот шифр.

5. Поэтический ландшафт Поднебесной

Китай — третья страна мира по площади, и его природа исключительно разнообразна: и лиственные леса, и степи, и горы, и холмы, и озёра, и реки, и снега, и пустыни. В науке есть гипотеза, которую никто не опроверг: ландшафт определяет этнос. Что же из разнообразного природного ландшафта повлияло на умонастроения и чувства китайских поэтов с характерным для большинства из них преобладанием эмоций умиротворения, грусти, тонкого переживания изящества и красоты природы и мира вещей?

Принято считать, что основной, так сказать, поэтический ландшафт в Китае — это живописное соседство гор и рек (об этом писали разные исследователи, в частности Н. Т. Федоренко, И. С. Лисевич, А. Е. Лукьянов). Но это не только природные явления, вызывающие желание воспеть и воссоздать их в словах, это ещё и древние символы устойчивости и текучести, вертикального и горизонтального, предметности и процессуальности. Не потому ли в

китайской поэзии всё, с одной стороны, текуче и подвержено неуловимым настроениям, но, с другой стороны, устойчиво в своём тысячелетнем повторении?!

Другая пара противоположностей поэтического ландшафта, вытекающего из китайской триады Небо — Человек — Земля, — это звёзды, излучающие с Неба свой свет, и тьма в виде Земли, этот свет поглощающая. И всё вращается по спирали, а поэт, пребывающий в центре круговорота, созерцает медленное вращение сезонов, пейзажей и красок и, подобно волшебнику и магу, всё видимое превращает в красоту строк и образов.

Но, конечно, поэтический ландшафт — это ещё и Луна, отражающаяся в ночном озере, леса, сады, цветы, растения, облака, птицы. Это тишина, разлитая в пространстве и умиротворяющая душу. Это лодка, стоящая у берега или плывущая по реке, дворцы и храмы. Набор красивейших пейзажей подарен китайскому поэту-творцу великим Дао для того, чтобы тот переплавил его в красоту строк. И надо сказать, что китайские поэты сумели этим даром воспользоваться.

6. Краткая история китайской поэзии

У автора этой статьи нет цели и необходимости давать подробный очерк развития китайской традиции, однако она настолько значительна по объёму и необъятна, что короткого разговора не получится. Данная глава опирается с одной стороны на материалы энциклопедии «Духовная культура Китая», с другой стороны на книги и статьи В. М. Алексеева, Н. Т. Федоренко, Л. З. Эйдлина, И. С. Лисевича, Б. Л. Рифтина, А. Е. Серебрякова, И. С. Смирнова, М. Е. Кравцовой, И.А. Алимова, К. Е. Барбошкина, В. Ф. Сорокина и других историков духовной

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

культуры Китая. Информация, содержащаяся в этой главе и собранная во многом ради удобства читателя, частично пересекается с информацией, излагаемой в предисловиях к частям сборника и биографиях китайских поэтов, но она систематизирует этот материал и показывает вектор развития китайской поэзии.

Исток китайской поэзии:

эпоха династии Шань-Инь (XVI—XI вв. до н. э.),

династии Чжоу (XII—III вв. до н. э.),

династии Цинь (221—207 гг. до н. э.)

Китайская поэзия проходила свой путь вместе с историей Китая. Если говорить о периодизации китайской поэзии, то она начинается с эпохи Чжоу (XI—III вв. до н. э.), которую называли также эпохой «*Весны и Осени*» (770—476 гг. до н. э.) и временем «*Воюющих царств*» (475—221 гг. до н. э.). Это время совпало с появлением религиозного и философского течения «*Сто школ*» китайской мысли. Философы и поэты конфуцианского направления жили в маленьких царствах в благоприятной атмосфере положительного отношения власти к их творчеству. Именно в это время поэзия выделяется из тогдашней музыкальной сферы. Появляется даже специальный термин «*ши*», означающий буквально «*стихотворение*», «*написание стихов*», «*поэзия*». Это время создания «*Ши-цзин*», а также классификации видов стихов «*лю*», позволяющая выделить несколько разновидностей стихотворений, среди которых нужно назвать песни, оды, гимны. Первым теоретиком литературы считался живший в ту эпоху Чжи Юй. А наиболее известный лирический поэт эпохи «*Воюющих царств*» — Цюй Юань, патриот своей страны и человек с трагической судьбой.

Самая древняя книга китайской поэзии «Книга песен», или «Ши-цзин», относится к XI веку до н. э. Её называют энциклопедией древнекитайской жизни. В книге собрано 305 народных песен, хронологически относящихся к большому периоду китайской истории (целых пять веков). Считается, что тексты отбирал сам Конфуций, который рассматривал поэзию как источник высшей мудрости и был убеждён, что изучение поэтов древности окажет благоприятное воздействие на подрастающее поколение. Книга была очень популярна среди образованных людей Китая: близкая ко двору знать любила цитировать стихи и строчки из од, что считалось признаком принадлежности к избранным.

В «Ши-цзин» постоянно звучит тема земной любви. Учёные отмечают, что истоки любовной лирики нужно искать именно в «Книге песен», где много разнообразных лирических стихов.. Это «и песни любовные, и песни девицы, желающей выйти замуж, и песни любовника, очарованного своей милой, и назначение свидания, и жалобы покинутой жены, и еще более жалобы разлучённых супругов, любовников, родственников» (В. П. Васильев). М. Е. Кравцова утверждает, что при всём их разнообразии можно выделить одну общую черту: «Женщина предстаёт перед нами равноправным человеком, наделённым не только физической красотой, но и высокими нравственными достоинствами».

В сборнике Юрия Ключникова приведён цикл из «Десятидвух древних стихотворений» из «Ши-цзин», которые считались каноническими, а также знаменитый текст «Поучение царю» и ещё несколько произведений.

Литература империи Цинь (221—206 до н. э.) — это возрождённое конфуцианство, которое было соединено с философией легизма Ли Сы. Считалось, что именно

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

эта династия объединила страну. В это время Сыма Цянь написал свою знаменитую Историческую летопись, которая стала одним из главных источников общей истории Китая.

Поэзия эпохи династии Хань (206 до н. э. — 220 н. э.)

Во время правления династии Хань, этого сложного периода в истории Китая, произошло движение поэзии от народного творчества к оде. Главным жанром той эпохи был жанр «*фу*», который предполагал, что стихи и поэмы должны писаться в трёхчастной форме (вступление, описание, завершение). По содержанию это чаще всего был диалог поэта с каким-либо правителем, описывающий жизнь придворных кругов. Четыре наиболее ярких поэта данного периода времени — это Цзы И (201—169 гг. до н. э.), автор оды «Плач о Цюй Юане», поэт Мэй Шин (?—140 г. до н. э.), Ян Сюн (53 г. до н. э. — 18 г. н. э.) и Сыма Сян-жу (179—118 гг. до н. э.).

В эпоху культурного расцвета Китая, когда страной правила династия Хань, появился новый стиль китайской поэзии Южных и Северных «*юэфу*». Это любовная красочная лирика (Южные «*юэфу*»), произведения которой состоят из пяти или семи строк, и Северные «*юэфу*», возникшие под влиянием фольклора кочевников и тяготевшие к военной тематике. Жанр «*ши*», впоследствии разделившийся на *гуши* (Ли Бо) и *цзиньтиши*, самыми яркими представителями которого были великие поэты Ли Бо и Ду Фу, просуществовал до конца династии Тан (618—907). Затем всё более популярной становится лирика, написанная в жанре «*цы*» и получившая наивысшее развитие в эпоху династии Сун (960—1279). Каждому стихотворению, написанному в жанре «*цы*», соответствует определённый ритм и тон. Это помогало выразить индивидуальные мыс-

ли и чувства поэта, и поэтому данное поэтическое направление передавало тончайшие оттенки переживаний. Затем начала развиваться более свободная форма китайской поэзии — жанр «саньцзюй», основой которого были новые популярные песни.

Поэзия эпохи Цзинь и периода Нань-бэн чао (IV—VI вв.)

Эпоху государства Цзинь и период Нань-бэн чао можно охарактеризовать как время постоянных войн и нашествий на Китай, прежде всего, нападений северных кочевников. Они сгоняли с оседлых мест аборигенов, создавали новые царства и династии. Многие образованные китайцы, включая знатных представителей конфуцианства, бежали на юг, где соединились с буддистами, пришедшими в Китай во II веке. История оставила свидетельства, что именно на юге страны находился центр тогдашней культуры, там жили учёные, философы и поэты. Они не дали очень заметных имён, поскольку сложно создавать значительные произведения в эпоху глобальной нестабильности (история литературы показывает, что лучшие тексты создавались либо в авторитарных режимах, либо при начальных переходах от авторитаризма к более гуманным формам правления). Но эта эпоха подготовила возрождение конфуцианского государства и расцвет поэзии эпохи Тан.

Однако нельзя сказать, что поэты эпохи Шести династий (III—VI вв., причём III век частично относится к периоду, рассмотренному выше) не создали ничего значительного. Лю Чжэнь, Цзо Сы, Се Ань, Се Вань, Се Хунь, Се Даюнь, Гу Кайчжи, Се Линьюнь, Бао Чжао, Лу Кай, Шэнь Юэ, Кун Чжигуй, Фань Юнь, Се Тяо, Цю Чи, Жэнь Фан, Хэ Сюнь, Сяо Цзыфань, Лю Сяочо, Се Вэй, Се Цзюй, Инь Кэн, Сюй Лин (эти поэты стали известны рус-

скому читателю благодаря блестящим переводам Л. Е. Бежина) сделали для своего времени очень много. Их лирика (и любовная, и философская, и пейзажная), безусловно, останется в истории китайской и мировой поэзии.

Поэзия эпохи Тан (618—907)

Поэзия эпохи Тан, представленная в данной книге её несколькими гениями (Ван Вэй, Ли Бо, Ду Фу и Бо Цзюйи), по мнению большинства учёных и литераторов, вершина китайской поэзии. Эпоха Тан длилась около трёхсот лет и началась с прекращения междоусобиц и установления сильной власти, заботящейся о народе. Именно в это время практика сдачи экзамена на занятие чиновничьей должности становится повсеместной, что позволило рекрутировать во власть талантливых просвещённых управленцев, причём из слоя средних и низших землевладельцев. Подобная демократизация власти на местах при сохранении сильной центральной власти (она сохранялась почти полтора века!), помноженная на атмосферу религиозной терпимости и уважения к литературе, способствовала появлению сильных талантливых поэтов. Причём поэтов образованных, знающих народную жизнь с её проблемами.

Список значимых поэтов эпохи Тан, оставшихся в китайской литературе, обширен. Начало Танской поэзии — это «четыре выдающихся» литератора: Сюэ Даохэн (540—609), Ван Цзи (585—644), Ван Бо (649—676), Лу Чжаолин (637—689). Их поэзия была цветистой, но сквозь вербальную орнаментальность пробивались искренние переживания.

Новая линия Танской поэзии связана с именем поэта и крупного чиновника — цензора государственного совета Чэнь Цзыана (661—689), у которого была трудная судьба:

по сфабрикованному делу Чэнь Цзыан был заключён в тюрьму пожизненно. Возможно, у него был неуживчивый характер, но в поэзии он — носитель гармонии и света, сумевший органично соединить в своём творчестве изыск эстетизма с простотой и гуманизмом. Чэнь Цзыан считался основателем нового поэтического жанра «*ин*» (стихотворные описания — экспромты).

Более спокойно распрощался с чиновничьей карьерой учёный Мэн Хаожань (689—740), который закончил жизнь в бедности и отшельничестве, отойдя от всех государственных дел. Считая себя продолжателем поэтической линии Тао Юаньмина, Мэн Хаожань воспевал природу и человеческую доброту, поэтизировал грусть. И хотя его жизненные впечатления были небогаты, что не могло не сказаться на некой зауженности его поэтического мира (о чём иногда говорят историки китайской поэзии), высокая духовная траектория его поэзии восхищала таких мастеров пера в Китае, как Ван Вэй, Ли Бо и Су Ши. Стихи Мэн Хаожаня наполнены отрешением от городской и чиновничьей суеты, лаконичны по объёму, но сжаты по смыслу.

Прекрасными пейзажными лириками, близкими по духу к Мэн Хаожаню, считались такие авторы, как Чэнь Цзыан (Бо-юй) (661—702), Чу Гуанси (707—760), Гао Ши (702—765), Цэнь Шэнь (715—770). Однако главными поэтами, прославившими эпоху Тан и всю китайскую поэзию на все времена, были, конечно, такие великие поэты, как Ван Вэй (701—761), Ли Бо (701—762), Ду Фу (712—770), Бо Цзюйи (772—846). Их стихи в переводах Ю. Ключникова представлены в этой книге.

Ван Вэй был не только великим поэтом, но и прекрасным живописцем, сделавшим успехи в изучении каллиграфии, поэтому его стихи полны ярких образов, запахов,

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

ощущений. Переводы Ю. Ключникова хорошо передают эту грань его творчества.

Гениального Ли Бо, аристократа духа и в то же время знатока народной жизни, тончайшего созерцателя природы и обличителя дурных нравов, нередко сравнивают с Шекспиром и Гёте, с Данте и Петраркой, Низами и Фирдоуси, с Пушкиным и Лермонтовым. Ли Бо оставил после себя огромное поэтическое наследие — почти 1100 произведений! Как лирик он необычен: не уединённые пейзажи с тишиной и спокойствием, но вершины гор, водопады, сильные ветры, несущиеся реки — вот его пейзажные лирические пристрастия. Ли Бо не был поэтом-отшельником, но скорее являлся страстным поэтом-пророком, по темпераменту сравнимым с Конфуцием. Тематически у него преобладала поэзия лирического и духовного регистра, но встречались и стихи социального плана, пронизанные состраданием к обездоленным.

Ли Бо можно назвать создателем своей поэтической вселенной, китайским космологом, о чём хорошо сказал китаевед А. Е. Лукьянов:

«В миропредставлении Ли Бо космос, как некое тектоническое сооружение, уже давно существовал, а в своём поэтическом качестве ему ещё предстояло родиться. Согласно Ли Бо, он навеивается Сокровенным Духом, который преображает Великую Древность и превращает её в духовный зародыш поэтического космоса. Вбирая в себя первородные энергии Сокровенного Духа, этот эмбрион ритмично заряжает всё сущее, извлекая из него космическую симфонию Дао. Ли Бо, как человеческий дух, сливается с этим дыханием и переводит звучание вещей в слова, а их обличье — в иероглифы, преобразуя, таким образом, космическое Дао в словесно-иероглифическую картину Дао поэтического».

В наибольшей степени пафос гуманизма, сострадания и обличения несправедливости мира присущ Ду Фу, поэту, прошедшему в своём развитии, как отмечают биографы, через четыре периода.

Первый — странствия в компании Ли Бо и Гао Ши, мечтания о великих свершениях в поэзии и жизни.

Второй — это десятилетие в столице Чань ани, где поэт скрывается от мятежа Ань Лушаня, попадает в плен к мятежникам, бедствует без службы и без особого успеха пытается заинтересовать своей поэзией местную знать. Лирика его всё больше приобретает антивоенный характер, он обличает тех, кто равнодушен к страданиям народа.

Третий период жизни Ду Фу — бегство из плена, устройство на службу на новом месте и погружение в поэзию, отражающую горькие мысли и чувства поэта по поводу всех трагических событий, произошедших с его родиной.

Четвёртый — охватывает последние одиннадцать лет жизни, когда он уходит со службы, приезжает в город Чэнду, на окраине которого строит свою хижину и непрерывно пишет стихи (за это время написал больше тысячи стихотворений).

Историки китайской литературы утверждают, что Ду Фу с его сочетанием поэтической традиционности и новизны, глубокими переживаниями, с его вниманием к человеку, состраданием, гуманизмом оказал огромное влияние на китайскую поэзию.

Ещё один великий танский поэт — Бо Цзюйи также был чиновником, пытавшимся сочетать карьеру с поэзией. Он был блестяще образованным поэтом, знавшим и умевшим, наверное, всё, что можно было уметь в поэзии тогдашнего времени. Как высококультурного чиновника Бо Цзюйи не устраивал порядок вещей в стране, и он, сам

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

относившийся к классу имущих, резко восставал против несправедливости. Помимо большого числа обличительных стихов у него немало произведений о власти как таковой, о природе, о любви, о смысле жизни.

Поэзия эпохи Сун

Важной чертой поэзии эпохи Сун (X—XII вв.) является развитие жанра «цы», основа которого — песенное творчество. Влияние конфуцианства слабело, и прямо пропорционально этому усилились в стихах темы индивидуальные: любви между мужчиной и женщиной, субъективных эмоций и ценностей, внимания к простым бытовым вещам. Поэты эпохи Сун писали о женской красоте, драгоценностях, природе, деревенской жизни. Но порой и о несправедливости, военных сражениях, защите родины. Ян И (974—1021), Лю Юнь (971—1031), Цянь Вэйянь (977—1034) делали явный акцент на красоте формы. Другие поэты — Ван Юйчэн (953—1001) и Мэй Яочэнь (1002—1060) — стояли на иных позициях и были убеждены в высоком общественном предназначении поэта.

Поэты-конфуцианцы, столкнувшись с иноземными вторжениями осознали, что пора отказаться от идеалов ненасилия и взять оружие в руки, иначе их родине и им самим грозит гибель. Тогда они начинали штудировать военное дело, рассказывать о великих сражениях прошлого и призывать к укреплению армии и границ страны. В своем творчестве они воспевали подвиги и свершения, причём героями их стихов стали простые люди — земледельцы и воины.

Нельзя не отметить таких ярких авторов, как Су Шуньцин (1008—1048), Янь Шу (991—1055), Оуян Сю (1007—1072), Лю Юн (1004—1054), Цинь Гуань (1049—1100), Хэ Чжу (1052—1125), Хуан Тинцзянь (1045—1105),

Фань Чэнда (1126—1193), Лу Ю (1125—1210), Синь Цици (1140—1207).

Нужно сказать, что сунская поэзия, пришедшая на смену танской, отнеслась к великому наследию прошлого двойственно. Она признавала последнюю как образец, но не удовлетворялась её гармонией и пыталась в чём-то пойти дальше. И. С. Смирнов утверждал, что сунская поэзия, «обратилась в своих изысканиях и к «тёмным» эпохам китайской поэзии». При этом она, «по-новому прочитывая Тао Янмина, извлекала из временного «небытия» поэзию «шести династий», насыщенную изощрённой символикой и склонную к умозаключениям». С одной стороны, сунская поэзия углубилась в философию, с другой — начала осваивать музыку, песни, мелодии, заставившие по-иному звучать стихи.

Самыми крупными поэтами той эпохи были Су Ши (1036—1101) и Ли Цинчжао (1084—1151). В книге Юрия Ключникова «Поднебесная хризантема» приведены переводы стихов этих двух авторов. Су Ши обладал сложным мировоззрением, соединившим воедино конфуцианство, даосизм и буддизм и создавшим в своих стихах очень светлый образ мира. Он работал в двух жанрах — *ши* и *цы*. Он писал и о любви, и на бытовые темы, помещая своего лирического героя в сельский пейзаж и соединяя его с образами крестьянской жизни, но больше размышлял в стихах о смысле мироздания. Как отмечают китаеведы, его конфуцианская непреклонность и твёрдость в принципах соединялись в поэзии с принятием изменчивости как основы жизни, что характерно для даосского и буддийского мироощущения и мировоззрения.

Его поэзия очень светла и гармонична.

Ли Цинчжао, наверное, самая выдающаяся китайская поэтесса — была ещё литературоведом своего времени,

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

писала трактаты, в которых выступала как литературный критик, разбирающий работы других авторов. Стихи её наполнены трагизмом и дышат огромной искренностью, непосредственностью, свежестью чувств, отличаются тонкостью выводов и красотой образов.

После заката династии Сун китайская поэзия развивалась не столь бурно, как раньше. Сказывалась некая робость, присущая поэтам, сравнивающим себя с великими мастерами прошлого и не решавшимся ставить перед собой великие цели. Общая линия китайской поэзии этого периода — тяготение к иносказательности и гипертрофированной утончённости.

Поэзия периода правления монгольской династии Юань (1280—1368)

Поэзия периода монгольской династии Юань кардинальным образом отличается от всей предшествующей классической поэзии Китая. Связано это было с тем, что в тот период времени начал мощно развиваться театр, популярный у монголов и позволявший конфуцианской интеллигенции высказывать свои мысли, пусть и в назидательной условной форме. Драматургия, пьесы оттеснили другие виды литературы, включая и поэзию. Классические формы поэзии переживали определённый кризис: одни и те же темы, мотивы, сюжеты, образы перенасытили восприятие людей. И хотя поэты продолжали творить и обращаться к классике, современники стали оценивать их ниже, чем предшественников. Появилось множество пьес (в то время их было не меньше 600, до наших дней дошло 160), главными героями которых были люди, по происхождению относящиеся к монголам и тибетцам.

Поэзия эпохи династии Мин (1368—1644)

Сама эпоха Мин была непростой: она началась, когда страна была под властью монголов, и закончилась новой внешней властью, завоеванием маньчжуров. Литература эпохи Мин отличалась преимущественным развитием прозы: расцвёл классический китайский роман. Продолжала свою жизнь и китайская поэзия, хотя, по мнению критиков, она уступала образцам своих предшественников. Как писал китаевед и переводчик И. С. Смирнов: «За триста лет не появился ни один поэт, которого строгая китайская критика причислила бы к великим гениям».

Отчасти это было связано с изменением внутренней ситуации в стране: росло число чиновников, которые всё более превращались в своего рода касту, оторванную от народа. Отсюда вытекала и формализация экзаменов. Знание поэзии экзаменуемым становится ещё более обязательным, но без проникновения в её сущность, тем более что и сама поэзия становится всё более недоступной и малопонятной для обычных людей, превращаясь в язык «посвящённых» — чиновников. Увеличилось в стихах количество цитат (чем не китайская предтеча западного постмодернизма с его бесконечным цитированием!), появилась возможность спрятаться за некие непонятные большинству намёки и символы. По меткому замечанию И. С. Смирнова, «такая ситуация оказалась выгодной для неталантливых поэтов».

А может, причина взлёта и кризиса поэзии в таинственных волнах Дао, заставляющих в определённые эпохи рождаться сразу сонму гениев и талантов, но в эпохи спада приводящих наверх более посредственные в творческом отношении фигуры?

Тем не менее за эти три века на китайской земле перебывало огромное количество поэтов, которые, возможно,

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

догадывались, что поэзия в упадке, и пытались с этим бороться, но не смогли превзойти своих предшественников — поэтов Танской и Сунской династий. Наиболее крупными считались Гао Ци (1336—1374), которого многие называли лучшим поэтом минской эпохи раннего периода, Ли Мэнъян (1473—1529), Ли Паньлун, Се Чжаочжи (1567—1624). Минская поэзия пришла к своему результату — такому уровню желанной ранее простоты и неизощрённости, что её стали называть «пресной». Одновременно, во многом за счёт цитирования, стихотворение искусственно наделялось бесконечным количеством смыслов.

Поэзия эпохи династии Цин (1644—1911)

Литература и поэзия этого периода развивалась не столь успешно, как в предыдущие тысячелетия, потому что власти (кстати, по своему происхождению не ханцы, а маньчжуры) боролись с конфуцианскими ценностями ещё упорнее, чем в эпоху Мин, ужесточив государственные экзамены для чиновников и начав идеологически преследовать учёных, писателей и поэтов. Однако, вопреки давлению, литература выстояла, хотя и была потеснена в своих лирических жанрах. Тем не менее тогда были написаны и опубликованы такие до сих пор популярные произведения, как романы Ли Юя (1610?—1680?) «Полуночник Вэйян, или Подстилка из плоти» (ок. 1650), Цао Сюэциня (1724—1764) «Сон в Красном тереме» (1763), где помимо прозы встречаются стихи. В сборнике переводов Юрия Ключникова «Поднебесная хризантема» есть стихотворные переложения поэзии из этих романов. Несмотря на неблагоприятные внешние условия, связанные с большой политической нестабильностью, количество людей, пишущих стихи, увеличилось, причём во многом из-за роста

числа женщин-поэтесс. Вырос интерес к народному поэтическому языку. Составлялись новые антологии. Однако гениев, так же как и во времена династии Мин, в поэзии не наблюдалось.

**Китайская новая (1919—1949)
и новейшая (с 1949 г. по наст. время) поэзия**

В конце XIX — первой половине XX столетия китайская поэзия получает новые импульсы для развития. И хотя тяготение литературы к разговорным жанрам, казалось бы, снизило уровень поэтической культуры, лучшие китайские поэты этого периода сохранили высокий уровень литературного мастерства и создали настоящие образцы национальной и даже мировой поэзии.

Новая и новейшая (после 1949 г.) литература Китая — это литература небывалого подъема и расцвета самых разных форм словесности, включая поэзию, которая будто проснулась ото сна. Революционные изменения коснулись искусства: создавались новые формы стихосложения, в частности свободный стих, китайский верлибр, который не имел чётко фиксированного числа иероглифов в строке. При этом немалая часть литераторов, в том числе и Мао Цзэдун, продолжали пользоваться прежними «правильными» видами стихосложения. Изменения были подкреплены теорией и объединением сил движения «4 мая», которое решало многие общественно-политические и социальные вопросы, в том числе и вопросы проведения литературных реформ, языковая реформа, отказ от *вэньяня*, переход на *байхуа*. Наиболее яркие поэты новой китайской литературы — Тай Сытун (он выступил как предшественник новой литературы), Го Можо, Лу Синь, Мао Цзэдун, Ай Цин, Лян Сяэ, Хай-цзы.

Литераторы выступали за более активное включение в поэзию разговорной речи, за отказ от ориентации на эстетическую замкнутость в пространстве исключительно китайской поэзии, присущую стихотворцам прошлого, за необходимость осваивать мировую поэзию. Предпочтение отдавалось европейским и российско-советским поэтическим традициям, хотя было увлечение японскими *хокку* и *танка*, а также поэзией Тагора, подтолкнувшей к попытке писать в стиле «короткого стиха» (*сяо ши*). Не всегда попытки китайских авторов подражать западным образцам были успешны: например, из-за различия языковых систем не получилось перенести на местную почву европейский сонет.

2) Интересные изменения произошли с новейшей китайской поэзией в конце XX — начале XXI века. Современные исследователи утверждают, что её можно разделить на два уровня:

1) близкий к традициям реализма и официальной литературе традиционализм;

2) поэтический авангард, появившийся ещё во времена «культурной революции», который можно условно разделить на три временных периода: 1980-е, 1990-е и 2000-е годы.

Поэтов андеграунда называют «новыми поэтами», «экспериментаторами», «авангардистами». Их творчество часто было непонятно для большинства читателей, поэтому их иногда называли «туманными поэтами». Исследовательница современной китайской поэзии Ю. А. Дрейзис выделяет следующие черты этого направления:

«Историзм мышления; глубокая, выходящая за рамки конкретных эпизодов истории и отдельной личности рефлексия; сближение поэтического искусства с философией; использование мотивов одиночества, утраченной молодости».

сти, крушения идеалов и веры; мятежный дух сопротивления; романтический идеализм; чувство ответственности и высокой миссии поэта в обществе; стремление к свободе творчества и самовыражения в поиске гармонии жизни; поиск новых способов поэтической выразительности: свежие метафоры и новизна символики, акцент на чувственном воздействии (цветом, ритмом)».

Одним из самых ярких представителей «туманной поэзии» был «китайский Есенин» Хай-цзы, переводы ярких солнечных стихотворений которого есть в сборнике Юрия Ключникова. По мнению ряда историков китайской литературы к концу жизни Хай-цзы стал писать все более ясно. Сегодня «туманная поэзия», представляющая собой качественный литературный модернизм, но в значительной степени наследующая традиции классической поэзии, подвергается критике и отрицанию со стороны самого последнего поколения китайской поэтической молодёжи, ориентирующейся на сугубо городские ценности, публикации в интернете и западные постмодернистские эстетические стандарты. Таким образом, в современной литературе Китая происходит битва за то, каким путём пойдёт китайское общество и цивилизация — национальным или вестернизированным.

Новая и новейшая поэзии Китая — её более «традиционное крыло» — представлена в сборнике переводов Юрия Ключникова.

7. Поэзия и чиновничество

Жизнь Китая с древнейших времен была устроена таким образом, что управляющий слой великой страны (чиновники) должен был заниматься поэзией, знать её, уметь писать стихи и даже сдавать экзамен, подтверждающий

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

это знание и умение. Это оказывало огромное влияние как на маленькое, чиновничье, существование, так и на большое, народное бытие. Искусство чиновничьей карьеры было проработано в китайской традиции настолько мощно, что эти темы до сих пор подробно изучаются в западных бизнес-школах и центрах по обучению менеджменту. Однако тема знания поэзии как важного фактора успешной карьеры и воспитания зрелого отношения к жизни почему-то не освещается на Западе. На самом деле погружение в поэзию формировало в сознании чиновника такие качества, как любовь к Китаю, патриотизм, милость к падшим, чувство справедливости, честность, тонкость подходов.

Надо сказать, что практически любой китайский древний и средневековый поэт был человеком, глубоко подготовленным к выполнению творческой миссии. Его учили, воспитывали и образовывали несколько десятилетий. Он изучал конфуцианские каноны, философские трактаты, социальные ритуалы, штудировал поэтические антологии, постигал искусство каллиграфии. Без этого огромного периода учения (иногда длившегося 30—35(!) лет) он не мог сдать экзамен и стать чиновником. Подобную роскошь (другого слова здесь не подберёшь) могла позволить себе только богатая зажиточная семья, но никак не крестьяне, вынужденные задействовать своих детей в тяжёлом труде с малых лет. Поэтому крестьян среди поэтов не было.

Иногда клан поэтов пополняли неудавшиеся чиновники, но это тоже было сравнительно редко, нужно было кормить семью. Чаще всего поэтами становились как раз чиновники состоявшиеся, успешные. Правда, порой они оставляли блестящую карьеру в столице и перебирались в какую-нибудь глушь, поближе к ручьям, водопадам и горным пейзажам, но всё равно жизненной философией

такого чиновника была идея служения государству. И для того, чтобы усмирить до конца не изжитое честолюбие поэта, которое могло бы вырасти при обретении им известности, в Китае применялся обычай смены стихотворцем своего имени и места жительства. Об этом в своём стихотворении Ю. Ключников сказал так:

*«Как прав был некогда Китай:
Едва лишь славой напомадясь,
Бард покидал семью и край,
Менял фамилию и адрес».*

Такая «перезагрузка» и «обнуление», проходившие иногда несколько раз за жизнь, были очень полезны для духовного состояния поэта, которому приходилось мобилизовывать все силы, чтобы и на новом месте на него продолжал изливаться поток вдохновения.

Да, писать стихи умел каждый чиновник Китая, но не все из них стали настоящими поэтами, вошедшими в стихотворные антологии. Всё-таки искру подлинного таланта не заменит даже самый упорный регулярный труд. Но бескорыстный труд во имя людей, государства, поддержания незыблемого порядка вещей, согретый гуманистическим чувством, был основной нравственной ценностью, движущей поведением древнего и средневекового китайца. И когда талант и труд соединялись, рождались великие стихи.

Как писал исследователь китайской поэзии Л. З. Эйдлин:

«Через всю историю китайской поэзии проходит внимание к человеку, сочувствие, а впоследствии и служение ему. Идея нравственной жизни была главенствующей в китайской литературе. (Не в этом ли также одна из причин сохранности китайской старины?)».

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

В силу этого поэзия, даже самая интимная и лирическая, содержала в себе элементы дидактики и воспитательной направленности, правда, ненавязчивые и растворённые в потоке образов и чувств. Ведь большинство поэтов того времени были моралистами. По-другому быть не могло, ведь, в силу чиновничьих занятий, их жизнь проходила на виду у других людей. Поэтому взяточник, халтурщик, просто невнимательный к бедам других людей чиновник не смог бы восприниматься современниками, как хороший поэт, даже если бы обладал даром версификации: слишком сильна была моральная цензура в тогдашнем обществе.

При этом неотъемлемой частью поэтической философии древнего и средневекового китайца была идея отшельничества. Можно сказать, что поэт нередко уставал быть конфуцианцем, и ему хотелось побыть даосом. Правда, подобное отшельничество, как правило, не предполагало полного удаления от мира, как это делали индийские йоги и христианские пустынножители. Нередко оно ограничивалось удалением от столицы, прекращением общения с правителями и переездом вместе с семьей в сельское уединение, где поэт-чиновник обзаводился новыми друзьями и соседями и занимался крестьянским трудом. Такое состояние души и ландшафт, гораздо более «естественные» (в даосском смысле), значительно лучше поддавались эстетизации и воспеванию в стихах, нежели жизнь при дворе какого-либо правителя. При этом сельское уединение поэта отнюдь не было аналогом современного эгоистического дауншифтинга и всё равно предполагало служение людям и миру.

Чем занято сознание такого «служивого» человека в сельском уединении? Прежде всего, созерцанием окружающего мира, всматриванием в природу, наблюдением за

жизнью (чиновнику по долгу службы приходилось много общаться с окружающими и решать их проблемы) и познанием людей. Какой-нибудь разговор или картинка легко могли стать источником поэтического вдохновения. Отсюда дневниковый характер тогдашней китайской поэзии, присущий ей и до сих пор. Достаточно почитать, к примеру, стихи самого крупного чиновника — Мао Цзэдуна, чтобы убедиться в том, что и его тематически разнообразная поэзия представляет собой, прежде всего, лирический дневник переживаний политика и поэта, фиксирующий мысли о событиях его жизни.

Кстати, сочетание поэзии и государственной службы — чисто китайская социальная черта. В России крупный поэт или писатель редко становился чиновником, можно вспомнить лишь несколько аналогичных примеров: М. Салтыков-Щедрин, Ф. Тютчев, в советские годы А. Твардовский, С. Михалков...

Надо сказать, что жизнь китайского чиновника отнюдь не была сахаром и мёдом. Нередко он попадал в некий исторический переплёт и оказывался в тюрьме, и дело могло не ограничиться пожизненным заключением. По законам того времени он не мог служить в тех местах, где родился и вырос (уже тогда китайцы прозорливо относились к возможной коррупции и пресекали её).

Но что означает служение родине на чужбине, даже в пределах одного государства? Конечно же разлуку с родной землёй, родителями, женами, любимыми, друзьями. А разлука — это почти всегда исток грусти. Но трудно всё время грустить, психика человека устроена так, что нужно заменять негатив на положительные эмоции. Подобным плюсом становится эстетизация грусти, любование ею и превращение её в хорошие стихи. И вся китайская древняя и средневековая поэзия, более чем какая-либо дру-

гая, пронизана любованием переливами грустных чувств. Грусть может вызывать в жизни не только разлука, но и неразделённая любовь, обманутые надежды, неизбежные потери близких, старость, смерть. Ничто из перечисленных поводов для печали не приводило китайских поэтов к отчаянию и к потере надежды. И это при том, что в жизни даже самых крупных мастеров пера в Поднебесной бывало всякое — даже ритуальное, но вполне реальное самоубийство, иногда в форме китайского харакири. На трудности и вызовы судьбы китаец, по крайней мере древний и средневековый, привык отвечать терпением. Лишь в XX веке с приходом в страну Жёлтого дракона «красного проекта» китайский национальный характер сделался более активным и стал принимать жизненные удары с опережающей реакцией.

8. Глубинная суть китайской поэзии

Что такое китайская поэзия для самих китайцев? Какова её глубинная суть и предназначение? Ключ к ответу на эти вопросы даёт, на мой взгляд, формула, выраженная в одном из комментариев к древней исторической летописи «Чуньцю» («Вёсны и Осени»): «Поэзия — это воля, выраженная посредством слов». На что направляли лучшие китайские поэты эту волю? Более всего — на гармонизацию мира и человеческого сознания, которое под влиянием поэтического потока чувств, образов и мыслей должно было настроиться на волю Неба и следовать ей. Поэты стремились смягчить жестокости и улучшить нравы, ведь соприкосновение с прекрасным затрагивает глубинные струны в человеческом сердце, воздействует на совесть и воспитывает способность к состраданию. Старались дать импульс, облагораживающий человеческую душу, которая

под влиянием высокой поэзии должна была проснуться и устремиться к самому высокому и прекрасному, что есть во Вселенной, — к Дао, представлявшее собой непостижимую высшую реальность, которая в Китае отличалась от западного Бога и была растворёна в Природе.

В китайских стихах можно найти немало строк, где говорилось о смерти, причём это делали поэты, объявлявшие себя старцами в возрасте сорока лет, что позволяло им поднимать самые серьёзные онтологические вопросы и пытаться давать на них ответы. Но они воспринимали земную жизнь как небольшую часть большого небесного странствия — сказывалась вера в реинкарнацию, которая укрепилась в китайской традиции после прихода в Поднебесную чань-буддизма. Но жизнь — это ещё и подготовка к смерти через поэтапное воспитание в себе духовно необходимых качеств, о чём очень хорошо сказал Конфуций:

«Учитель сказал:

В 15 лет я устремился к учёбе,

В 30 лет стал самостоятельным,

В 40 лет освободился от сомнений,

В 50 лет познал веления Неба,

В 60 лет стал проникновенен слухом,

В 70 лет следую желаниям сердца

И не нарушаю правил».

(пер. А. Е. Лукьянова)

Поэтический перевод этого стихотворения, сделанный Ю. Ключниковым, выглядит так:

«Учитель поведал:

— С пятнадцати лет

Я понял — без мудрости жизни мне нет.

Ещё раз число этих лет пролетело,

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

Как Дао отдал свою душу и тело.
Сомнения и слабости в сорок изгнал,
Свой будущий путь до конца осознал.
Обрёл в пятьдесят нерушимую веру,
Стал правду от лжи в шестьдесят отличать.
А в семьдесят сделал привычкою меру —
На крайности все налагаю печать».

Китаевед З. Г. Лапина, дала высокую оценку эту интуитивному переводу, подтвердившему её вывод, что Конфуций обозначил здесь не просто возрастные вехи, но — зашифрованные ступени духа.

Грусть о земном, пронизанная тоской по вечному и устремлением к нему, не могла не пробудить в сердцах людей печаль о ближнем, если он страдает. Гуманизм китайской поэтической традиции, имеющий философское обоснование, — в идеях человеколюбия и сострадания, пронизывающих конфуцианскую этику. А повод для сострадания у поэтов был, поскольку они принадлежали к более высокому, нежели простолюдины, сословию чиновников. То, что простые люди, крестьяне, слуги страдали от бедности и произвола властей с их суровыми законами, чиновники хорошо видели и, что называется, по долгу службы, и благодаря способности читать истину в человеческих душах. Поэтому они не просто сопереживали несчастным в стихах, но и нередко обличали власть имущих и призывали остальных не мириться с вопиющей несправедливостью. Знаменитое стихотворение Бо Цзюйи о халате, переведённое Ю. М. Ключниковым, как раз об этом: «Чтобы в тёплый халат облачиться могли десять тысяч раздетых, простых бедняков».

Разумеется, поэты седой древности не знали других порядков и строя, чем тот строй, в котором они жили.

Правда, их взгляд на мир и государственное устройство был во многом сформирован под влиянием представлений о Золотом веке, во время которого Верховный Правитель Поднебесной, считавшийся Сыном Неба, мудро и справедливо управлял порядком вещей. И когда поэты, сталкиваясь с реальностью, видели, как она далека от морального идеала, то они, рискуя карьерой, а иногда и жизнью, выступали, но не против правителя, а против поборов, властей и чиновников, то есть в какой-то степени против своего сословия и самих себя.

Немудрено, что их сурово наказывали, выгоняли со службы, ссылали в дальние края, а иногда и казнили. Но голос поэтов, взывавших к милосердию, продолжал звучать и звучит до сих пор сквозь века. Л. З. Эйдлин писал об этом:

«Поэты-печальники, поэты-обличители, поэты-заступники — как иначе назовёшь тех великих и их товарищей и соратников, кто (в особенности в танское и сунское время), рискуя карьерой и жизнью, и теряя высокие посты, и погибая в ссылке в диких, нетронутых цивилизацией тех веков краях, выступал в защиту крестьянина и призывал к доброму обращению с человеком, — поэты эти были проникновенными лириками. Лирика старых китайских поэтов отражает сложность душевных переживаний людей их времени, но и отвечает нашим нынешним мыслям и чувствам».

Исследователи китайской культуры и поэзии справедливо указывают, что боль за отдельного маленького человека перерастала в боль за народ и страну — история Китая, подвергавшегося вторжениям и захватам, была очень трудной на протяжении тысячелетий. Отсюда глубокий патриотизм китайской поэзии, сохранившийся до наших дней.

Но можно ли сказать, что печаль и грусть — это основные настроения китайской поэзии и что она закрыта для радости? Конечно, нет, и если внимательно вчитаться в образы и переживания большинства поэтов Поднебесной, то мы увидим, что они переполнены радостью, восхищением красотой этого мира. Но эта радость, как и всё китайское, очень тонкая субстанция, и стихи нигде не внушают это чувство «в лоб». Всё очень тонко, завуалировано, спрятано в подтекст, немного затенено. Стихи излучают радостную гармонию и зовут читателей к ней. Они наполнены восхищением перед этой жизнью с её текучестью и мимолётностью, в которой находится место и для любования природой, и для творчества, и для общения с дорогими друзьями, и для совершения добрых дел, и для познания тайн мироздания.

Немалое место в китайской поэзии занимает тема любви мужчины и женщины. Стихи воспевают красоту чувств, верность и преданность возлюбленных друг другу, которая иногда вознаграждает длительную разлуку счастливым воссоединением, а иногда заканчивается потерей. Но память остаётся, и верность продолжает храниться. Глубоко разработанные темы любовной лирики присутствуют ещё в древнем «Ши-цзин» и расцветают у Ван Вэя, Ли Бо, Ду Фу. Древние тексты опираются на эротическую космологию китайцев, рассматривавших союз Неба (оно олицетворяло собой мужское начало) и Земли, в которой древние люди видели женское начало, как основу мироздания. Дождь или росу китайцы считали результатом космического соития.

Соответственно и «интимные отношения между людьми тоже воспринимались через призму соития божественной пары» (М. Е. Кравцова). Надо сказать, что конфуцианская этика, боровшаяся с чувственностью, не

позволяла поэтам таких вольностей в разговорах о любви, какие были присущи народным песням. Интимные отношения воспринимались как естественные, однако греховной считалась слишком сильная любовная эмоция, страстность, которой нужно управлять. Потому ранняя любовная лирика несколько дидактична и пронизана идеями сдержанности.

9. Китайская поэзия и легенды о Шамбале

Целый ряд мифов, легенд, преданий Древнего Китая, наконец его сакральные знания говорят о священной стране Востока — Шамбале, которую различные эзотерические источники чаще связывают с Индией и Тибетом. Китайские истоки этих легенд, фантазии и реальные выводы, которые позволяет сделать сегодняшнее состояние науки, подробно и убедительно анализируются китаеведом А. А. Масловым в его работе «Страна мудрецов». Он показывает, что эти легенды связаны с мифической горой Китая Куньлунь:

«Гора Куньлунь, расположенная на северо-западе страны, во многом удивительным образом напоминает нам Шамбалу. Обратим внимание на то, как описывает эту местность один из древнейших трактатов-схем «Шань хай цзин» («Канон гор и морей»): «В пределах морей, на северо-востоке, находится гора Куньлунь. Это земная столица предков. Гора Куньлунь занимает в окружности восемьсот ли (около 450 км), в высоту она вздымается на десять тысяч жень (около 40 км)... Здесь живёт множество богов. По восьми краям высятся отвесные скалы, их окружает река Красная. Не обладающие таким совершенством, как Охотник (умелый герой китайских мифов. — А. М.), не могут подняться на отвесную скалу». Сразу бросается

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

в глаза, что и Шамбала и Куньлунь окружены горами с восьми сторон (по другим версиям — восьмью горами), которые опоясывает река».

Впервые упоминания о Шамбале встречаются в тибетских священных книгах, связанных с традицией Калачакры, которые включают в себя «мандалы» — изображения божеств и место их священного пребывания в виде круга. Работа А. А. Маслова показывает, что «сооружения мандал можно встретить в китайском Тибете, и считается, что они в точности имитируют мандалу Шамбалы». Даже императорский дворец в Китае, называемый «минтан» («Пресветлый престол») и предназначенный для приёмов, был построен как символический зал инициации в центре столицы Шамбалы. Тибетские мандалы традиции Калачакры, связанные с Шамбалой, и китайские мандалы очень похожи друг на друга. А гора Куньлунь — обитель бессмертных, именуемая в китайской традиции «земной столицей небесного Предка», находится, по мнению современных учёных Поднебесной, в провинции Ганьси, где в первой половине II тысячелетия до н. э. жили древнетибетские племена.

Какое отношение эти древние и пока ещё не принятые до конца наукой легенды имеют к китайской поэзии? Более прямое, чем может показаться. Образ священной горы Куньлунь многократно встречается в стихах и древних, и современных китайских поэтов, воспевающих таинственные грани этой волшебной горы. Не один раз упоминается Куньлунь и в стихах Мао Цзэдуна, который посвятил ей отдельное стихотворение, где задумался над её земным будущим. Ю. М. Ключников сделал вольный перевод этого стихотворения и отметил, что Мао Цзэдун наверняка знал о сакральной природе этой горы больше, чем мы думаем, и опирался в своей интуиции на могучего предшественника — Тао Юаньмина, который ещё в IV

веке свои мечты о едином источнике знаний воплотил в своей знаменитой поэме «Персиковый источник».

Юрий Ключников указывает в комментарии к поэме, что в ней присутствуют «мотивы общемировой легенды о Шамбале и Тэбу Азии, которую искал в своих восточных походах Александр Македонский, о стране «пресвитера Иоанна» средневековых хроник Европы, о Беловодье русских летописей, наконец, о «Земле Санникова» советского академика Обручева и других мечтателей самого последнего времени».

Весьма вероятно, что Мао Цзэдун владел серьёзной информацией о силе этой горы, если пожелал в стихах, чтобы этот горный хребет в целом принадлежал всему человечеству. Сакральные истоки китайской поэзии ещё предстоит исследовать, но ясно одно — тайн здесь действительно много.

10. Китайская, российская и мировая поэзия

Длительное время китайская поэзия развивалась автономно. Удивительно, как она сумела при этом достичь таких невероятных успехов?! Однако с конца XIX столетия интеллигенция Китая стала активно осваивать культуру Запада, Востока (Тагор, японская поэзия) и России. Сама китайская поэзия оказала огромное влияние на мировую культуру и литературу. Она поразила Запад своей тонкостью, изяществом, вербальной лаконичностью, богатой эмоциональной палитрой, глубоким символизмом, необычными образами, экзотическим орнаментом, искренностью и простотой. Многие поэты в мире захотели осмыслить китайскую поэзию и писать «под китайцев». Стихи китайских поэтов начали все активнее переводить в Европе и США, причём занимались этим известные поэты — немецкие романтики, французы Поль Клодель (1868—1965) и Сен-Жон

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

Перс (1887—1975), американец Эзра Паунд (1885—1982) и сотни, а то и тысячи других, менее известных, но высоко профессиональных литераторов. Завязался диалог между китайской и мировой литературой.

Китайские читатели высоко оценивают русскую поэзию, что проявляется как в характере обычных литературных индивидуальных пристрастий, так и в государственной образовательной политике. И хотя наибольший интерес из русской литературы вызывает проза (И. Тургенев, Л. Толстой, А. Чехов, М. Горький, Н. Островский, М. Шолохов), читают в китайских переводах и русскую поэзию. В школьную программу входят стихи А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, С. Есенина, В. Маяковского, Н. Рубцова, А. Ахматовой. В литературоведческих монографиях исследуются и упоминаются К. Рылеев, И. Крылов, А. Грибоедов, З. Гиппиус, К. Бальмонт, А. Белый, Б. Пастернак. Исследовательница темы «Образ России в современном Китае» Н. Тэн утверждает, что «за десять лет, с 1996 по 2006 год, все издательства Китая опубликовали не менее 90 книг А. Пушкина, 20 книг М. Лермонтова, 6 книг Есенина». Разумеется, книги в Китае традиционно выходят большими тиражами, и поэтому прочитывают их миллионы людей.

Интерес к русской поэзии в Китае поддерживается на самом высоком уровне. Так, нынешний китайский лидер любит и хорошо знает русскую классическую литературу, которая прямым образом повлияла на его политическую судьбу. Вот что рассказал Е. Бажанов:

«Как признался Си Цзиньпин, именно в тот тяжёлый период левацких перегибов в Китае он прочёл многие выдающиеся произведения русской и советской классики: «Войну и мир», «Воскресение» и «Анну Каренину» Толстого, «Братьев Карамазовых» Достоевского, шедевры Че-

хова, Тургенева, Гоголя, Шолохова, Фадеева. Особое место в сознании Си Цзиньпина заняло творчество Чернышевского. Во время «культурной революции» нынешний руководитель КНР был сослан в деревню, жил и трудился в спартанских условиях, страдал морально и физически. Но как-то ему попал в руки роман «Что делать?», и Си Цзиньпин решил брать пример с русского революционера Рахметова. Тот, чтобы закалить волю, спал на гвоздях. Юный Си с той же целью умышленно бродил под дождём по лужам, выходил в поле в снежный буран».

На встрече с В. В. Путиным китайский лидер заговорил о Лермонтове и рассказал о городе Сямэнь, в местном университете которого есть памятник русскому поэту, причём напротив памятника китайскому мыслителю Конфуцию, что, по мнению Си Цзиньпина, говорит о равнодушном отношении Китая к России. Затем он процитировал: «Белеет парус одинокий...»; интересна его трактовка стихотворения русского гения: в мятежности Си Цзиньпин видит «твёрдую волю и упорную борьбу», помогающую плыть против течения и преодолевать трудности. Оттолкнувшись от образа «паруса», китайский лидер перенёс поэтическую метафору в сферу большой политики: «Надеюсь, обе наши страны будут продвигаться вперёд, чтобы корабль наших двусторонних отношений шёл в большое плавание на полных парусах!».

Одновременно с китайским интересом к русской литературе и поэзии в России зародился встречный интерес к Китаю и его культуре. Русская интеллектуальная элита захотела изучать Китай, который постепенно становится всё более модным и привлекательным. Стала зарождаться наука о Китае. Одним из наиболее известных основателей отечественной синологии был архимандрит Русской православной церкви Иоакимф (в миру Никита Яковле-

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

вич Бичурин), свободно владевший китайским языком, не один раз бывавший в Китае. В его экспедиции 1830 года планировалось участие Пушкина (друга Бичурина). Если бы оно состоялось, то наверняка русская литература обогатилась бы прекрасными стихами и путевыми заметками русского гения о его посещении таинственной земли с образами драконов и древних богов.

Позднее в России осмыслять и популяризировать философское наследие Поднебесной начал Лев Толстой, включивший в сборник афоризмов высказывания китайских мудрецов. Цитаты из Лао Цзы можно встретить и у Николая Лескова. Переводили китайских поэтов Афанасий Фет, Михаил Михайлов, Дмитрий Минаев, Василий Курочкин, Константин Бальмонт, Николай Гумилёв, Анна Ахматова, в советское время стихотворные переводы с китайского языка делали Николай Асеев, Самуил Маршак, Василий Алексеев. Хорошо известны имена современных крупных переводчиков: это Николай Невский, Юлиан Щуцкий, Алексей Штукин, Александр Гитович, Лев Эйдлин, Борис Васильев, Александр Бобров, Леонид Черкасский, Лев Меньшиков, Борис Вахтин, Леонид Бержин (Бадалкин), Аркадий Штернберг.

Большую работу по сближению культуры и литературы Китая и Россия вели и ведут отечественные китаеведы, историки, культурологи, писатели, журналисты, — М. Л. Титаренко, В. Г. Буров, Л. С. Васильев, Н. А. Виноградова, В. Г. Гельбрас, А. И. Кобзев, П. М. Кожин, Б. М. Новиков, Э. А. Синецкая, Е. А. Торчинов, М. В. Крюков, В. В. Малавин, А. А. Маслов, Л. С. Переломов, М. В. Софронов, Н. Н. Чебоксаров, М. Е. Кравцова, В. Ф. Феоктистов, О. Е. Непомнин, В. Н. Усов, Л. С. Переломов, И. Т. Зограф, О. Л. Фишман, Н. М. Азарова, Б. Б. Виноградский, Ю. В. Тавровский, Ю. А. Дрейзис, В. Г. Бондаренко.

Говоря о взаимодействии китайской и русской культуры, нельзя не сказать о таком интереснейшем явлении, как русская литературная эмиграция в Китае. В Китае до Второй мировой войны издавались газеты и журналы на русском языке (самым известным был харбинский «Рубеж»), шёл активный культурный диалог между русскими и китайскими литераторами. В Шанхае и Харбине, благодаря стараниям эмигрантов, появились русские симфонические оркестры, театры, оперетта и опера. Как писал доктор филологических наук Ю. И. Минералов, в период с 1918 по 1947 год только в Харбине и Шанхае вышло более 200(!) поэтических сборников русских авторов, постоянно живших на китайской земле. Самыми известными русскими поэтами Китая были А. Несмелов, В. Перелешин, М. Колосова, Ю. Крузенштерн-Петерец, А. Ачаир, О. Скопиченко, Л. Андерсен, В. Обухов, Г. Сатовский-Ржевский, Н. Щёголев, М. Щербаков и конечно же А. Вертинский, который жил в Шанхае с 1935 по 1943 год. Китайский литературовед Мяо Хуэй отмечает, что «...русская эмигрантская литература в Китае сохранила не только характерные для литературы «серебряного века» особенности культуры России, но вобрала в себя и многие черты китайской культуры. Её отличают яркая индивидуальность, присутствие местного колорита, глубокая и искренняя тоска по покинутой Родине, неповторимый этнический стиль».

Исследователь этой темы Александр Мельник, написавший яркую и подробную статью о судьбах эмиграции, говорит о том, что после «культурной революции» активность русских эмигрантов в Китае серьёзно ослабела, однако сейчас литературные процессы начинают возрождаться и китайская поэзия продолжает влиять на творчество русских поэтов, живущих в Поднебесной.

11. Интерес к китайской поэзии в современной России

Интерес к китайской поэзии в России всегда был велик и в последние десятилетия только вырос. Это связано с впечатляющими успехами китайской цивилизации. Китай становится мировым лидером во всех сферах жизни. Но в основе плодотворного развития любой цивилизации — духовная культура, религия, философия, искусство, литература. Естественно, что лучшие духовные, культурные и художественные достижения такой успешной страны, как Китай, нужно распространять и пропагандировать. Это делает, прежде всего, сам Китай, но участвуют в расширении пространства культурного взаимодействия и те страны, народы которых симпатизируют его менталитету. Россия, безусловно, входит в число таких стран, и количество разнообразных публикаций, посвящённых китайской теме, в нашей стране растёт.

Поэзию Поднебесной, как древнюю, так и современную, переводили и в советское время, но в последние десятилетия она всё активнее осваивается читателями: появляются новые переводы и исследования учёных-востоковедов, издаются сборники китайских стихов, переводимые российскими поэтами. Китайская поэзия всегда была любима в России, и потребность в подобных изданиях никогда не была удовлетворена в полном объёме.

Пропагандой китайской поэзии сегодня в значительной степени занимаются не только востоковеды и академические институты, но и частные издательства. Практика показывает, что чисто научные переводы, даже самые добротные и основательные, не вызывают большого интереса у публики в силу того, что они, по сути, предназначены для специалистов. К сожалению, и литературные пе-

реводы в последние десятилетия часто делаются поэтами, далёкими от понимания высокой духовной культуры Китая и не достигшими высот литературного мастерства советской переводческой культуры, во многом утраченной.

12. Влияние китайской поэзии на литературу андеграунда

Китайская классическая поэзия оказала влияние и на такую, казалось бы, далёкую от неё область литературы, как современный российский поэтический авангард. Об этом ёмко пишет Б. Колымагин. Пробовали освоить опыт китайской поэзии С. Бирюков, В. Герциг, В. Ваталов, В. Аристов, М. Файнерман, В. Эрль. Но это влияние не стало попыткой наших авангардистов проникнуть в глубину классической поэзии и постичь её дух, а в основном ограничилось формальным копированием стиля, подражанием китайской экзотике и экспериментальным стремлением превратить русское поэтическое слово в иероглиф, заставив его звучать по-китайски, придумать «листовертни» (слова, звучащие наоборот), записать стихотворение в два или несколько столбиков. Это превращает в переводе богатейшую по смыслу и тончайшую душевную поэзию Китая в холодный искусственный текст, подчинённый постмодернистской эстетике.

Более серьёзную попытку освоить китайскую поэтику предпринимали такие известные авторы, как О. А. Седакова, Н. М. Азарова, А. М. Тавров, Е. А. Коцюба, Д. Е. Авилиани, В. Н. Некрасов. Они попытались соединить авангардный подход с проникновением в дух древности. Н. М. Азарова в 2012 году к 1300-летнему юбилею Ду Фу выпустила книгу переводов поэта, а в 2017 году в журнале «Новый мир» опубликовала интересную статью о Мао Цзэдуне.

Особый подход к переводам китайцев продемонстрировал крупнейший эксцентричный американский поэт и переводчик Эзра Паунд, пытавшийся проникнуть в самую сердцевину каждого переводимого им стихотворения. Его метод называния вещей позволяет, как он полагал, сохранить неуничтожимую никакими переводами на другой язык сущность поэзии. О его творческом методе переводчика написал подробную и глубокую статью китаевед В. В. Малявин, а знаменитый американско-английский поэт Томас Стерн Элиот назвал Паунда «изобретателем китайской поэзии для нашего времени». «Каждое поколение должно само переводить для себя, — полагал Элиот. — Это означает, что китайская поэзия, какой мы знаем её сегодня, есть нечто, изобретённое Эзрой Паундом. Не существует китайской поэзии в себе, ждущей некоего идеального переводчика, который будет единственным переводчиком».

Сделанный Паундом сборник китайской поэзии «Китай» (так на средневековом Западе называли эту таинственную страну) имел шумный успех и вызвал большую критику. Многие современные авангардисты видят в нём кумира и воспринимают его переводы как поэтический ориентир.

13. Нужно ли переводить китайскую поэзию русским рифмованным стихом?

Какие переводы китайской поэзии на русский язык сегодня важнее — научные или вольные? Особая точка зрения, активным сторонником которой является автор этой книги Ю. М. Ключников, исходит из того, что наилучшим способом пробуждения интереса к китайской поэзии в России и её популяризации являются именно

вольные переводы, органично вписывающие стихи Ли Бо, Ван Вэя, Ду Фу и других авторов в русскую поэтическую метрику. А она более всего близка российскому читательскому сообществу. Такой подход созвучен китайскому подходу к любым культурным заимствованиям, успешность которых может гарантировать только их «китаизация» по форме. Столь же плодотворны для диалога поэтических культур поэтические интерпретации стихов зарубежных поэтов, выполненные в русле русской стихотворной традиции. С этой точки зрения перевод Лермонтовым стихотворения Гёте «Горные вершины...», опубликованный и повторённый в отечественных изданиях сотни тысяч раз, думаю, сделал для популяризации творчества немецкого гения в нашей стране не меньше, чем международные институты имени поэта.

Но есть и другая точка зрения, согласно которой вообще не нужно пытаться русифицировать перевод: чем точнее будет передана буква, тем чище будет передан дух первоисточника. Наиболее жёстко выразил эту точку зрения талантливый и глубокий переводчик с китайского И. С. Смирнов, размышляющий о дилемме: имитировать оригинальность, добиваясь в переводе отличия одного стихотворения от другого с помощью оживляющей подстрочник русификации, или стремиться погрузить читателя в стихию инородной поэтики с ее законами? Он пишет: «Выход может быть только один. Не потворствуя, насколько возможно, вкусам и привычкам русского читателя, приучить его постепенно к существованию иной поэтики, иного представления о поэтичности, а количеством разнообразных переводов даже создать необходимый для глубокого понимания китайских стихов поэтический контекст».

И. С. Смирнов предлагает переводчику стараться «останавливать себя всюду, где возникло намерение

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

украсить, разнообразить, додумать, оживить китайский оригинал...», и приходит к идее отказа от рифмы во имя точности. С ним отчасти соглашается другой известный переводчик С. А. Торопцев, выпустивший в 2017 году книгу китайских переводов «Три вершины, семь столетий»: «Рифма нужна, но не ориентированная на полную, богатую рифмовку русской классики».

Подобный подход возможен, правилен и даже необходим, если речь идёт о научно-литературных «востоковедческих» переводах, особенно в тех случаях, когда учёный пытается сделать свой перевод максимально точным. Такая строгость ставит заслон самоуверенному переводческому дилетантизму молодых литераторов, когда поэтические неопиты предпочитают не переводить и передавать дух китайских гениев, а самовыражаться.

Однако, если за переводы берётся настоящий поэт, он руководствуется иной творческой логикой. И в результате создаёт собственную равновеликую оригиналу версию произведения, которая передаёт не столько букву, сколько дух стихотворения. Возможно, его вольный перевод не будет образцом безусловной точности. Но на обычного читателя его авторский перевод произведёт более яркое и запоминающееся поэтическое впечатление. Если посмотреть на все существующие переводы китайской поэзии, мы вынуждены будем признать: за всю небольшую историю синологической переводческой практики в России самыми совершенными в эстетическом отношении были переводы Анны Ахматовой. И вовсе не потому, что она переводила абсолютно точно. А потому, что она была великим поэтом, который в каждом своём стихотворении стремится сохранить набранную высоту. С полноценной русской рифмой переводили китайские стихи Фет, Бальмонт, Гумилёв, Асеев, Маршак. И это вполне допустимо.

Почему мы при переводе не можем русифицировать китайские стихи, если китайцы китаизируют всё, что попадает на их материальную и духовную территорию?!

Конечно, современному российскому читателю нужны оба подхода. Главное, чтобы интерес к китайской поэзии сохранялся и рос.

14. Уникальность сборника «Поднебесная хризантема»

В своё время Л. З. Эйдлин выразил пожелание, какими качествами должен обладать истинный переводчик китайской поэзии:

«Нам могут сказать, что для знакомства с поэзией достаточен прозаический подстрочник, выполненный знатоком языка. Но поэзии равноценна только поэзия. Больше того, поэтическим может быть и подстрочник, если он написан поэтом. (Но тогда он не будет подстрочником?) Мы же ищем поэта, способного передать средствами русской поэзии китайский подлинник. И понимая, что лучше самому поэту уметь читать этот подлинник, мы всё-таки, ввиду трудности и длительности освоения китайской классики (вспомним бедных китайских студентов, десятилетиями готовившихся к экзаменам в чиновники), ищем (и порою находим) такого поэта, который, не зная китайского языка, был бы покорён магией китайской поэзии и занялся бы изучением китайской культуры, и был бы внимателен к замечаниям автора подстрочника, даже помогая последнему своей поэтической интуицией».

Рискну высказать предположение, что сборник «Поднебесная хризантема» и художественное мастерство его автора отвечает высоким критериям, о которых сказал видный отечественный китаевед.

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

1. Данный сборник сделан подлинным, признанным, высоко профессиональным поэтом России, любящим культуру Китая и на протяжении многих лет её изучавшим. Автор более двух десятков поэтических сборников собственных стихотворений, Ю. М. Ключников в течение многих лет занимался переводами лучших образцов мировой поэзии, в частности французской (с собственных подстрочников) и суфийской. Книга его переводов поэтов-суфиев VIII—XX веков «Караван вечности» была представлена в 2015 году на Международной книжной ярмарке в Тегеране. Сборник переводов китайской поэзии — часть международного проекта Ю. М. Ключникова по углублению культурных и литературных связей между разными странами, и, может быть, часть наиболее важная — ведь китайская поэзия самая древняя.

Цель проекта проста — мир и дружба между народами разных культур. Вспомним старинную пословицу: пока музы говорят, пушки молчат...

2. Книга значима уже по одному своему объёму: переведено более 400 стихотворений и миниатюр, а в ряде случаев в поэтической форме изложены древнекитайские притчи и легенды.

Поскольку перевод подобной антологии, гигантской по временной протяжённости, осуществлялся одним человеком, можно сказать, что это беспрецедентный факт в истории переводов китайской поэзии. Несмотря на скромный подзаголовок «Вольные переводы. Подражания. Свободные переложения», это не только сборник стихотворений, но и книга, отвечающая определённым интеллектуальным стандартам, по существу—научно-образовательным и познавательным. Незаметно для себя читатель получит большое количество информации, связанной с китайской историей, философией, литературой.

Наполненная любовью к Китаю, эта информация привлечёт внимание не только к поэзии, но и к самым широким пластам культуры Поднебесной, позволит глубже понять русско-китайские культурные взаимосвязи, увидеть, какое влияние оказала китайская поэзия на русскую поэзию Серебряного века, советскую поэзию и поэзию современную.

Каждое поэтическое имя, представленное в сборнике, сопровождается интересно рассказанной биографией. Книга содержит предисловие автора и послесловие издателя, поэтический словарь терминов и понятий китайской культуры, комментарии к ряду стихов, наконец, собственные стихи автора, посвященные теме Китая.

3. В разные годы самые известные российские литераторы — прозаики, поэты, литературные критики, издатели, принадлежащие к самым разным литературным направлениям, положительно высказывались о поэтическом творчестве Ю. М. Ключникова и о его переводах. О сборнике «Поднебесная хризантема» уже есть предварительные хорошие отзывы специалистов: с рукописью книги ознакомились доктор исторических наук, китаевед З. Г. Лапина, известный китаевед, поэт, переводчик «Книги Перемен» Б. Б. Виноградский, исследователь первый секретарь Союза писателей России и поэт Г. В. Иванов, доктор филологических наук, почетный профессор Шанхайского университета иностранных языков С. А. Небольсин, главный редактор издательства «Вече», поэт, историк и литературовед С. Н. Дмитриев и др. Эксперты отмечают высокую культуру поэтического перевода и литературное мастерство поэта-переводчика, влюбленного в китайскую культуру и сумевшего передать именно дух поэзии великих мастеров слова Поднебесной. Дал позитивную оценку вольным переводам стихов Мао Цзэдуна, выполнен-

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

ным Ю. Ключниковым, и отметил их точность в передаче духа поэзии Великого кормчего профессор Шанхайского университета Чжэн Тиу — один из наиболее известных специалистов по русской литературе.

Ю. М. Ключников в своей работе над каждым стихотворением пользовался как подстрочниками, так и разными версиями переводов одного и того же стихотворения, сделанного другими переводчиками и поэтами. По доступным ему источникам он изучал биографии китайских мастеров стиха, древнюю китайскую философию, духовную культуру и поэзию в течение десятилетий, прочёл несколько сотен самых разных книг, посвящённых теме Поднебесной.

4. Сборник на чисто художественном материале помогает осмыслить сам феномен китайской цивилизации, природу её устойчивости и секреты её успешного развития в современном мире. Китайской стороне может быть безразличен российский взгляд на политические и культурные взаимоотношения России и Китая, восприятие китайской истории и культуры жителями нашей страны.

5. Для читателей будет чрезвычайно интересно новое поэтическое прочтение творчества Мао Цзэдуна (Ю. М. Ключников перевёл 20 стихотворений китайского лидера), где тот предстаёт не просто политическим лидером, в свободное время сочинявшим стихи, но крупным поэтом-традиционалистом, унаследовавшим и развившим линию великих классических поэтов Китая. Поэт-переводчик показывает масштабность его личности через поэтическое творчество лидера китайской революции. По мнению Ю. М. Ключникова, именно Мао Цзэдун перевёл китайский поэтический календарь с лунного на солнечный уровень: после него появились поэты (Ай Цин, Хай Цзы и др.), в творчестве которых культ солнца и воспева-

ние активного Дао в человеке стали встречаться гораздо чаще, нежели раньше. Публикация новой версии переводов поэзии Мао Цзэдуна (они выходили в 1957 году и в 2000-х годах. в издательстве «ВЕЧЕ»), предваряемых размышлениями переводчика о взаимосвязи 1917 и 1949 (год образования КНР) года, особенно актуальна в наши дни. В 2017 году пересеклись сразу две даты: 100-летие русской революции и 60-летие первой публикации стихотворений Мао Цзэдуна в СССР в библиотеке журнала «Огонёк». Интерес к фигуре Мао Цзэдуна в современной России растёт: выходят его переводы, статьи о нём (о чём уже говорилось раньше), появляются исторические романы, где «27-летний стихотворец Мао Цзэдун» — один из главных героев (роман известного писателя Александра Сегеня «Циньен», опубликованный в 2017 году в 10-м номере журнала «Москва») А на телеканале «Культура» глубокий и талантливый поэт, переводчик и философ Владимир Микушевич интересно рассказывает о даосских истоках поэзии Великого кормчего.

6. Для Китая, изучающего новейшую российскую историю, может оказаться небесполезным взгляд крупного русского поэта (речь идёт о Ю. М. Ключникове) обладающего большой исторической интуицией и пытающегося через древнюю поэзию понять феномен мощного цивилизационного скачка своего соседа.

15. Поэзия, идеология и геополитика

В Китае хорошо понимают, какое огромное значение для воспитания народа и молодёжи имеет традиционная культура, литература, поэзии. Это касается и системы образования. В школах дети заучивают длинные поэтические тексты из китайской классики. Педагоги убеждены, что,

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

когда текст усваивается исподволь, его содержание уходит в подсознание и превращается в прочные убеждения. Когда дети повзрослеют, усвоенные ими моральные ценности естественным образом перейдут в сознание. (Между прочим, этот же принцип, только со знаком «минус», используют современные информационные «глобализаторы», в результате чего дети, с малых лет погружённые в виртуальную реальность, в просмотр деструктивной теле-рекламы, усваивают все идеи на бессознательном уровне и к сознательному возрасту превращаются в законченных гедонистов и потребителей).

Классическую литературу в Китае ввели и в систему дошкольного воспитания. Китайцы считают, что, если ребёнок заучивает наизусть классические тексты, даже если он не понимает или слабо понимает их смысл, он всё равно усваивает китайские традиционные ценности, заодно развивая память. Поэтому уже в 2014 году две трети детских садов, включая частные заведения, приняли систему преподавания традиционной культуры с мощным компонентом поэзии. В основе преподавания лежит методика Ван Цзайгуя (Wang Tsai-Kuei), педагога из Тайваня, дисками и книгами которого завалены сегодня книжные магазины Китая. Китайцы считают, что школы, где ведётся преподавание этими методами, являются школами будущего. Результаты работы налицо: у детей улучшаются отношения с родителями и друг с другом, возникает уважение к старшему поколению, убиваемое на корню современным стилем жизни, снижается агрессивность, уменьшается непослушание и улучшается успеваемость по остальным предметам. А главное — развивается личность маленького человека.

Поэзию в Китае пропагандируют на всех уровнях: президент Китая Си Цзиньпин читает стихи Ли Бо и Мао

Цзэдуна на партийных заседаниях и во время посещений Национального музея. О чиновниках уже речь шла, и они по-прежнему, как и тысячелетия раньше, сдают очень строгий экзамен на знание поэзии. Остальным взрослым людям предоставляется возможность приобретать книги классиков поэзии в магазинах, где она в большом объёме продаётся по недорогим ценам.

По объёму выпускаемой книжной продукции Китай сегодня занимает первое место в мире. Действует мощная государственная система книгораспространения, по всей стране работают книжные клубы. Писатели постоянно проводят литературные праздники, творческие встречи с читателями, участвуют в многочисленных литературных фестивалях в своей стране и за её пределами.

Для того чтобы китайскую поэзию знали и любили во всём мире, создана мощная организация — Всемирное общество китайской поэзии. Оно существует около десяти лет, его возглавляет Бэй Та, известный поэт, работающий сразу в нескольких литературных организациях Китая: в Национальном музее современной китайской литературы, Китайском офисе Всемирного конгресса поэзии и Китайском обществе исследований Шекспира. Стихи Бэй Та переведены на более чем десять иностранных языков, и он является крупным организатором многих поэтических мероприятий в разных странах мира.

Недавно делегация во главе с Бэй Та побывала в Санкт-Петербурге, в музее Ахматовой, где встретилась с поэтами нашей Северной столицы, членами поэтической Ассоциации, которую возглавляет известный поэт, энергичный деятель культуры Санкт-Петербурга Алексей Филимонов. Его Ассоциация ведёт большую работу, проводит поэтические форумы, объединяя поэтов разных стран в некое творческое сообщество. Китайцы сами приглаша-

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

ют российских поэтов переводить классику Поднебесной, издают книги на двух языках, участвуют в российских поэтических и переводческих акциях. Не так давно автор этой статьи побывал в московском «Есенин-центре», где состоялась презентация книги переводов стихотворений Сергея Есенина на китайский язык, сделанных уже упоминаемым русистом из Шанхайского университета профессором Чжэном Тиу. Китай — сильная страна и хочет быть ещё сильнее. И поддержка собственной хорошей поэзии в мировом масштабе — прекрасный пример ведущей к победе даосской «мягкой силы»: ракеты могут не понадобиться, стихи обойдутся дешевле. В Китае хорошо понимают, что никакое телевидение и интернет не заменят хороших книг, и активно воспитывают у человека любовь к книге.

Согласно опросам 2008 года, десятка самых читающих стран мира выглядела так:

1. Индия — 10,7 часа в неделю.
2. Таиланд — 9,4 часа в неделю.
3. Китай — 8,0 часов в неделю.
4. Филиппины — 7,6 часа в неделю.
5. Египет — 7,5 часа в неделю.
6. Чехия — 7,4 часа в неделю.
7. Россия — 7,1 часа в неделю.
8. Швеция — 6,9 часа в неделю.
9. Франция — 6,9 часа в неделю.
10. Венгрия — 6,8 часа в неделю.

В 2017 году ситуация изменилась, сказались результаты упорной работы: на первое место в мире вышел Китай (мы, правда, тоже поднялись выше).

На вопрос «читаете ли вы ежедневно или почти каждый день» респонденты разных стран ответили следующим образом:

Китай — 70%
Россия — 59%
Испания — 57%
Италия — 56%
Великобритания — 56%
США — 55%
Аргентина — 53%
Бразилия — 53%
Мексика — 52%
Канада — 51%

Поскольку в Китае поэзию всегда ценили очень высоко, логично предположить, что и стихи в Поднебесной читают больше, чем в любой стране мира.

Отношение к китайцам во всём мире год от года становится всё лучше. Система создания имиджа страны внутри неё построена таким образом, что человек, приезжающий в Китай с предубеждением, должен уехать из страны её другом. И, наверное, постоянное погружение китайцев в мир высоких чувств своих национальных поэтов не проходит даром. Не потому ли китайцы всегда остаются китайцами в любое время и в любой стране, включая США с их мощнейшим идеологическим прессингом? Не потому ли реформы в Китае происходят с огромным позитивом — ведь страна по полной программе использует то богатство чувств, которым поделились с человечеством их эмоциональные гении — великие поэты? И не потому ли наши преобразования до сих пор происходили так медленно и тяжело, что эмоциональное сопровождение реформ отдаёт холодным «эффективным» менеджерам, «молодым технократам», журналистам, торгующим сенсациями, то есть тем людям, в душах которых нет ни крупицы поэзии, ни грана какого-либо гуманитарного начала?

16. Влияние поэзии на цивилизационный скачок Китая

Сейчас многие аналитики пытаются понять, в чем секрет китайских успехов последних десятилетий. Эксперты анализируют экономические стратегии, характер реформ, принимаемые законы, политические шаги руководителей Китая. Попытаемся и мы углубить это понимание, только сделаем это через стихи (в переводах Юрия Ключникова), отражающие внутреннее состояние человека — ведь он — один из элементов триады: Небо — Человек — Земля. А она отличается и от христианской Троицы (в которой только божественные элементы), и от известной либеральной триады, состоящей из чисто человеческих понятий: свобода, равенство, братство.

Как китайцам удалось пронести свою духовность и черты национального характера через тысячелетия и века и не поддаться самым разным влияниям, направленным на растворение этого многообразия и достижений?

Убеждён что во многом благодаря творчеству поэтов Поднебесной. Китайская поэзия с её лаконичностью, обилием глагольных форм, выражающих текучесть мироздания, свободой, особой рифмовкой, иносказательностью и глубоким символизмом образов — уникальное явление в мировой художественной культуре.

Каким образом поэзия повлияла на успехи китайской цивилизации?

Выскажу свою точку зрения, к которой пришёл в результате внимательного изучения данной проблемы. На протяжении тысячелетий поэзия была важнейшим фактором национального бытия, популярным среди всех китайских сословий. Стихами увлекались императоры, придворная знать, чиновники, городские жители и даже

крестьяне. Поэзия незримо спланивала народ и облагораживала всю систему государственного управления, что резко отличало культурно — духовную атмосферу Китая от традиций Запада (прежде всего англосаксонского), где в определённые эпохи высшие сословия нередко скрывали свои поэтические занятия за псевдонимами. Так, главный «подозреваемый» на роль Шекспира Френсис Бэкон входил в британскую элиту и публиковаться под своим именем для него было несолидно. Да и в России поэзия стала восприниматься высшими сословиями как достойное занятие лишь после Пушкина. Но в Китае заниматься поэзией всегда было престижно и модно, и она постепенно стала своего рода духовным скрепом, формирующим в человеческой душе самые лучшие нравственные качества. В древности и в эпоху средневековья поэзию рассматривали как средство воспитания народа, понимание которого необходимо для правителя:

«Всякий, кто хочет стать хорошим правителем, должен изучать поэтов через посредство стихов, верно отражающих истинные чувства народа, покорного своему правителю. Добродетельные государи древности смогли установить идеальный порядок в отношениях между мужем и женой, научить сыновей почтительности, а также почитать тех, кого следует почитать».

Если элита была обязана хорошо знать поэзию, то до простого, неграмотного народа стихи доходили через уличных сказителей и театральных актеров. Поэзия обожествлялась настолько, что было запрещено уничтожать любую бумагу, на которой были написаны стихи в виде иероглифов. Укрепляя почитание традиционных ценностей и развив в своем народе такие качества как душевность, тонкое восприятие красоты, гармония, тяга к

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

справедливости, сострадание к слабым, умение терпеть, трудолюбие, китайская поэзия безусловно помогла формированию национального характера, который сегодня эффективно отвечает на все мировые вызовы. Современная власть Китая сохранила и преумножила эту любовь, пропагандируя в народе китайскую классическую поэзию. Наверное, это накладывает на всю систему национальной жизни свой отпечаток. Можно сказать, что китайские реформы поэтичны и созвучны мировой гармонии, отсюда их всемирный успех.

Вместе с высокой философией поэзия Китая была одним из важнейших факторов, создававших китайский национальный характер, выявив на протяжении своего трёхтысячелетнего существования определённые черты.

Культ света, одухотворённость и жизнелюбие

Китайские стихи на протяжении 30 веков существования — это чистая, высокая, одухотворённая, моральная поэзия, всё замечающая на земле, но устремлённая в Небо. Та высокая планка, которую она задаёт, в западной литературе давно утрачена. Кроме того, место поэзии, занимаемое в китайском обществе, всегда было значительным и значимым. Люди читали и слушали стихи ещё две тысячи лет назад, продолжают интересоваться поэзией и сегодня.

Одухотворённость — это и тоска земного человека по Небу, и жизнелюбие, и мудрость, и сосредоточенная работа по трансформации своего Я, искоренению своих несовершенств, обретению духовного бессмертия. Об этом писал Ван Вэй, осознающий, что для реализации его мечты о высоком необходима внутренняя алхимическая работа: «В душе обуздываю древнего дракона, а это вечная обязанность людей».

Сергей Ключников. Поэзия в истории Поднебесной

«Стряхнуть мечтаю
Пыль земных забот,
Уплыть на лодке
В персиковый грот.
И там, одолевая
Смерти власть,
К источнику бессмертия
Припасть».

Об этом же тосковал Ли Бо:

«И снова начинаю я вздыхать,
Что кончилась природы благодать.
О, как бы мне на жизненном пути
Бессмертие под старость обрести!»

Верой в оптимистичную перспективу и земной, и небесной жизни пронизаны кажущиеся эпикурейскими, но на самом деле глубоко возвышенные (ведь в китайской поэзии, так же, как и в суфийской, вино — это скорее сома) стихи Тао Юаньмина:

«Пьём вино —
И веселье к обоим приходит.
Жаль, что ночь коротка,
Но печалимся, видимо, зря.
Можно чувствовать радость
При очень ненастной погоде.
Всё равно ведь поднимется завтра заря».

Порой светоносность китайской поэзии доходила в своём накале до такой степени, что перед поэтом раскрывалась завеса времени и он приобретал пророческий дар. Пророческой мощью дышат некоторые стихи Тао Юаньмина, Ли Бо и Мао Цзэдуна (на что справедливо указал в своих очерках об этих поэтах Ю. М. Ключников).

Культ любви и семьи

Китайская любовная лирика потрясает культурой и чистотой чувств, идеалами преданности, верности, самоотречения. Морализм китайской лирической поэзии, который шёл не столько от принципов, сколько от сердца и души, распространялся и на семью. Душевность китайских стихов и культуры очень роднит её с русской культурой, основным свойством которой даже её западные идеологические противники вынуждены называть эту же черту. В классической китайской поэзии не встретишь воспевания адюльтера, издавна присущего европейской любовной лирике (античность и провансальская поэзия). Поэты Поднебесной воспевали настоящую любовь и семейные ценности, верность супругу и умение переносить разлуку, высокое отношение к женщине и готовность женщины увидеть в мужчине господина. Вслушаемся в строки «Ши-цзина», показывающие, что и почти три тысячи лет назад люди умели любить, ждать встречи, переносить разлуку и сохранять верность: «Верю — пылью не станет гранит, верность мне господин сохранит» или:

«Едва ли ветер нам надует встречу,
Скорей промчится мимо у виска.
О, как мне хочется твои услышать речи!
Чем ближе вечер — тем сильней тоска!»

Это не значит, что мужчины в жизни не использовали своё привилегированное положение и не злоупотребляли им, но склонность женщины уступать, воспитываемая веками, делала семьи крепкими и эмоциональную атмосферу в них положительной и созидательной. Крепкий тыл позволял мужчине хорошо выполнять свой трудовой и ратный долг, что создавало здоровую атмосферу в стране. Поэтому любовь, воспетая китайской поэзией, это не

только страсти двух возлюбленных, преодолевающих разлуку и препятствия на пути к счастливому воссоединению, но ещё и продолжение рода, правильное воспитание детей, семейные традиции:

«Коль сын родился, следует воздать
Хвалу судьбе, принять его в кровать
Родителей. И рядом положить
Семейный жезл. Пусть долго будет жить...»

Поэтизация труда

Китайская поэзия воспеваает труд и терпение, поэтизирует порядок в мире, в работе и жизни человека, постоянно возвращается к теме долга. Она делает это не в лоб (хотя морализаторства в ней, особенно в конфуцианских стихах, хватает), однако подспудно эти темы, мысли и образы пронизывают ткань поэзии. Таким образом, китайская поэзия воспитывает человека, находящегося между Небом и Землёй, говорит ему о том, что он, прежде всего, труженик, таким образом проводящий небесную волю. Трудиться нужно всегда, несмотря ни на какие обстоятельства: только терпеливый труд и бесстрашное отношение к трудностям позволяют победить невзгоды. Трудясь, человек подражает неутомимой труженице — природе, о чём писал Тао Юаньмин:

«В переменах сезонов,
В любых превращениях вещей
Ничего не удержишь —
Как даль, так и близь отберут.
Всё сгорает
В огромной природной Свече.
Жизнь и смерть остаются,
Их чередование и труд».

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

Справедливости ради говоря, в китайской традиции можно найти и другую линию — воспевание праздности, беспечности, любви к пирушкам и разговорам с друзьями за вином. В этом китайцы были чем-то похожи на поэтов — суфиев. Но китайское эпикурейство на самом деле оборотная сторона напряжённого духовного усилия по возвращению своей истинной природы, ведь всякому результативному усилию, по космическому закону, предшествует созерцание, а любой труд, как аналог выдоха, должен чередоваться с периодами отдыха или вдоха.

Культ государства и патриотизм

Почтительное отношение к государству, на которое работает поэт-чиновник — еще один мощный фактор, обеспечивающий стабильность китайского общества. В Китае рано поняли необходимость хорошо разработанной и философски обоснованной системы управления государством. Конфуций, предложивший эту систему, видел, что такой огромной, этнически и религиозно пёстрой страной, как Китай, можно управлять только в том случае, если сильная централизованная власть будет опираться на чиновничий аппарат, сплочённый единой идеологией служения. Поэзия не была прямой служанкой государства, но она никогда его не расшатывала. Об этом писал Конфуций, так поэтически переосмысленный Юрием Ключниковым:

«Повиноваться Высшим Силам,
Не порождать вражду и смуты,
Быть государству верным сыном,
Не тратить в жизни ни минуты
На то, что искажает вечность,
Чтить неизменно человечность».

Важнейший фактор цивилизационного рывка, совершённого Китаем и поддержанного национальной поэзией, — это патриотизм, любовь к стране, помноженная на ощущение центра мира и убеждение, что здесь, в Поднебесной, живут лучшие из лучших людей. Конечно, эта идея, если довести её до крайностей, опасна, однако, если контролировать её энергию, она превращается в могучую силу, способную мобилизовать народ на восстановление и укрепление национального суверенитета и совершение мощного рывка. Китайская поэзия глубоко патриотична, причём патриотизм малой родины, присущий многим поэтам, органично укрепляет общий патриотизм. А институт постоянных перемещений китайских поэтов-чиновников в новые места, далёкие от родины, приучал их любить всю страну, а не только своё маленькое селение.

Общенациональный патриотизм стал появляться в поэзии уже после победы Коммунистической партии. Яркий тому пример — поэзия Мао Цзэдуна, оставившего такие строки в стихотворении «Люпашаньский хребет»: «Если сдался препятствиям, если ты струсил, человеком Китая себя не зови».

Почитание справедливости

Кульг государства в Китае уравновешивался кульгом социальной справедливости, который, в основном, подерживали те же поэты-чиновники. Нередко в своих стихах они шли против системы, которой служили, а значит, против самих себя, обличая несправедливую политику властей, алчность богачей и их склонность к жестокой эксплуатации бедняков. Это позволяло выпускать пар недовольства верхами, скопившийся в народе, и оздоравливать атмосферу. Думаю не будь такого мощного громоот-

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

вода негативной социальной энергии, как китайская поэзия, сопереживавшая бедным, но всё же ориентирующая человека на обретение внутренней гармонии, китайское государство наверняка бы сотрясалося от гораздо большего числа восстаний и смут. Согласиться с несправедливостью китайские поэты не могли и отказывались творить зло и делать карьеру на костях ближних. Такой низкой в нравственном отношении судьбе они предпочитали уединение. Как писал Тао Юаньмин:

«Но с веком согласья,
Как знаешь, давно не ищу.
Смотреть не могу,
Как мою обирают страну,
Как честь предают
И Заветом назначенный путь.
Присядем за стол,
Предадимся сегодня вину.
Мою колесницу
Назад уже не повернуть».

Порой, критикуя правящую верхушку, поэтам приходилось говорить намёками и аллегориями, как это сделал Ду Фу в своём стихотворении «Тигр». В нём не без назидания по отношению к власти описана судьба страшного зверя, превратившегося в шкуру и диванный коврик: «Хорошее напутствие тиранам, кто подданным — как страшная гроза». В других случаях китайские поэты (тот же Сытун в своей «Песенке об опиумном маке») говорили о зле, идущем непосредственно от власти:

«Не растёт зерно в Китае —
Плохо дело, грозный знак.
А правительство в ударе:
Нету риса — сейте мак!»

Коллективизм, искренность в общении и культ дружбы

Китайская поэзия, пронизанная любовью к человеку, всегда воспитывала в читателях чувство общинности и коллективизма. Одиночество, к которому иногда призывали поэты-отшельники, было наполнено молитвой о других людях, о всём народе, о мире и готовностью прийти на помощь, когда это нужно. Чувство локтя, солидарность, установка помогать формировались в человеке, читающем свою национальную поэзию, естественно и органично, как говорится, с молоком матери.

Вообще китайцы — очень общительный народ, и в переведённых стихах это, конечно, чувствуется. Китайская поэзия диалогична, и в ней не просто большое внимание уделяется дружбе, но существует культ душевного и поэтического братства. В стихах часто рассказывается о реальном, а иногда и воображаемом общении с другом, без которого лирическому герою трудно, порой просто невозможно жить. Бывает, что стихи превращаются в переписку с другом, причём поэт не только сочиняет своё письмо, но и пишет стихотворный ответ за адресата стихов, — так любил делать Ли Бо. Иногда другом оказывается другой пишущий стихи, порой — любимый человек, нередко родственник, сосед или просто знакомый винодел, а встреча с другом может состояться где угодно, хоть по дороге домой, и перейти в тёплое общение. Как писал Ван Вэй:

«Порой мне попадётся дровосек,
Готов с ним проболтать хоть целый век.
Спohватимся вдруг в паузе немой —
Говорунам давно пора домой».

Но если стихи становятся разновидностью общения, то в диалог неизбежно вступает и читатель. Не потому ли китайская поэзия так любима во всём мире,

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

что она предоставляет такое поле для общения и переклички с тысячами людей, живших на земле не одну тысячу лет?

Почитание предков

Коллективизм — это своего рода горизонтальная общность людей, но почитание предков скорее относится к вертикальной общности, уходящей своими корнями в толщу веков. Уважение к старшим, носителям традиции — залог устойчивости государства. Иерархия возрастного характера предполагает устойчивость ценностей, что является залогом стабильности государства. Ведь если молодёжь уважает идеалы тех, кто старше, она вряд ли пойдёт свергать власть. Надо сказать, что в китайской истории и этот принцип, и молчаливый общественный договор иногда нарушались. Многие китайские смуты как раз были связаны с бунтом молодёжи против власти старшего поколения, которому она переставала доверять. Но китайская поэзия полна почитания предков, восходящих к праотцам, в которых народ видел богов.

Величайший китайский поэт Цюй Юань писал:

«Не жду ни слёз, ни поздних сожалений,
Не отступлю назад перед концом.
Пусть мудрецы из прошлых поколений
Окажутся мне лучшим образцом».

Словно предвидя будущие гражданские войны между старшим поколением и молодёжью, развернувшиеся на земном шаре, Ду Фу написал своё знаменитое обращение к «золотой молодёжи» ещё тех времён:

«С презреньем глядите на старый кувшин,
Мол, кубки из глины, сосуды не наши.
Равняйте вкусы на новых старшин.
Те пьют из роскошной серебряной чаши».

Обожествление природы

Наверное, ни одна поэзия в мире не возносит природу на такой высокий пьедестал, как китайская поэзия. Это истинное поэтическое божество в Китае. Любое действие, мысль, эмоция, составляющие содержание стихов, прямо или косвенно раскрываются на фоне пейзажа. Китайцев переполняла любовь к природе, включающей в себя и внутреннюю природу человека, культ естественности течения событий и развёртывания процессов в их цикличности (например, те же природные сезоны, сменяющие друг друга).

Именно эта любовь к природе помогла китайцам вовремя остановиться в своей техногенной экспансии и перейти к целенаправленной политике восстановления природных зон, массового высаживания деревьев, разведения парков, отказу от производства автомобилей, работающих на бензине, и переходу к массовому использованию солнечных батарей. Китайская поэзия глубоко экологична, и постепенный разворот в сторону экологического воспитания народа произошёл не без её влияния.

Из обожествления природы и любви к ней вырастает постоянная тема, миллионы раз появлявшаяся в китайской поэзии, — уединение в сельской местности чиновника, переехавшего из большого города и в тишине занимающегося скромным трудом. Об этом стихотворение Ду Фу «Воссоединяюсь с природой» и стихи многих тысяч больших и малых поэтов Поднебесной:

«Советам древних следуя всегда,
Обычно просыпаюсь до рассвета,
Сажусь на берегу реки. Вода
Густым туманом утренним одета.
Ещё скупится на лучи восход.

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

По головам деревьев солнце бродит.
Сижу. Молчу. Не двигаюсь. И вот
Гляжу, как над водой оно восходит.
Затем на плечи натянув халат,
Иду домой, там нужно потрудиться.
Проходим отвечаю невпопад,
Меня интересуют больше птицы».

Уважение к ритуалу

Китайская поэзия постоянно подчёркивает важность ритуалов и традиций. Ритуал, соблюдение обычаев и почтительное отношение к ним предполагают воспроизведение эмоционально-культурного позитивного опыта, облагораживающего индивидуальную и национальную психику, и накапливание созидательной социальной энергии народа. В. В. Малявин писал:

«Ритуал осмыслялся китайцами, с одной стороны, как формальная, с математической точностью выписанная структура, а с другой — как всеобщность жизни, доступная непосредственному переживанию. В таком случае ритуал оказывается не столько тем или иным действием, сколько мерой действия, и притом, мерой этической, ибо знаменует связь внутреннего и внешнего, личного и всеобщего в человеческой жизни».

Не все понимают глубинный замысел Конфуция, призывавшего народ к чёткому соблюдению самых разных ритуалов, которые нельзя рассматривать как дисциплинарные предписания и бессмысленный набор действий в духе лишённой логики муштры. Великий мудрец видел в повторении подражание природе, которая на протяжении вечности выполняет свою мудрую работу, поддерживающую красоту мира. Человеческие ритуальные танцы должны восприниматься как отражение великого Танца

природы, который продолжается вечно. Если человек будет также упорен в повторении своих ритуалов, то он сможет начать и продолжать упорную работу по обузданию в себе драконов эгоизма, гнева, лени и воспитать человечность (жэнь).

Исполнение ритуала—неотъемлемое условие совершенствования человека и взращивания в нём мудрости и других нравственных качеств. Китаевед З. Г. Лапина писала:

«Мудрец — само выражение совершенства — являл обществу достойный облик (*гун*), покоряющую речь (*цун*), острое зрение (*мин*), тонкий слух (*цун*), пронизательное мышление (*цуй*). Итогом нравственного совершенствования личности было накопление благой силы дэ, что выразилось в обретении пяти совершенных добродетелей, или пяти постоянств (*у чан*): гуманность (*жэнь*), долг-справедливость (*и*), ритуал (*ли*), доверие (*синь*), разумность (*чжи*). Ритуал постоянно сопрягается с этими добродетелями в «Лунь юе», «Мэн-цзы», «Дао дэ цзине» и др.»

«Где естество царит над воспитанием,
Такой для человечности — дикарь.
Кто отличается манер преобладанием,
Рискует слабостям поддаться.
Жизни царь —
В ком естество с воспитанностью смешаны
И очень хорошо уравновешены».

Конфуций. «Лунь юй»

Творческая спонтанность, наполненность тайной

При этом китайская поэзия полна уважения к тайне, к неведомой и непредсказуемой стороне жизни, а значит, и к готовности во всём идти новыми путями. Ведь китай-

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

ская духовность и даже государственное строительство — это не только конфуцианство, но и даосизм. Такой подход всегда оставляет место как для спонтанности в мышлении и в поступках, для литературного творчества, так и для творчества жизни в целом. Конечно, для этого требуется искусство сохранения энергии, что лучше получается при удалении от суеты и погружении в здоровую жизнь на лоне природы.

Тайна китайской поэзии проявляется также в сочетании многозначной сложности, тонкости (даже сверхтонкости!) и удивительной простоты. Китайская способность видеть мир в многообразии всех его красок, оттенков и смыслов сочетается с поражающей ценителей поэзии во всём мире своей необычайной естественностью. Доверительная интонация, подкупающая искренность поэта приводят к тому, что границы между миром стихотворения и внутренним миром читателя практически отсутствуют. Нет ложного изыска, лишних слов, всё украшательство сведено к минимуму, но в результате рождается образ, являющий собой суть поэзии, как в гениальном четверостишье Ли Бо «Одинокое сию в горах» (перевод Ю. Ключникова):

«Глубина голубая
Сияет, маня.
Надо мною
Пронесются птицы.
Я гляжу в высоту,
А она — на меня,
И не можем вдвоём
Насладиться».

17. Переключка с русской поэтической традицией

А теперь спросим себя: разве эти десять граней китайской традиции не перекликаются с русской поэтической линией? И есть ли хоть одна из вышеперечисленных черт, присущих китайской поэзии, которая не была бы свойством русской музыки? Даже если взять стихи, наверное, самого «даосского» поэта России Пушкина, творчество которого так любят в Китае, и привести строчки, иллюстрирующие эти грани, то получится, что его поэзия совпадает с китайской во всех выделенных чертах.

Проведём ассоциативные параллели:

Светоносность? Сразу вспоминаются строки «Да здравствует солнце! Да скроется тьма!».

Культ любви и семьи? Этого у поэта так много, что сразу вспоминаются «Я вас любил, любовь ещё, быть может...» и одновременно «Но я другому отдана и буду век ему верна».

Поэтизация труда? Поэт, признававшийся, что без труда ему не удалось бы с «бесстрашной искренностью черпать содержание своих стихов из глубины души», оставил о Петре Великом восторженные строки:

«То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник».

Воспевал Пушкин, великий труженик в русской литературе, написавший десять томов ещё не достигнув 40-летнего возраста, и крестьянский труд: «Зима! Крестьянин торжествуя, на дровнях обновляет путь», и труд поэта: «Благослови мой долгий труд, о ты, эпическая Муза, и молитвенный труд («Во дни печальные Великого Поста...»).

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

При этом он жёстко высмеивал в своих стихах бездельников и лодырей.

Кульг государства и патриотизм? Вспомним про «Клеветников России» или стихи, прославляющие царя: державные настроения только укрепились у поэта в конце жизни.

Почитание справедливости? Не Пушкин ли, этот «великий моралист», по словам Ахматовой, написал о себе в «Памятнике», что в «мой жестокий век восславил я свободу и милость к падшим призывал»?

Почитание предков? Эгих строк у Пушкина немало, но самые запоминающиеся конечно же «Любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам».

Обожествление природы? Почти в каждом своём стихотворении о природе поэт не только восхищается ею: «Унылая пора! Очей очарованье!», но и видит в ней объект духовного почитания: «...дивясь божественным природы красотам, и пред созданием искусств и вдохновенья, трепеща радостно восторгом умиленья...». Интересно, что Пушкин так же, как и китайские поэты, многократно воспел осень.

Уважение к ритуалу и обычаям? У Пушкина, выросшего под народные песни и рассказы Арины Родионовны, немало поведавшей ему про старинные обычаи, есть целый ряд стихотворений, с разной стороны касающихся этой темы: сакральный ритуал («Во дни печальные Великого Поста»); народные обычаи («В чужбине свято наблюдаю родной обычай старины: на волю птичку выпускаю при светлом празднике весны»); повседневные обычаи и привычки («Привычка свыше нам дана: замена счастию она»). С большим теплом он пишет в «Евгении Онегине» о Лариных: «...они хранили в жизни мирной привычки милой старины».

Творческая спонтанность? Лучше всего эту грань творчества поэта, любящего «по прихоти своей скитаться здесь и там», передают его знаменитые строки: «И пробуждается поэзия во мне: / Душа стесняется лирическим волнением, / Трепещет и звучит, и ищет, как во сне, / Излиться наконец свободным проявлением».

И если посмотреть на остальные стихотворения поэта и произведения других русских классиков, мы найдём сотни подтверждений удивительного созвучия русской и китайской поэзии и по темам, и по идеям, и даже по образам (при всей глубочайшей специфике символизма и поэтического словаря Поднебесной). Достаточно взять поэзию Тютчева или Есенина, Блока или Рубцова, Клюева или Юрия Кузнецова, чтобы увидеть — все черты китайской поэзии в полной мере присущи и их творчеству и всей русской поэзии. Это особенно удивительно — ведь прямых историко-культурных пересечений вплоть до XIX века между Китаем и Россией не было. Значит, такие контакты происходили так же, как передаются «бродячие сюжеты» в фольклоре и как делаются научные открытия учёными, живущими в разных странах и лично не знакомыми, — чудесным образом, через ноосферу. Значит, между китайской и русской культурой есть несомненное архетипическое единство, и эти глубинные культурные связи, пересечения и параллели нужно изучать.

Очень интересный анализ глубинной близости китайской и русской ментальности («Дао и Росса») на примере пушкинского «Пророка» сделал А. Е. Лукьянов:

«Это стихотворение не только поэзия, но и поэтическая форма генетики космического тотема (предка) и мурдеса. Оно открывает тайну архетипических глубин гения Пушкина. Как персонаж стихотворной стихии, а не ав-

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

тор произведения, Пушкин здесь ещё не поэт. Он ещё только некий эмбрион, плавающий в энергии космического лона, жаждущий духовной реализации («духовной жаждою томим»). В спонтанном блуждании («в пустыне мрачной я влачился») он попадает в «перепутье» — центр тёмной пустыни (в «перекрестие [двух] пятёрок», говоря наименованием китайского архетипа Дао). В этот момент сверкает молния в виде шестикрылого серафима, который, согласно своей космической символизации, одновременно и пламень, и змей, и крылатый дракон. В упорядоченности его шести крыльев передаётся вертикальное устройство космоса, напоминающее структуру космоса по «Канону перемен»: два верхних крыла — Небо, два средних — Центр, два нижних — Земля. Серафим осуществляет телесное, духовное и интеллектуальное преобразование заблудшего пришельца. Последний обретает новые зрение, слух, язык-речь, сердце-душу и ощущения, в процессе чего ему открываются пять уровней бытия с направленностью сверху и снизу к центру: срединное перепутье, где находится сам будущий пророк, два верхних уровня («неба содроганье, / И горний ангелов полёт»), и два нижних уровня («И гад морских подводный ход, / И дольней лозы прозябанье»). Из эмбриона этот пришелец превращается в мёртво-живое дитя («как труп в пустыне»). Затем в качестве «пророка» он пробуждается космосом-отцом к вечному существованию архетипическим словом («бога глас») и отправляется вокруг «морей и земель» (суша и море или гора и вода — ландшафтное воплощение вертикали и горизонтали духовного архетипа) «глаголом» (песней) возжигать сердца людей и одухотворять русского человека и русское пространство».

Глагол — это и есть имя русской культуры и её архетипа, который в национальном смысле называется здесь

архетипом Росса, объединяющим понятия Руси и русского человека. Русский Глагол в пространстве имён стоит вровень с именами китайского Дао, индийского Ом и греческого Логоса, которые имеют то же основное значение: слово, речь, говорить, «глаголать».

Но если наши поэтические и духовные культуры столь близки на архетипическом уровне, может быть, это залог того, что наш экономический и цивилизационный союз с Китаем будет более прочным и надёжным, чем такой союз, когда государства сближаются под влиянием конъюнктурных сиюминутных факторов?

В Китае хорошо видят архетипическую близость наших культур и, как уже говорилось, самым серьёзным образом изучают русскую литературу, культуру и даже наш национальный характер. Поэтому они порой лучше нас самих понимают и наши сильные стороны (по данным китайских социологических опросов, это душевность, доброта, щедрость, честность) и слабые стороны (кроме традиционных пьянства, корыстолюбия, склонности к коррупции, вспыльчивости, упоминаются такие свойства, как склонность к крайностям, радикализм, отсутствие внутренней гармоничности, нацеленность на разрушение, а не на наследование положительных сторон жизни). Но в современной России с нашими постоянными оптимизациями научно-культурных институтов китайскую классическую поэзию изучают явно недостаточно, и это сказывается на читательских предпочтениях. Вот какой информацией недавно поделился в своём блоге в Фейсбуке известный российский китаевед А. А. Маслов:

«На самом высоком уровне подвели итоги проекта «10 шедевров китайской литературы в России и 10 шедевров русской литературы в Китае». (Я здесь в качестве чле-

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

на юри). Очень торжественно и красиво, с российской стороны всем занимались коллеги из ТАСС (это был их проект вместе с газетой «Гуанмин жибао»). Вот список «победителей». Китайские авторы: Конфуций («Лунь Юй», «Суждения и беседы»), Лао-цзы («Дао дэ цзин»), Сыма Цянь («Ши Цзи» — «Исторические записки»), Цао Сюэцинь («Сон в Красном тереме»), Лу Синь («Дикие травы»), Ши Найань («Речные заводы»), Ло Гуаньчжун («Троецарствие»), Пу Сунлин («Ляо чжай чжи и», «Описание удивительного из кабинета Ляо»), Мо Янь («Устал родиться и умирать») и У Чэнъэнь («Путешествие на запад»).

Примечательно, что поразительно красивая китайская поэзия не вошла в этот список (Ли Бо, Ду Фу, Су Дунпо, Мэн Хаожань, Ван Вэй).

Интересно, российские знатоки «мировой культуры» читали ли хотя бы половину из этих достойных произведений? И какие из них изучаются хотя бы в рамках школьного курса? А на прилавках магазинов вы часто их встречаете?

А вот список российских произведений, которые особенно ценят в Китае, приведённый тем же А. А. Масловым:

«Евгений Онегин» Пушкина, «Герой нашего времени» Лермонтова, «Мёртвые души» Гоголя, «Отцы и дети» Тургенева, «Преступление и наказание» Фёдора Достоевского, «Война и мир» Льва Толстого, «Человека в футляре» Чехова, «Детство», «В людях», «Мои университеты» Максима Горького, «Тихий Дон» Михаила Шолохова и «Как закалялась сталь» Николая Островского.

Примечательно то, что самый «молодой автор» — это Н. Островский, который написал своё произведение в стиле социалистического реализма в 1932 году. А после

него — провал в китайском восприятии советской/рос-сийской литературы. А ведь нет ничего лучше культуры в методике применения «мягкой силы»... Кстати, и Пушкин, и Толстой изучаются в рамках школьного курса в Китае уже в течение десятилетий.

Но вопросы культуры, как и «вопросы крови», самые тонкие и точнее всего отражающие уровень взаимного восприятия друг друга. Поэтому «временной срез» здесь особенно важен. И добавить к этой грустной информации для отечественной культуры, пожалуй, нечего. Кроме того, что нужно сосредоточенно работать, чтобы наше отставание не превратилось в окончательное выпадение на цивилизационную и культурную обочину. Поэтому каждую искреннюю качественную попытку понять друг друга, перевести поэзию наших стран самыми разными способами (академическим, литературным, вольным) важно поддержать и приветствовать.

Вместо заключения

Именно с этой точки зрения мы можем ещё раз посмотреть на сборник вольных переводов китайской поэзии Юрия Ключникова «Поднебесная хризантема». Он составлен так, чтобы можно было увидеть единство китайской поэзии, прошедшей огромный путь за три тысячелетия, но, оставшейся собою, сохранившей свой алмазный стержень. Конечно, в антологию, выполненную одним человеком, не смогли войти все значительные поэты Китая (поэзия Поднебесной необъятна), но самые великие всё-таки вошли. Их строчки оказались созвучны крупному русскому поэту, который как бы выступил соавтором переводимых им поэтов, сумев озвучить их мысли, чув-

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

ства и образы и совершив некий условный акт включения китайского поэтического менталитета в русский космос традиционного стиха.

Будем надеяться, что Дао, в непостижимости которого признался автор вольных переводов в эпиграфе, станет после знакомства с этой книгой чуточку ближе русскому читателю. Главное, что книга обязательно напомнит каждому, кто возьмёт её в руки, о культурно-духовном единстве, в котором на глубинном уровне пребывают народы, цивилизации и всё человечество. Так стоит ли так ожесточённо воевать друг с другом, если нас объединяет не только единая красота нашего мира, но и вечное поэтическое созвучие?!

*Сергей Ключников,
кандидат философских наук, академик РАЕН,
член Союза писателей России, культуролог, этнопсихолог,
главный редактор издательства «Беловодье»*

Цитированная и использованная литература

1. *Азарова Н. М.* Ду Фу. — М., ОГИ, 2012.
2. *Азарова Н. М.* Стихи Мао Цзэдуна и их переводы. // Новый мир, № 5, 2017.
3. *Алексеев В. М.* Китайская литература. Избранные труды. — М., 1978.
4. *Алексеев В. М.* Труды по китайской литературе. В двух кн. РАН, Отделение историко-филологических наук. — М., 2002.
5. *Алимов И. А., Кравцова М. Е.* История китайской классической литературы с древности и до XIII века: поэзия, проза. В двух частях. — СПб., 2014.

Сергей Ключников. Поэзия в истории Поднебесной

6. Аникина Г. П., Воробьёва И. Ю. Китайская классическая литература. Учебно-методическое пособие. — Дальневосточный государственный гуманитарный университет. Хабаровск, 2008.
7. Антология китайской поэзии. В четырех тт. — М., 1957.
8. Бажанов Е. П. Си Цзиньпин и Чернышевский. // Независимая газета. http://www.ng.ru/dipkurer/2013-04-01/9_czenpin.html.
9. Бежин Л. Е. Под знаком ветра и потока. Образ жизни художника в Китае III—IV веков. — М., Наука, 1982.
10. Бежин Л. Е. Ду Фу. — М., Молодая гвардия, 1987.
11. Девятков А. П. Китайская цивилизация как феномен мировой истории. <http://artifact.org.ru/proshloe-fas-i-profil-2/kalibrovka-teorii/353-andrej-devyatov-kitajskaya-tsvivilizatsiya-kak-fenomen-mirovoj-istorii.html>.
12. Дождливая аллея. Китайская лирика 20-х и 30-х годов. Предисловие и переводы Л. Е. Черкасского. — М., 1969.
13. Древнекитайская философия. — М., Мысль, 1972.
14. Дрейзис Ю. А. Современная китайская авангардная поэзия. <http://www.synologia.ru/a>.
15. Из китайской лирики VIII—XIV веков. — М., 1979.
16. Китайская классическая поэзия. Переводы Л. З. Эйдлина. — М., 1975.
17. Китайская пейзажная лирика III—XIV веков. Стихи, поэмы, романсы, арии. — М., Издательство Московского университета, 1984.
18. Китайская поэзия в исследованиях, заметках, переводах, толкованиях. Отв. редактор Б. Л. Рифтин. — М., РГГУ, 2014.
19. Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. — М., 1977.
20. Кравцова М. Е. Буддизм в мирозерцании аристократии раннесредневекового Китая. — СПб., 1994.
21. Кравцова М. Е. Поэзия древнего Китая. Опыт культурологического анализа. — СПб., 1994.
22. Лапина З. Г. Экологичность традиционной культуры Востока. <http://pandia.ru/text/80/027/14908.php>.
23. Лапина З. Г., Винокуров В. В., Забияко А. П. История религий. Учебник. — М., Высшая школа, 2002.

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

24. Лапина З. Г., Чжоу Хун, Шилин К. И. Экологическое воспитание — творческая индивидуальность будущего // Энциклопедия Живого знания. Т. 6. — М., 2002.
25. Лапина З. Г. Искусство властвовать. Каноны (два китайских канона: III и XI веков). — М., Белые альвы, 2001.
26. Лисевич И. С. Древнекитайская поэзия и народная песня. — М., 1969.
27. Лисевич И. С. Китайская поэтика. Словарь литературоведческих терминов. — М., 1974.
28. Лисевич И. С. Литературная мысль Китая. — М., 1979.
29. Лукьянов А. Е. Истоки дао. Древнекитайский миф. — М., Инсан, 1992.
30. Лукьянов А. Е. Начало древнекитайской философии. — М., Радикс, 1994.
31. Лукьянов А. Е. Китайская цивилизация как новый мировой порядок. <http://www.gazetamim.ru/culture/dialog/lukjanov.htm>.
32. Лукьянов А. Е. Философско-поэтический космос Ли Бо. <https://librolife.ru/g3055707>.
33. Малявин В. В. Чжуан-цзы. — М., Наука, 1985.
34. Малявин В. В. Китайская цивилизация. — М., 2000.
35. Малявин В. В. Повседневная жизнь Китая в эпоху Мин. — М., Молодая гвардия, 2008.
36. Маслов А. А. Письмена на воде. — М., Сфера, 2000.
37. Маслов А. А. Страна мудрецов. <https://knigogid.ru/books/11561-strana-mudrecov/toread>.
38. Маслов А. А. Дыхание Шамбалы. — Ростов-на-Дону, Феникс, 2006.
39. Маслов А. А. Мистерия Дао. Мир «Дао дэ цзина». — М., Сфера, 1997.
40. Мельник А. Белый заяц толчёт воду в ступе бессмертия. О русской поэзии в Китае. // Мегалит. Евразийский журнальный портал. <http://www.promegalit.ru/publics.php?id=16159>.
41. Минералов Ю. И. Русская поэзия Китая, 2014. <http://mineralov.ru/russkaya-poeziya-kitaya.html>.
42. Мяо Хуэй. Особенности отражения китайской культуры в русской эмигрантской литературе в Китае. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культуроло-

- гия и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, Грамота, № 3 (53), 2015.
43. Пятая стража. Китайская лирика в 30—40-е годы. — М., Наука, 1975.
 44. *Рифтин Б. Л.* Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае. — М., 1960.
 45. *Рифтин Б. Л.* Китайская мифология // Мифы народов мира. — М., Т. I, 1980.
 46. *Серебряков Е. А.* Китайская поэзия X—XI веков (жанры *ши* и *цы*). — Л., 1979.
 47. *Серебряков Е. А.* Справочник по истории литературы Китая (XII в. до н. э. — начало XXI в. н. э.). Имена литераторов, названия произведений, литературоведческие и культурологические термины в иероглифическом написании, в русской транскрипции и переводе (в соавторстве с А. А. Родионовым и О. П. Родионовой). — М., 2005.
 48. *Серебряков Е. А.* О Цюй Юане и чуских строфах // Литература Древнего Китая. — М., С. 172—204, 1969.
 49. *Смирнов И. С.* Китайская поэзия в исследованиях, заметках, переводах, толкованиях. Вып. LV: *Orientalia et Classica*. — М., РГГУ, 2014.
 50. *Смирнов И. С.* Небесный мост. Поэзия Гао Ци. — СПб., Центр «Петербургское востоковедение», 1999.
 51. *Смирнов И. С.* Яшмовые ступени. Поэзия эпохи Мин. — М., Восточная литература, 1989.
 52. *Смирнов И. С.* Шедевры китайской поэзии X—XVII веков. — М., Эксмо, 2010.
 53. *Сорокин В. Ф., Эйдлин Л. З.* Китайская литература. Краткий очерк. — М., 1962.
 54. *Тен Н.* От Пушкина до Путина. Образ России в современном Китае. // Новое литературное обозрение. М., 2016.
 55. *Ткаченко Г. А.* Культура Китая. Словарь-справочник. — М., 1999.
 56. *Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика. — М., 1931.
 57. *Торопцев С. А.* Три вершины, семь столетий. — СПб., Гиперион, 2017.

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

58. *Торчинов Е. А.* Даосизм. Опыт историко-религиоведческого описания. — СПб., Андреев и сыновья, 1993.
59. *Федоренко Н. Т.* Китайская литература. Очерки по истории китайской литературы. — М., 1956.
60. *Федоренко Н. Т.* Китайское литературное наследие и современность. — М., 1981.
61. *Черкасский Л. Е.* Новая китайская поэзия. 20—30-е годы. — М., Наука, 1972.
62. *Эйдлин Л. З.* Тао Юаньмин и его стихотворения. // Народы Азии и Африки, № 3, 1968.
63. *Эйдлин Л. З.* Сухой тростник. Поэзия эпохи Тан (VII—X века). — СПб., 1999.
64. *Эйдлин Л. З.* Китайская классическая поэзия. — М., Художественная литература, 1977.
65. *Чжэн Туу.* Как мы в Китае переводим стихи: стихотворный аспект. // Вестник СПбГУ. Вып. 4. Сер. 9. 2016. <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-my-v-kitae-perevodim-stihi-stihotvornyy-asp>.

СЛОВАРЬ СИМВОЛОВ КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ

- Бамбуковая роща** — символ идеального места для уединения, созерцания медитации.
- Белая роса** — символ быстротечности бытия.
- Белый (лунный) заяц** — легендарный персонаж китайской мифологии, живущий на луне и толкущий в ступе особое снадобье бессмертия. Тот, кто попробовал его, будет жить вечно. Впервые о нём упоминает сборник древнейшей поэзии «Чуские строфы».
- Белый олень** — волшебное существо, переносившее бессмертных, магов и духовно продвинутых людей в область бессмертия.
- Белый тигр** — один из четырёх знаков китайского Зодиака, символ Запада, который считается предвестником несчастий, поскольку именно на Западе находится, согласно китайской мифологии, страна мёртвых.
- Белый шёлк** — символ старения и седых волос.
- Восемь бессмертных** — совершенные, духовно продвинутые люди, покровители различных искусств и профессий.
- Восточная столица** — город Лоян.
- Встреча в тутовнике** — символ свидания, встречи влюблённых людей.
- Горный цветок** — символизирует собой дружбу и уверенность в друзьях.
- Гусь одинокий** — символ скитальца, в одиночестве бороздящего небесные просторы, иногда приносящий вести.
- Девятый день девятой луны** — праздник, время которого приходится на середину осени.
- Дождь и облака** — символ свидания.
- Дракон Зелёный** — древний восточный символ весеннего возрождения, встреча с драконом считается предвестием счастья.
- Дракон Лазурный (Лазоревый)** — один из четырёх знаков зодиака, почитаемых в Китае.

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

Дракон спящий — осенняя примета, согласно которой в это время года драконы, живущие в воде, опускаются на дно и там впадают в спячку.

Дух ветра и потока — состояние духовной наполненности и абсолютной внутренней свободы, отсутствие любых барьеров, творческое вдохновение, символ высшей естественности, принадлежности к потоку Дао и культуры странничества.

Жёлтая река — река Хуанхэ.

Квадрат — символ материального мира, земного царства, аналог телесной формы.

Колесница — в древних трактатах («Чжоу-ли») считалась символом мироздания.

Круг — символ совершенства и аналог устройства Вселенной, которая, согласно древнекитайским воззрениям, представляет собой гигантский круг, не имеющий ограничений.

Куньлунь — одна из самых крупных горных систем Азии, расположена в Китае. Простирается от Памира до Тибетских гор. Китайский вариант мировой горы. В Китае рассматривалась как волшебная гора, где живёт бессмертная фея Сиванму и где растёт персиковое дерево, отведав плоды которого человек обретает бессмертие.

Лиса — символ коварства и обмана.

Лодка — символ души, свободно движущейся в жизненном потоке, колыбель, убежище.

Луна — символ женственности, красоты, утончённости, источник наслаждения и объект восхищения.

Небесные пещеры — местопребывание бессмертных, жилище, закрытое от взглядов посторонних.

Небесный петух — волшебная птица, живущая на берегу Восточного моря, возвещающая приход зари. На звук Небесного петуха откликаются все китайские петухи.

Озеро — символ зеркала, отражения, созерцания, ясного сознания.

Персиковый источник — символ входа в пещеру, которая ведёт в страну бессмертия, мудрости и вечной молодости, где живут счастливые и совершенные люди. К этому образу периодически обращались разные китайские поэты, в частности Тао Юаньмин.

Полумесяц — один из символов осени, поскольку Луна — колесница природы — находилась в наполовину убывающем состоянии и вела природу и людей к завершению года.

Пять — основные ценности китайской конфуцианской культуры: 1) человеколюбие, 2) верность долгу, 3) следование обрядам, 4) мудрость, 5) доверие.

Пять Вершин — пять главных священных гор Поднебесной, которые расположены по четырём сторонам света и в центре квадрата и которые не дают упасть небосводу.

Пять звёздных дворцов — срединный, восточный, южный, западный и северный: «Тай-и («великая единица»), Цинн-лун («зелёный дракон»), Чжу-цяо («красная птица»), Бай-ху («белый тигр»), Сюань-у («тёмная воинственность»). Каждый из этих дворцов символизировал то или иное созвездие и имел графическое начертание.

Пятицветные облака — считаются хорошим символом починки сломавшегося неба с помощью драгоценных камней.

Серебряная Река или Небесная Река — Млечный Путь и обитель богов.

Роса — символ чистоты, хрупкости и быстротечности жизни, которая может завершиться в любой момент.

Удар грома (чжэнь) — символизировал и образ грозного небесного дракона, и беременность, и появление старшего сына в семье.

Фея реки Ло — женский образ и дух реки, одновременно означала мифическую дочь Фу Си, которая утонула в этой реке.

Флейта — символ божественного музыкального инструмента, который может играть небесные мелодии, извлекая звуки гармонии. Игра на флейте в лунную ночь символизировала единение человека и природы.

Фусан («поддерживающее тутовое дерево») — солнечное дерево (аналог мирового древа), на котором живут десять воронов.

Фу Си — культурный герой и предок древнейших племён, изобретатель рыболовных сетей и триграмм, научивший людей охоте, рыболовству и приготовлению пищи на огне. Иногда изображался как человеко-птица.

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

Цветы сливы — символы весны и молодости, имеющие пять лепестков и разноцветную цветовую гамму — белую, красную, розовую.

Цветы — символ красоты и бессмертия, божественные растения, которые обладают магической небесной силой, продлевающей жизнь.

Хризантема — священный цветок китайской поэзии, символизирующий приход осени; в Древнем Китае был обычай перед приходом осени пить вино с горьковатыми на вкус лепестками хризантем.

Юэ — название древнего царства, юг Китая, две южные провинции Гуандун и Гуанси.

Яшма — священный китайский символ, драгоценность, присущая не только вещам, но даже растениям. Образ «яшмовых персиков», которые росли в садах легендарного Небесного императора и которые дарили бессмертие любому, кто их вкушал, как раз говорит об этом.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И СПРАВОЧНЫЕ ДАНЫЕ О Ю. М. КЛЮЧНИКОВЕ

Юрий Михайлович Ключников — известный русский поэт, эссеист, философ, переводчик, путешественник, автор 20 книг стихов, прозы и публицистики, академик Петровской Академии наук, член Союза писателей России и Союза журналистов России. Лауреат III Славянского литературного форума фестиваля «Золотой витязь». Родился в рабочей семье 24 декабря 1930 года в городе Лебедин (Восточная Украина), где жил до начала Великой Отечественной войны. В 1941 году вместе с родителями был эвакуирован: вначале — в Саратовскую область, а в 1942 году — в Кузбасс. С 1942 года и до сегодняшних дней живёт в Новосибирске.

Окончил филологический факультет Томского университета. Работал учителем литературы, директором школы, журналистом в газете, радиокорреспондентом, а также главным редактором Новосибирского областного радио, Западно-Сибирской студии кинохроники, редактором издательства «Наука» СО РАН. В 1979 году был обвинён в идеализме и богоискательстве и после трёхлетних партийных разбирательств уволен с работы, затем шесть лет трудился грузчиком на хлебзаводе. В годы перестройки издавал книги по духовной культуре Востока, Запада и России. Публиковался в центральных литературных журналах и изданиях.

Поэзия и публицистика Юрия Ключникова была высоко оценена такими известными литераторами разных

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

направлений, как В. Астафьев, В. Солоухин, В. Кожинов, Ю. Селезнев, В. Сидоров, Е. Евтушенко, В. Лихоносов, А. Проханов, В. Бондаренко, С. Куняев, Л. Аннинский, В. Смирнов, Г. Иванов, В. Калугин, Э. Балашов, А. Парпара, С. Золотцев, В. Курбатов, Л. Ханбеков, Ю. Линник, С. Куттыкадам, В. Костин, Н. Серебрянников, М. Бушueva, Г. Красников, С. Дмитриев, С. Маркус.

Работник тыла: Юрий Ключников во время войны в 13-летнем возрасте несколько месяцев трудился в качестве ученика токаря на заводе «Красный Октябрь» в шахтёрском городе Ленинск-Кузнецкий. Путешественник. Совершил ряд экспедиций по высокогорным местам Алтая, Индии, Непала, поднимался на высоту более 4000 метров.

С 1990 по 2017 год Ю. Ключников опубликовал 20 книг стихов, публицистики и прозы: «О назначении России» (1989), «Благая весть Новой Эпохи» (1991), «Мистический Пушкин» (1992), «К Белухе» (1992), «Лики» (1993), «Небесная Россия» (1994), «Белый остров» (2000), «Поэт и фея: эзотерическая сказка о странствиях души в мирах видимых и невидимых» (2004), «Стихия души: опыт постижения» (2005), «Годовые кольца» (2006), «Я в Индии искал Россию» (2009), «Лики русской культуры» (2009, 2012), «Русское окно» (2010), «Осенняя молитва: лирический дневник» (2011), «Дом и дым: лирические итоги» (2013), «Музыка цвета и слова: небесная Россия» (2014), «Душа моя, поднимем паруса!» (2015), сборник вольных переводов французской поэзии XII—XX вв. «Откуда ты приходишь, красота?» (2014, 2015), сборник вольных переводов суфийской поэзии VIII—XX веков «Караван вечности» (2016), «Предчувствие весны: воспоминания и размышления поэта о времени и судьбе» (2017), «Поднебесная хризантема: 30 веков китайской поэзии» (2018). Последние несколько лет сосредоточился на реализации

проекта переводов мировой (французской, суфийской, китайской и англосаксонской) поэзии.

Юрий Ключников неоднократно публиковался в таких изданиях, как журналы «Наш современник», «Сибирские огни», «Литературная учёба», «Московский Парнас», «Пушкинский альманах», «Наука и религия», «Молоко», газеты «Экслибрис», «Завтра», «День литературы», «Советская Россия». Ю. М. Ключников — член Союза писателей России, Академик Петровской академии наук, автор более 2000 стихотворений, Лауреат III Славянского литературного форума «Золотой Витязь» (Серебряный диплом), лауреат литературной премии им. Н. М. Ггарина-Михайловского, герой документального фильма «Белый остров» (режиссёр В. Тихонов), награждённого специальным дипломом «За философский и поэтический поиск» на Международном фестивале «Золотой Витязь». Женат (жена Лилия Ивановна Ключникова— художница, руководитель региональной общественной организации «Русский клуб»), сын Сергей (психолог, философ, писатель, издатель) и дочь Марина (журналист).

Интернет-страницы Ю. М. Ключникова:

<http://korni.kluchnikov.ru/>

<http://www.stihi.ru/avtor/kluchnikov>

<http://www.rospisatel.ru/kljuchnikov-stihi.htm>

https://ru.wikipedia.org/wiki/Ключников_Юрий_Михайлович

SUMMARY

Biography

Yuri Kljuchnikov is a Russian poet, essayist, philosopher, translator, traveller, author of 20 books of poetry, prose, an academic of Petrovsky Academy of Sciences, a member of the Union of Writers and the Union of Journalists of Russia and a prizewinner of the Slavonic Literature Festival “Golden Knight”. He was born in a workers’ family on December 10, 1930 in a small town of Lebedin in Eastern Ukraine. At the beginning of the Great Patriotic War his family was evacuated to Siberia. At the age of 13 he worked in the rear as a turner’s apprentice at the factory “Red October”. Since 1942 he has been living in Siberia.

After graduating from the Tomsky University he worked as a teacher of Literature, a headmaster of school, a journalist and a radio reporter. He was rather successful at the beginning of his journalistic career and in 1964 during “the thaw” he was sent to the Higher School of the Communist Party in Moscow where he studied journalism and French for 2 years. Yuri worked as a guide with tourists and professors of Sorbonne, with journalists and writers. It pushed him to study the French poetry which he found fascinating and absorbing. Especially he was deeply interested in the poets unknown to the Russian readers. Several years later he translated 250 poems of 57 French poets of the XII—XX centuries into Russian and published a book of translations named “Where does the Beauty Come From?”

Thanks to the access to the special funds of the Lenin Library he managed to familiarize with philosophic and religious sources of the world literature which were not available to

ordinary people and it surely had a great influence on the views of the future poet. Still loyal to the socialist ideas, Yuri saw the hopelessness of the cruel soviet atheism. In 1966 he came back to Novosibirsk where he started working as a chief editor of the local radio and Western-Siberian studio of documentaries. Besides, he started the project of publishing eastern literature in the Siberian Department of the Publishing House “Science” attached to the Russian Academy of Sciences.

In the end of the 1970s Kljuchnikov started searching religious meaning in our life by studying eastern philosophy and Roerich’s theory. Then he willingly participated in signing the letter addressed to the Central committee of the Communist party of the Soviet Union stating that there was an urgent need to reconstruct and review the concepts of Marxism. It caused a big scandal with 70 meetings and demands to plead guilty in trying to shutter the pillars of the Soviet regime.

Kljuchnikov refused to change his views and therefore was announced ideologically wrong to stay in the Party and work for the Publishing House. So he was fired with no right to work in this field. Now he worked as a loader and a rigger at the factories. He wrote poetry but it was not published.

In the years of “perestroika” he edited books on the spiritual culture of the East, West and Russia. He was published in lots of solid literary magazines. It happened because he was seriously involved in investigating Eastern philosophy, arts and spiritual practices. He made 6 trips to India and 2 trips to Nepal, participated in the expeditions to the mountains in Nepal, India and Altai, climbed to the top of 4000 metres, and he visited ashrams, met wise and saint people who are included in the number of 108 mahatmas being in charge of the spiritual processes in India. As a result of these trips he wrote a book named “I Was Looking for Russia In India: Travelling around Ariavarta”. During a long time he was studying the

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

Indian, Chinese and Persian poetry, composed some imitation poems, made free translations of the Sufi poets of the VIII—XX centuries and edited a book called : “Caravan of Eternity”. The book was exhibited at the International Book Fair in Iran and Yuri became a prizewinner of the literature reward in the nomination of” artistic translation”.

Kljuchnikov’s first experience in writing poetry happened at the age of 12 when he attended the literary club and was published in the local media in Kuznetsk. Then he worked as a journalist, wrote articles, plays and stories. His writings were not published but were popular with radio listeners. His first serious success came in 1982 when a famous magazine “Moscow” published just one poem, then he was acknowledged by famous writers and journalists: Astafiev, Solntsev who were very positive about his poetry and selected some of his poems to enter the collection of verses. Kljuchnikov got married and had two children. His wife is an artist and runs the local “Russian Club”, his son Sergei is a psychologist, philosopher, writer and editor and his daughter Marina is a journalist. She lives and works in Novosibirsk.

Since 1990 Yuri Kljuchnikov has published 20 books of poetry, prose and articles: “About the Mission of Russia” (1989), “Good news of the Good Epoch” (1991), “Mystical Pushkin” (1992), “To Beloukha” (1992), “Icons” (1993), “Heavenly Russia” (1994), “The White Island” (2000), “The Poet and the Fairy. Esoteric Fairy Story about the Travellings of the Soul in Visible and Invisible Worlds” (2004), “Powers of the Soul. Experience in Mastering” (2005), “Annual Rings” (2006), “I Was Looking for Russia in India” (2009), “Images of the Russian Culture” (2009, 2012), “The Russian Window” (2010), “The Autumn Pray. A Lyrical Diary” (2011), “Home and Smoke. Lyrical Conclusions” (2013), “The Music of Words and Colours. Heavenly Russia” (2014), “Where

does Beauty Come from?” (2015), “My Soul, Let’s raise the Sails!” (2015), a collection of free translations of the Sufi poetry of the VIII—XX centuries “Caravan of Eternity” (2016), “Premonition of Spring: Memories and Speculations about Time and Destiny” (2017).

His poems and prose were published in very prestigious magazines, such as: “Our Contemporaries”, “Siberian Lights”, “Literary Studies”, “Moscow Parnassus”, “Pushkin Almanac”, “Science and Religion”, newspapers “Tomorrow”, “Day of Literature”, “Soviet Russia”. He is the prizewinner of the forum “Golden Knight”, the hero of the documentary film “White Island” (director-Tikhonov), besides he was awarded a special diploma “For the Philosophical and Poetical Search” at the international festival “Golden Knight”.

Poetry and journalism were highly evaluated by well-known literary men of various directions, writers and poets such as: Astafiev, Soloukhin, Kozhinov, Seleznev, Sidorov, Evtushenko, Likhonosov, Prokhanov, Bondarenko, Kounaev, Anninsky, Smirnov, Ivanov, Kalougin, Balashov, Parpara, Zolotsev, Kurbatov, Hanbekov, Linnik, Kostin, Dmitryev, Bushueva.

The book “Premonition of Spring :Memories and Speculations about Time and Destiny” is autobiographical because it is based on real events and facts of Yuri Kljuchnikov’s life. It unveils hardships and tough circumstances of his life, his spiritual searches of the Truth and Beauty. Besides, this book describes his meetings with famous writers and journalists, artists and scientists, government people and party members, orthodox monks and pilgrims, Indian wise men and saints. This is a mirror, the portrait of the epoch and the modern parallels, Russian history and poets.

The author is a 86 year old poet — Yuri Kljuchnikov is one of the best masters of verses, who went through dramatic collisions and spiritual searches, and he tells us about his achievements

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

and losses, his merits and demerits. His book reflects the atmosphere of the gone epoch, speculates about modern life, Russian history, poets and poetry. The author illustrates his comments with poems, dialogues with his son, documents and it makes the narration convincing and absorbing. The book starts with a “note” that opened his case when he insisted on reviewing the basics of the Communist party, and it is full of documentary evidences of the party meetings, conflicts and discussions about his life and future career.

Any person who is interested in the history of our country, in the reasons for the splitting of the Soviet Union is surely to fall in love with this book.

СОВРЕМЕННОКИ
(литераторы, деятели искусств,
композиторы, журналисты)
О ЮРИИ КЛЮЧНИКОВЕ И ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ

ВИКТОР АСТАФЬЕВ

«Каким-то кружным и долгим путём до меня дошли Ваши стихи, и прочёл я их с удовольствием... Среди них есть стихи совершенно зрелые, крепкие по мысли и форме». (1981)

ВАДИМ КОЖИНОВ

«Творчество Юрия Ключникова с его ясностью поэтической воли очень нужно современной России». (2000)

СТАНИСЛАВ ЗОЛОТЦЕВ

«Восхождение новосибирского учителя, редактора, журналиста (а ряд лет — волею недобрых сил — и грузчика, ибо куда ещё податься изгнанному за «инакомыслие»), а затем и общественно-культурного деятеля Юрия Ключникова к поэзии было и остаётся, по существу, стезёй обретения веры. Он пришёл к высокому уровню стиха уже в очень немолодом возрасте, когда России, как хлеб насущный, необходимо слово, исполненное мужества и мудрости. Его и дарит нам Юрий Ключников». (2005)

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

«Юрий Ключников, живя в Новосибирске, никак не может считаться неким «областным» писателем. Творчество поэта, философа, публициста, русского подвижника и пассионария, явно недооценённого в отечественной литературе, это некая эстафетная палочка нашим культурным наследникам, переключка века двадцатого с веком двадцать первым, с новым тысячелетием». (2007)

ЛЁВ АННИНСКИЙ

«Юрий Ключников — замечательный сибиряк, “весёлый странник золотого века”, сумел выносить в душе и явить в творчестве истинно русское, то есть непоколебимо православное, мироощущение и по сей день является хранителем этого непобедимого образа мыслей. Тысячи своих строк он выдержал в рамках державинско-пушкинской традиции, не польстившийся ни на какие авангардистские уловки. В его душе всегда жило ощущение некоего высшего начала, в свете которого получают смысл и советская власть (другой нет), и христианское вероучение (“Фаворский свет”)». (2010)

ВЛАДИМИР СМИРНОВ

«Слово Юрия Ключникова — живое свидетельство о путях и перепутьях своего и чужого, родного и вселенского. В его стихах “дышит почва и судьба”. А это вековечный “патент на благородство”, как писал некогда старинный русский поэт Афанасий Фет». (2011)

ГЕННАДИЙ ИВАНОВ

«В наше время из живущих так активно и плодотворно на восьмом десятке лет работают, пожалуй, только Глеб Горбовский и Константин Ваншенкин. Из недавно ушедших так работали в этом или почти этом возрасте Виктор Боков, Николай Тряпкин, Фёдор Сухов, Анатолий Жигулин, Алексей Решетов. Очень хорошие поэты. В этот ряд достойно встаёт Юрий Ключников...

Я уверен, что добрая слава о поэте Юрии Михайловиче Ключникове будет шириться и распространяться по России. Его надо читать». (2011)

* * *

«Юрий Михайлович Ключников живёт в Новосибирске, недалеко от его любимого места на планете Земля — Алтая. Поэтому так и хочется начать это предисловие шукшинскими словами: живёт такой парень! Даже несмотря на возраст «парня», которому пошёл 87-й год! Но можно и подкорректировать: живёт такой Поэт! И в этом возрасте он весь в работе, в достижениях — недавно издал том переводов поэтов Франции XII—XXI веков «Откуда ты приходишь, красота?», затем, совсем недавно, вышла его книга переводов суфийских поэтов «Караван вечности». Вот у меня на столе блистательный том очерков Юрия Ключникова “Лики русской культуры”. Я с огромным удовольствием и читал, и перечитываю эти глубокие статьи, очерки, эссе о Пушкине, Блоке, Булгакове, Гумилёве, Пастернаке, Шукшине, Кожинове...

Наконец прочёл, пока ещё в рукописи, большую книгу мемуаров Юрия Михайловича “Дни моей жизни. Воспоминания и размышления”.

... Книга получилась очень густой на сюжеты, информацию, мысли. В неё автор включил несколько бесед с сыном Сергеем, который тоже философ и писатель. Темы

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

бесед — от самых сложных, философских: предназначения человека и Сверхзадач — до самых животрепещущих и обыденных: сохранения здоровья и семьи. (Кстати, сам поэт, как говорилось, — долгожитель, работает ежедневно по 12 часов, живёт с женой 63 года, имеет двоих детей, двоих внуков и трёх правнуков.) Его беседы настолько интересны и познавательны (а надо ещё сказать, что Юрий Михайлович один из самых образованнейших людей нашего времени), что профессор Литературного института Станислав Бемович Джимбинов, сам в высшей степени образованнейший человек, однажды сказал, что такого глубокого сотрудничества отца и сына Ключниковых он не знает во всей мировой литературе. Так что стоит особое внимание в этой книге обратить на эти беседы». (2017)

* * *

«Интуиция и талант автора вольных переводов китайской поэзии Ю. М. Ключникова помогли ему почувствовать что-то очень сокровенное и подлинное в строках поэтических гениев Поднебесной. Его вольные переводы и переложения очень хорошо передают дух этой великой страны, образы, интонацию, ассоциативное богатство и тонкость поэтического мышления китайцев. С моей точки зрения, наиболее сильным и ярким в книге является третий раздел «Поднебесной хризантемы», где представлена вся китайская лирика от древности до сегодняшнего дня. Хорошо выглядят и архаические стихи, да и философская поэзия переложена очень красиво. На меня большое впечатление произвели как притчи Чжуан-цзы, так и поэтическое переложение знаменитого трактата «Дао Дэ Цзин». В целом в переводах и переложениях Ю. М. Ключникова есть чувство подлинности и правды, и каждый переводимый им поэт встаёт сквозь строки словно живой. Автору книги удалось показать поэтиче-

скую индивидуальность каждого поэта, отличающую его от других мастеров стиха. Они звучат как хорошая русская поэзия с нашими родными размерами (хотя восточный колорит передан очень ярко) и в таком виде лучше усваиваются нашими читателями.

В каком-то смысле это новое слово в традиции русских художественных переводов. Много русских поэтов, включая Пушкина, интересовались китайской культурой и поэзией, но ни один русский поэт не переводил китайскую поэзию в таком объёме. У Фета, Гумилёва были только подступы к решению этой задачи. Анна Ахматова сделала больше, но это нельзя сравнить с той большой задачей, которую поставил перед собой и, главное, решил Юрий Михайлович Ключников. (Я не сравниваю сейчас известность этих двух поэтов и масштаб их дарования, а говорю именно об объёме сделанного.) С одной стороны, это свободные, вольные переводы и переложения китайских стихов, а с другой стороны, довольно точные тексты, передающие не только дух, но и нередко букву первоисточника. К тому же они снабжены солидным справочным аппаратом — предисловием автора книги, биографическими справками (живо написанными и весьма подробными, может быть, иногда излишне), словарём поэтических терминов, большим послесловием сына и издателя поэта, в котором рассказывается об истории поэзии Поднебесной. Всё это делает книгу очень ценным пособием для изучения китайской поэзии. Её бы направить в вузы, где изучается китайский язык, где готовятся кадры для сотрудничества наших двух великих держав». (2018).

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

ВАЛЕНТИН КУРБАТОВ

«У нас уж лета-то вон какие, и поэтический “дневник” Юрия Ключникова (а это “дневник” зоркого, не дающего себе отдыха человека) горчит и саднит, как старая рана, но, к русской чести, “не уходит в запас”... Мне нравится, что Ключников в последние годы пишет порой не по одному стихотворению в день, отодвинув публицистику и литературное ведение, потому что стих вернее держит дыхание жизни, её пульс. Золотое качество Ключникова в том, что он не спрямляет дорог и в гордости империей и русским человеком глядит на этого человека без лести». (2013)

СТАНИСЛАВ ДЖИМБИНОВ

«Одно бесспорно: Юрий Ключников мастерски владеет поэтическим словом, его переводы читаются легко, в них не спотыкаешься на темнотах, поскольку всю работу по расшифровке “тёмных” мест поэт взял на себя, о чём он говорит сам... Такой обширной антологии французской поэзии, выполненной одним переводчиком, у нас ещё не было ни до, ни после революции». (2014)

ВЛАДИМИР КОСТИН

«За словами “Поэзия Юрия Ключникова” встаёт огромный мир, огромный хор поэзии, мировой и российской, от Пушкина до суфиев, мир евразийски выразительный — мир влюблённого в поэтическое слово читателя и ответственного посредника, своеобразного гида на его маршрутах. И здесь не может не поражать широта эстетического зрения Ключникова и его принципиальная

гармоничность. Это мир его предпочтений, его избраний, но это цельный мир, диалогически связанный и осязательно полный, онтологически и художественно самодостаточный». (2015)

ЮРИЙ АЩЕПКОВ

«Физикам известен такой факт: элементарная частица реагирует на взгляд наблюдающего за ней исследователя. И даже две частицы при появлении третьей начинают менять свои характеристики. В химии при соединении (реакции) двух реакторов происходит превращение одних в другие. При этом исходное вещество расходует свою энергию и отдаёт её веществу новому.

Но особенно ярко реагируют на соседей растения. Садоводы знают, что от одних «соседей» растения погибают, от других бурно развиваются, ускоряя темпы роста.

Говорю о таких ассоциациях, имея перед глазами новую книгу Ю. М. Ключникова «Душа моя, поднимем паруса!». Никогда ранее поэт не соединял переводы французской и арабской поэзии со своими стихами. Не потому, что раньше не делал переводов. Просто высокая требовательность к себе и ответственность мастера перед ликом Времени не позволяли ему ставить себя в один ряд с Верленом и Саади. Но произошла удивительная вещь: собственные стихи поэта от соседства с французскими и арабскими засияли необычными до того скрытыми красками. Произошло удивительное взаимодействие трёх поэтических культур, слияние их в единую симфонию мудрости. И каждая из трёх культур, не теряя своей индивидуальности, засияла своим светом, обогащённая душами-соседами.

Впрочем, надеюсь, что о новой книге поэта заговорят и сегодня первой строкой приведённого здесь эпиграфа

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

из Гёте. Перед нами впечатляющий поэтический эксперимент, подобный алхимическому соединению трёх элементов. В результате получился философский камень с разными гранями высокой духовной мудрости и красоты. Зазвучала космическая музыка, не боюсь сказать так, с тончайшими оттенками чистых чувств и смыслов. Без них нет человека, собственно, никогда и не было. Просто иногда негде укрыться от угрожающего миру потребительского варварства и политического хаоса. Можно спастись только там, где есть философский камень-спаситель, обнаруженный для нас большим художником. Поклонимся ему за это. А ещё за то, что новых его откровений мы ждём с возрастающей радостью и нетерпением». (2015)

СЕЙДАХМЕТ КУТТЫКАДАМ

«Так получилось, что мне, журналисту из Казахстана, удалось ознакомиться с книгой «Караван вечности» ещё в рукописи, раньше, чем читатели из России. И я, пользуясь случаем, решил высказаться об этой книге и о творчестве поэта, тем более что до этого я знакомился с его книгой «Душа моя, поднимем паруса!». Я горячий поклонник русской культуры, и поэзия Юрия Ключникова на меня произвела большое впечатление своим классическим русским стилем и выстраданностью. Это большая и настоящая поэзия. Всё, что пишет и переводит Юрий Ключников, несёт в себе особую одухотворённость и изысканную чувствительность. Что касается переводов, то они изумительны, и они очень точно передают восточные особенности мысли, языка и стихосложения, а самое главное мудрость. Я родом из города Туркестан — родины Ахмета Ясави и ещё застал последних суфиев — его последователей. Поэтому всю жизнь испытывал тягу к суфизму.

В суфизме два основных течения — поэтический ирфан и аскетический тасаввуф, в чистом виде они почти не встречаются; как правило, имеет место смешение их в той или иной пропорции. И в переводах Юрия Ключникова это можно различить». (2016)

АИДА СОБОЛЕВА

«Когда читаешь стихи и прозу Юрия Ключникова, не покидает ощущение, что он будто светится от любви ко всем, о ком пишет, при этом отлично видя все несовершенства и отдельного человека, и окружающего мира. Он, как добрый дервиш, странствует по жизни, с ироничной улыбкой преодолевая все трудности своего Пути и открывая читателю невидимые двери. На меня произвела очень сильное впечатление его книга «Я в Индии искал Россию». Это особый жанр — описание путешествия и по стране, и по времени, и в духовном пространстве». (2017)

СЕРГЕЙ МАРКУС

«Радостно быть современником Юрия Ключникова. В нём раскрывается новый тип русского человека.

Это истинно русский — в служении своему народу и своему языку. И это всечеловек — в лёгкой и радостной открытости французскому, индийскому, иранскому... Недаром же Достоевский говорил о «всемирной отзывчивости русской души» в Пушкине. Но ведь Пушкин лишь только начал открывать многие горизонты... и многое не успел. Так и Ключников — и не успел и... не успеет. Отчего же так? Да оттого, что человек, нами видимый сегодня, не вечен — но, причастный вечности, проходит сквозь множество слоёв времени.

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

Очевидно, что и сибиряк Юрий Ключников до появления в России прошёл многие круги культур, языков и разных народов — отсюда и внутренняя память, и любовная отзывчивость. Очевидно, что возраст не умалит в нём жадности открытий и он пройдёт ещё множество странствий, которых мы здесь не увидим.

А новизна для нас вот в чём: русское общество не позволяло ранее быть личности одновременно сразу в нескольких измерениях. Западное и восточное, христианское и исламское, да ещё индуистское... советское и древнерусское... Ничто не исключает ничего. Мир целостен, полифоничен, хоть для удобства познания и разложен по полочкам.

Ключников — русский всечеловек, многогранный, до конца невоплощаемый. Он каждому из нас показывает: не бойся быть искрой Вселенной, которая жаждет в тебе отразиться!» (2017)

НИКОЛАЙ СЕРЕБРЯННИКОВ

«Книга «Караван вечности» — настоящее историческое исследование: отбор имён и произведений — это работа знатока и художника. Книга, созданная Юрием Ключниковым, раскрывает духовные запасы мусульманского Востока, парадоксально активизировавшиеся в конце 20-го века. Она — итог долгого пути, результат проникновения в душевный строй чужой, казалось бы, далёкой культуры. Выбор личный, глубоко осознанный. Драматично шла жизнь Юрия Ключникова, в ней сказался последний российский надлом, поэзия стала и раздумьем о родине, и самообороной души.

Издание подобной антологии в наши дни — своевременный и значимый культурно-исторический и даже

политический поступок, важный жест, вносящий необходимые коррективы в разворачивающийся евразийский полилог.

С праздничной наглядностью российский читатель убеждается в том, что ужасы жестокой реальности наших дней чужды вековой высокой культуре Востока, неорганичны для неё — и неизбежно преходящи. Гармония божественного и человеческого начал, звучащая (и роль суфиев здесь воистину определяющая) в поэзии Ближнего и Среднего Востока из рода в род, из поколения в поколение, целительна — она говорит о непреходящей ценности идеалов братства людей и народов, о том, что Взаимопонимание неотменимо, как воздух, вода и улыбка.

И замечательно, что роль посредника принял на себя Юрий Ключников, Замечательный поэт и необыкновенный эрудит, живущий под девизом «хочу всё знать и понимать». (2017)

МАРИЯ БУШУЕВА

«Ю. М. Ключников не просто сохраняет свой мудрый идеализм, но борется за него, и в эпоху победившего китча и постнуара, в которую, если искусство не заигрывает со злом, оно начинает казаться обывателю несовременным, упорно отстаивает разумное, доброе, вечное, отдавая приоритет высокому и, как в жизни, так и в искусстве, ориентируясь на «чистейшей прелести чистейший образец», противоположный, а отнюдь не близкий гламуру.

Что касается его партийной истории, то нужно сказать, что Юрий Ключников не извлёк из своего инакомыслия и конфликта с тогдашней властью никакой практической пользы, не получил даже малейшей выгоды. Потому что действительно был и остаётся идеалистом — то есть пред-

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

ставителем той уникальной породы истинных «аристократов духа», которые всегда были в меньшинстве, а сейчас становятся и вообще раритетом. Но без такого идеалистического слоя народа просто нет. И, конечно, он остался верен своим идеям.

* * *

«Китайский проект» Ю. М. Ключникова — это русско-китайский поэтический мост, воздвигнутый 87-летним поэтом, который, точно бессмертный мудрец Поднебесной, прошёл через тридцать веков китайской поэзии под зонтиком любви к ней, не опровергая традицию перевода и переложения китайских стихов, существовавшую до него, но следуя ей и даже порой вплетая её точные ритмы в то, что расслышал у китайских поэтов сам. Можно пожелать читателям путешествия по этому мосту, соединившему в наше сложное время два великих поэтических берега — русский и китайский». (2018)

УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

Ю. М. Ключников (1930 г. р.)

1. Биения — 26

Часть I. ДРЕВНЕКИТАЙСКАЯ ПОЭЗИЯ (XI—VI вв. до н. э.)

Из «Ши-цзина»

2. *Мы слышим в лесу за ударом удар* — 32
3. Печаль оставленной женщины — 33
4. Прошу парня не лазить ко мне через забор — 34
5. Инь и Ян — 35
6. Орхидеи и пионы — 36
7. *Коль сын родился, следует воздать* — 37
8. Жалоба наложницы — 38
9. Северный ветер — 39
10. Принцесса — 40

Поучения царю

11. (1) *Ладно сделанный лук будет долго стрелять* — 41
12. (2) *Цель правления мир, смысл правления лад* — 41
13. (3) *А заставишь людей лишь утехам служить* — 41
14. (4) *Нет в народе добра и в чиновниках нет* — 41
15. (5) *Старый конь потягаться не прочь с жеребцом* — 42
16. (6) *Обезьяну не учат скакать по ветвям* — 42
17. (7) *Снег зимой замечает труды и следы* — 42
18. (8) *Ведь и мы уподобились все дикарям* — 42

Девятнадцать древних стихотворений

19. (1) *Одна я осталась. Ты тоже, надеюсь, один* — 44
20. (2) *Зелена и сочна весна, изумрудна повсюду трава* — 45
21. (3) *Здесь тянется к небу на склоне горы кипарис* — 46
22. (4) *Был задан сегодня нам праздничный пир* — 48
23. (5) *Там облако смотрит в окно до зари* — 49
24. (6) *Прекрасны лотосы над утренней водой* — 50

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

25. (7) *Луна морозов предвещает срок — 51*
26. (8) *Словно старец согнулся вдруг — 52*
27. (9) *Это дивное дерево в белых цветах — 53*
28. (10) *Высоко, высоко на небесном мосту — 54*
29. (11) *Бесконечна дорога — путь вещей и людей — 55*
30. (12) *За глухую стеною высокой и длинной — 56*
31. (13) *Я с Востока гоню лошадей всё вперёд — 57*
32. (14) *Становится чужой моя земля — 58*
33. (15) *Если рвется судьбы так легко невесёлая нить — 59*
34. (16) *Цикада звенит и о чём-то печалится вдруг — 60*
35. (17) *Мне северный ветер — нерадостный гость — 62*
36. (18) *Как сделались ночи постылы — 63*
37. (19) *С неба месяц унылый проник в мою спальню — 64*

Часть II. КИТАЙСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ КЛАССИКА В ПОЭТИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДАХ

1. Даосская философская классика в поэтических переводах

Лао-цзы (VI—V вв. до н. э.)

«Дао дэ цзин»

38. (1) *Произнесённый иероглиф «Дао» — 74*
39. (2) *Сказал «прекрасно» — вышло безобразно — 75*
40. (3) *Если учёность не в моде, зазорным — 76*
41. (4) *Дао бездонно, темно, всеохватно — 77*
42. (5) *Скажи, добры ли Небо и Земля? — 78*
43. (6) *Высоты и глубины превращений — 79*
44. (7) *Мудрый вперёд пропустит — 80*
45. (8) *Высшее благо течёт как вода — 81*
46. (9) *Лить в полный кувшин бесполезно — прольёшь — 82*
47. (10) *Коль тело и душа едины — 83*
48. (11) *Вмещает тридцать спиц ступица — 84*
49. (12) *Острые переживания нам притупляют вкус — 85*
50. (13) *Знатный несчастен, собой дорожа — 86*
51. (14) *Смотрю и не вижу, зову и не слышу — 87*
52. (15) *Древние люди вникали в тончайшие вещи — 88*
53. (16) *Сделайся тихим, ненужным желаньям не следуй — 89*
54. (17) *Лучийший царь — о ком известно, что он есть — 90*

Указатель стихотворений

55. (18) *Где Дао в забытии и в небрежении* — 91
56. (19) *Перестаньте мудрить и воспитывать прочих* — 92
57. (20) *Не знает Дао наставленья и рецепта* — 93
58. (21) *Дао царит везде* — 94
59. (22) *Ущербное вернулось к полноте* — 95
60. (23) *Естественны и Дао, и природа* — 96
61. (24) *На цыпочках не прошагаешь долго* — 97
62. (25) *Вот Вещь, возникшая до Неба и Земли* — 98
63. (26) *Покой сердечный — главное в движении* — 99
64. (27) *Умеющий шагать следов не оставляет* — 100
65. (28) *Кто скромн, зная храбрость неизменную свою* — 101
66. (29) *Кто силой рвётся овладеть страной* — 102
67. (30) *Искусный полководец побеждает* — 103
68. (31) *Хорошее войско рождает несчастье* — 104
69. (32) *Ни Дэ, ни Дао не имеют тела* — 105
70. (33) *Комментарий переводчика. Как думают умники, Дао
пора* — 106
71. (34) *Кто знает людей, несомненно, умён* — 107
72. (35) *Великое Дао никто не измерит* — 108
73. (36) *Кто воплощает Наивысший Образ* — 109
74. (37) *Комментарий переводчика. Добавим, кто любим, как
образ Дао* — 109
75. (38) *Чтоб нечто сжать, его расширить нужно* — 110
76. (39) *Дао в постоянном недеянии* — 111
77. (40) *Мудрый к добрым целям не стремится* — 112
78. (41) *На свете всё обязано трудиться* — 113
79. (42) *И перемены в мире неизменны* — 114
80. (43) *Узнавший о Дао один устремится* — 115
81. (44) *Дао — единый Дух. Оно порождает Два* — 116
82. (45) *В Поднебесной слабые самые* — 117
83. (46) *Что ближе — слава или жизнь?* — 118
84. (47) *Безмолвье равно грандиозному крику* — 119
85. (48) *Когда страну управляет Дао* — 120
86. (49) *Мир можно познавать, окна не покидая* — 121
87. (50) *Кто учится — растёт запасом знаний* — 122
88. (51) *Мудрец спокойно на весь мир глядит* — 123
89. (52) *Рождаются и умирают все* — 124

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

90. (53) *Дао порождает, Дэ нас одевает* — 125
91. (54) *Кто постиг начало всего сущего* — 126
92. (55) *Знать роскошь чтит, пиры и острый меч* — 127
93. (56) *Учись стоять, как молодой бамбук* — 128
94. (57) *Познавший Дао — уподобился дитяти* — 129
95. (58) *Кто много говорит — не знает ничего* — 130
96. (59) *Хранится справедливостью страна* — 131
97. (60) *Когда правительство становится спокойным* — 132
98. (61) *Совершенствует Дао природу поступков и тел* — 133
99. (62) *Управленье большим государством подобно* — 134
100. (63) *Великая река в низовье побеждает* — 135
101. (64) *О, Дао — глубочайшая основа всех вещей* — 136
102. (65) *Основа жизни — недеяние и мудрость* — 137
103. (66) *То, что спокойно, проще сохранить* — 138
104. (67) *В былые времена народ не просвещали* — 139
105. (68) *Как суша управляется водою* — 140
106. (69) *О, Дао! Ты не то, что говорят* — 141
107. (70) *Умный полководец — не вояка* — 142
108. (71) *Не нужно первым начинать войну* — 143
109. (72) *Мои слова понять несложно* — 144
110. (73) *Кто знает Истину, тот зрит в себе невежду* — 145
111. (74) *Верхи! Не презирайте, не тесните* — 146
112. (75) *Кто смел и агрессивен, погибает* — 147
113. (76) *Кто угрожает гибелью народу* — 148
114. (77) *Народ бывает оттого несчастен* — 149
115. (78) *Человек при рождении нежен и слаб* — 150
116. (79) *Небесное Дао ни грустно, ни весело* — 151
117. (80) *Вода мягка, слабей всего на свете* — 152
118. (81) *Добрые стремятся к соглашениям* — 153
119. (82) *Пускай не станет слишком крупных стран* — 154
120. (83) *Слова правдивые по виду не изящны* — 155

Чжуан-цзы (369—286 до н. э.)

Притчи

121. (1) *Смятение Конфуция* — 159
122. (2) *Встреча двух мудрецов* — 160
123. (3) *Бабочка* — 161
124. (4) *Притча Чжуан-цзы о счастье* — 162

Стихи даосских алхимиков

Чжан Бодуань (984—1082)

125. (1) *Бессмертие может быть только небесным* — 165

126. (2) *Внизу танцует тигр, вверху царит дракон* — 166

Чжи Дуньжу (314—366)

127. *Сад цветущий забыв, не желая тепла* — 168

«Канон перемен» — «И-цзин»

Ю. М. Ключников (1930 г. р.)

128. *Как велико, как бесконечно Небо* — 169

2. Стихи о «Книге Перемен»

Фу Сянь (III в. н. э.)

129. (1) *Пусть низший, чтоб себя спасти* — 172

Мэн Цзяо (751—814)

130. (2) *Подарок отшельнику* — 174

Оуян Сю (1007—1072)

131. (3) *Читаю «Книгу Перемен»* — 176

Чжу Си (1130—1200)

132. (4) *Вдохновение* — 178

Цю Чэн (XII в.?)

133. (5) *Смотрю черты «Книги Перемен» и показываю их другу* — 180

Фан Сяо Жун (1357—1402)

134. (6) *Кто не чувствует триграмм* — 181

**3. Конфуцианская философская классика
в поэтических переложениях**

Конфуций (Кун-цзы) (551—479 до н. э.)

Из «Лунь-юя»

135. (1) *Все люди добры изначально* — 187

136. (2) *Когда положены Основы* — 188

137. (3) *Используя в правлении народ* — 188

138. (4) *Сладкие речи и ловкость манер* — 189

139. (5) *Кто честно служит людям и стране* — 189

140. (6) *Жизнь мудрого совсем не однократна* — 190

141. (7) *Не бойся, что тебя не знают люди* — 190

142. (8) *Чем пребывать впоследствии в печали* — 191

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

143. (9) *Кто правит честно, справедливо, мудро* — 191
144. (10) *Доступно всем блаженное бессмертие* — 192
145. (11) *Подобно древним праведным царям* — 192
146. (12) *Конфуция спросили, почему* — 193
147. (13) *Как благородный муж дела свои творит?* — 193
148. (14) *Служа параграфам, выказываешь узость* — 194
149. (15) *Не трать на месть напрасно силы* — 194
150. (16) *Три вещи к нам не возвратятся снова* — 195
151. (17) *Муж благородный строг к себе* — 195
152. (18) *Нужны две вещи, чтобы людям выжить* — 196
153. (19) *Где естество царит над воспитанием* — 196
154. (20) *Безмолвный Дао нас ведёт вперёд* — 197
155. (21) *Учи таких, кто может с полуслова* — 197
156. (22) *Ошибка лишь тогда непоправима* — 197
157. (23) *Кто построил жизнь свою на выгоде* — 198
158. (24) *Вглядись в ошибки рядового человека* — 198
159. (25) *Когда тебя запугивает зло* — 198
160. (26) *Добро не в одиночестве на свете* — 199
161. (27) *Вот низость уступила в нас сердечности* — 199
162. (28) *Сын, если он действительно почтителен* — 199
163. (29) *Как изощённость речи губит добродетель* — 200
164. (30) *Нет худшего врага для человечности* — 200
165. (31) *У многословия всегда разлад со смыслом* — 200
166. (32) *Коль ненависть тобою овладела* — 201
167. (33) *Любых не бойся перемен* — 201
168. (34) *Основа жизни радостно проста* — 202
169. (35) *Приемлем мудрые решения по капле* — 202
170. (36) *В древности себя старались обновить* — 203
171. (37) *Велик не тот, кто никогда не падал* — 203
172. (38) *Нам красота повсюду в мире светит* — 203
173. (39) *Кто тратит жизнь на обвинительную речь* — 204
174. (40) *Не вслушивайся в речи злых людей* — 204
175. (41) *Лишь крайнее невежество и мудрость* — 204
176. (42) *Достойных не поддержишь — потеряешь* — 205
177. (43) *Достойного увидишь впереди* — 205
178. (44) *Учитель поведал: «С пятнадцати лет...»* — 206

**4. Философская классика моизма
в поэтических переложениях**

Мо-цзы (Мо Ди) (ок. 470—391 до н.э)

Афоризмы Мо-цзы (Мо Ди) — 209

- 179. (1) *У Истинной силы могучие крылья — 209*
- 180. (2) *Долг — это чтобы сила — 209*
- 181. (3) *Разум обязан при каждой минуте — 210*
- 182. (4) *Если в мире господствует всюду вражда — 210*
- 183. (5) *Кто всё хулит и ничего не может предложить — 210*
- 184. (6) *Если слова переходят в Поступки — 211*
- 185. (7) *Небо только любящего счастьем одаряет — 211*
- 186. (8) *Чтим лишь то из древности — 211*
- 187. (9) *Всегда чужой успех — 212*
- 188. (10) *Готовясь к действиям, закрой свои глаза — 212*

**5. Стихи и притчи Чаньских мастеров
и поэтов в поэтических переложениях**

Бодхидхарма (440—528)

Афоризмы Бодхидхармы

- 189. (1) *Познание не может быть подсудно — 216*
- 190. (2) *Не думать ни о чём есть состояние чань — 216*
- 191. (3) *Многообразна у познанья тактика — 216*
- 192. *В Китай из Индии явился Бодхидхарма — 217*

Ши Ванмин (VI в.)

- 193. *Успокоение сознания — 219*

Ши Янбин (XX в.)

- 194. *Разговор учеников с мастером Кунг-фу — 221*

Чжэнсюй (XX в.)

- 195. *Из всех противоборств, какие видели (Надпись над воротами в Шаолинь) — 222*

Неизвестный чаньский автор (VI в.)

- 196. *Мы — тело Мудрости и Совершенства Ствол — 224*

Хуэйинэн (638—713)

- 197. *У Дао нет ни тела, ни чехла — 224*

Цзи Гун (1130—1207)

- 198. *Гатха Цзи Гуна — 227*

Часть III. КЛАСИЧЕСКАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

(IV в. до н. э. — XVIII в. н. э.)

Цюй Юань (ок. 340—278 до н. э.)

199. С камнем в объятиях — 233

Цзя И (201—169 до н. э.)

200. Плач о Цюй Юане — 238

Чжан Хэн (78—139)

201. Первая брачная ночь — 242

Цао Чжи (192—232)

202. (1) Встретил у ворот путника — 245

203. (2) Стихи за семь шагов — 246

204. (3) Песня — 247

205. (4) Путешествие к небожителям — 248

Три стихотворения на мотив

«Желающих отправиться к южным горам»:

206. (1) *Восточное море, сковавшее робкие взгляды!* — 249

207. (2) *Вот смотрите, повозка и лодка* — 249

208. (3) *За добро не давали награды* — 249

Тао Юаньмин (365—427)

209. (1) Посидим за столом — 252

Размышляю о древних заветах:

210. (1) *Конфуций сказал: «Не грусти о дырявом кармане»*

211. (2) *«Две девятки» настали, внезапно закончилась осень* — 254

212. (3) *Я живу одиноко, поэтому неразговорчив* — 256

213. (4) *Плывя на лодке* — 257

214. (5) *Как беден мой дом* — 259

215. (6) *Возвращение в дорогой мне мир* — 260

216. (7) *Подвластная бурям, растёт на обрыве сосёнка* — 261

217. (8) *Прославляю бедных учёных* — 262

218. (9) *Мечты сельского жителя* — 263

219. (10) *Источник (фрагменты поэмы)* — 264

219. (11) *«Мудрость» поучений* — 268

220. (12) *Отправляюсь к учёным в Линцзы* — 269

221. (13) *Ослабевшее солнце на запад уходит неспешно* — 271

222. (14) *Я свой дом отыскал в тесноте деревенских жилищ* — 272

223. (15) *Ни души, я бреду, опираясь на прочную палку* — 273

Шэнь Юэ (441—513)

224. Воспоминания о любимой — 276

Чэнь Цзыян (661—702)

225. (1) Возвращение на родину — 279

226. (2) Скорбь по прошлому — 280

227. (3) Скорбь по настоящему — 281

Мэн Хаожань (689—740)

228. (1) В деревне у соседа — 284

229. (2) По дороге в столицу — 285

230. (3) Вдали от родины — 286

231. (4) *Меня весной не утро разбудило* — 287

Ван Вэй (701—761)

232. (1) В горной хижине — 291

233. (2) *Одуванчика пух на висках с каждым днём всё сильнее* — 292

234. (3) Осенние горы — 293

235. (4) Молчаливый разговор с другом — 294

236. (5) Сижу у горного храма — 295

237. (6) Подношение ушедшему другу — 296

238. (7) К портрету знакомого, с которым расстался
в юности — 297

239. (8) Памяти друга — 298

240. (9) Ответ на письмо друга — 299

241. (10) У горной скалы — 300

242. (11) Стихи ленюсь я сочинять — 301

243. (12) Весна в деревне — 302

244. (13) Слушая, как Пэй Ди декламирует по соседству
стихи, написал свои шуточные — 303

245. (14) В боевом пути — 304

246. (15) Стихи, рождённые во сне — 305

247. (16) Чжуан-цзы и Кун-цзы — 306

248. (17) Вечерняя медитация — 307

249. (18) Написал экспромт и показал Пэй Ди — 308

Ли Бо (701—762/763)

250. (1) Тени на яшмовой лестнице — 314

251. (2) Белая цапля — 315

252. (3) Весенним днём брожу я у ручья — 316

253. (4) На закате солнца — 317

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

О тех, кто друг от друга далеко:

- 254. 1. Письмо любимому — 318
- 255. 2. Ответ любимого — 319
- 256. 3. Ещё письмо любимому — 319
- 257. (5) Одиноко сижу я в горах — 320
- 258. (6) Оплакивая соседа-винодела — 321
- 259. (7) Провожу в беседах ночь с другом — 322
- 260. (8) Гляжу на водопад — 323
- 261. (9) Смотрю на пик «Пять Стариков» — 324
- 262. (10) Храм на вершине горы — 325
- 263. (11) Отшельник Юань Даньзю — 326
- 264. (12) Летнее утро — 327
- 265. (13) Отправился к другу-отшельнику, но не застал его — 328
- 266. (14) Возвращаюсь к старому жилищу в горах — 329
- 267. (15) Шучу над другом Ду Фу — 331
- 268. (16) Как кричат тоскливо обезьяны — 332
- 269. (17) Шучу над собой — 333
- 270. (18) Под луной одиноко пью — 334
- 271. (19) Гранатовое дерево под окном соседки — 335

Ду Фу (712—770)

- 272. (1) Пишу у пещеры монаха — 339
- 273. (2) Усечённо о главном — 340
- 274. (3) Путешествие ночью в лодке — 341
- 275. (4) Вижу во сне Ли Бо — 342
- 276. (5) Беседка на берегу реки — 343
- 277. (6) Дорогой наук — 344
- 278. (7) К золотой молодёжи — 345
- 279. (8) Тигр — 346
- 280. (9) Олень — 347
- 281. (10) Попугай — 348
- 282. (11) *Раскаркалось что-то в соседстве со мной вороньё* — 349
- 283. (12) Отдаюсь осенним настроениям — 350
- 284. (13) Встаю весною рано утром — 351
- 285. (14) Фанский меч — 352
- 286. (15) На прогулке в лесу — 353
- 287. (16) Жаль — 354
- 288. (17) Посвящаю другу, ушедшему от дел на покой — 355

Указатель стихотворений

289. (18) Воссоединяюсь с природой — 356

290. (19) Одиночество — 357

291. (20) Грусть в шалаше — 358

Бо Цзюйи (772—846)

292. (1) Основа всех основ — 362

293. (2) *В горах мне бывает теплей и уютней* — 362

294. (3) Получил письмо от друга — 363

295. (4) *Расцвёл в саду любимый персик мой* — 363

296. (5) *Весна повсюду над зимой смеётся* — 364

297. (6) Жалею цветы — 364

298. (7) *Окно на юг — сижу к свече спиной* — 365

299. (8) Навещаю друга Чжэна — 365

300. (9) *Подушку свою обнимая весь день* — 366

301. (10) *Не знаю, куда мне деться* — 366

302. (11) Орхидея — 367

303. (12) Я стыжусь перед родиной — 368

304. (13) Халат — 369

Ли Юй (Ли Хоучжу, Ли Чун-гуан) (937—978)

305. (1) Воспоминание — 371

306. (2) Взгляд с башни — 372

307. (3) Сон — 373

308. (4) Бессонница — 374

Су Ши (1037—1101)

309. (1) Ночью в горах — 377

310. (2) Короткий стих — 378

311. (3) Письмо брату из дорожного трактира — 379

312. (4) Надпись на стене храма «Западного леса» — 380

313. (5) Храм золотой горы — 381

314. (6) Написано в пути на почтовой станции — 382

315. (7) Предутренняя дума — 383

316. (8) Восточный склон — 384

*Обошёл городскую стену длиной в 30 ли, поднялся в храм
«Падающих цветов»:*

317. 1 *Дождь стучал дотемна по бумаге окна.* — 385

318. 2. *Ветер тёплый с востока в лицо нам дохнул* — 386

319. (9) Храм жёлтого вола — 387

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

Ли Цинчжао (1084—1151)

- 320. (1) *Мы с тобою в хмельном забыты* — 390
- 321. (2) *За горизонтом скрылась туча-птица* — 391
- 322. (3) *Уходит день и туча серой птицей* — 392
- 323. (4) *Уж нет того, кто вдохновлял мою свирель* — 393
- 324. (5) *Хризантема* — 394
- 325. (6) *В саду коснулась веточки сирени* — 395
- 326. (7) *Сон мне приснился недавно* — 396
- 327. (8) *Цветок не радует увядший* — 397
- 328. (9) *День чуть-чуть длиннее, чем вчерашний* — 398

Гуань Ханьцын (1219—1301)

- 329. (1) *Осеннее время. Родная деревня* — 401
- 330. (2) *О чувствах (из цикла стихов)* — 402
- 331. (3) *Разлука* — 402

Вэнь Тяньсян (1236—1283)

- 332. (1) *Я нахожусь в тюрьме у северных властей* — 405
- 333. (2) *Побывал на покинутой родине* — 406
- 334. (3) *Южное море* — 407
- 335. (4) *Проплывая по реке Хуай* — 408

Гао Ци (1336—1374)

- 336. (1) *Цветами ещё разукрашены ветви* — 411
- 337. (2) *Девятый день девятой луны* — 412
- 338. (3) *Слышу колокол* — 413
- 339. (4) *Дворцовая картинка* — 414

Лю Цю (1392—1443)

- 340. *Перед разлукой воин сказал жене* — 416

Ли Мэньян (1473—1530)

- 341. (1) *Листья сорву я с осенних ветвей золотых* — 418
- 342. (2) *На границе* — 419
- 343. (3) *Иволга* — 420

Ли Юй (1610?—1680)

Стихи из романа «Подстилка из плоти»

- 344. (1) *Когда обнажена у девы плоть* — 423
- 345. (2) *Молодожёны* — 424
- 346. (3) *В юности кажется жизни не видно конца* — 425

Цао Чжань (Цао Сюэцинъ) (1724—1764)

347. Думы об уходящей юности (стихи из романа
«Сон в Красном тереме») — 428

**ЧАСТЬ IV. ПОЭЗИЯ КИТАЯ
НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА
(XIX—XX вв.)**

Тан Сытун (1868—1998)

349. (1) Любителю романтики — 441
350. (2) *Крики гусей растревожили память во мне* — 442
351. (3) Гора Кунтун — 443
352. (4) Песенка об опиумном маке — 444
353. (5) Стихи о том, как везли провиант по горам Люпань-
шань — 445

Лу Синь (1881—1936)

Дикie травы (краткое предисловие)

354. 1. *Когда молчу, я чую полноту* — 451
355. 2. *Земные корни трав неглубоки* — 451
356. 3. *О, травы дикие — земное украшеньё!* — 452

Го Можо (1892—1978)

Ваза (поэма)

357. (1) *Как в тёмном небе вспыхнул метеор* — 455
358. (2) *Казалось бы сидим мы по соседству* — 456
359. (3) *Я чувствую всю ночь в своей руке* — 457
360. (4) *Наконец я письмо получил* — 458
361. (5) *В письме твоём новом нет слова «почтенный»* — 460
362. (6) *Как был неправ я, как я заблуждался* — 461
363. (7) *Мой личный ад стал общим раем нашим* — 462
364. (8) *Ах, сердце в груди моей бьётся опасно!* — 463
365. (9) *Покой зову, но шторм в груди бушует* — 464
366. (10) *Слова бросаешь словно невзначай!* — 465
367. (11) *Завидую я маю твоему!* — 466
368. (12) *Последнее письмо перечитал* — 467

Юрий Ключников

369. Китайский сонет — 475

Мао Цзэдун (1893—1976)

370. (1) Люпаньшаньский хребет — 477
371. (2) Чанша — 478

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

- 372. (3) Великий поход — 479
- 373. (4) Дабайди — 480
- 374. (5) Славлю Мэйхуа — 481
- 375. (6) Башня жёлтого аиста — 482
- 376. (7) Пещера отшельника в Лушани — 483
- 377. (8) Воробей-мироворец — 484
- 378. (9) Праздник двойной девятки — 485
- 379. (10) Плаванье — 486
- 380. (11) Хуаньсиша — 487
- 381. (12) Почтенному Лю Яцзы — 488
- 382. (13) Письмо жене — 489
- 383. (14) Куньлунь — 490
- 384. (15) Женщинам, одетым в военную форму — 491
- 385. (16) Читая историю — 492
- 386. (17) Мама — 493
- 387. (18) Мальчик — 494

Афоризмы Мао Цзэдуна в стихотворном переложении

- 388. (1) Хрущёв преступный показал пример — 495
- 389. (2) Да, мы за мир. И на планете всей — 495
- 390. (3) Полезнее, когда противник давит — 495
- 391. (4) Кто на чужой проехать шее хочет — 495
- 392. (5) Не делай свою власть невыносимой — 495
- 393. (6) Борись, но не в мечтах, не только в песне — 495
- 394. (7) Сколько книг ни читай — 495

Ай Цин (1910—1996)

- 395. (1) Два дерева — 500
- 396. (2) Венера — 501
- 397. (3) Весть о рассвете — 502
- 398. (4) Солнце — 503
- 399. (5) Разговор с углём — 504
- 400. (6) Восход солнца — 505
- 401. (7) Женщина чинит одежду — 506
- 402. (8) Снег — 507
- 403. (9) Ода свету — 509

Чжэн Мин (род. в 1920 г.)

- 404. (1) Ты прошла осеннюю тропю — 512
- 405. (2) Окровавленный лилии цветок — 513

Хай-цзы (1964—1993)

- 406. (1) Азиатская медь — 520
- 407. (2) Деревня — 521
- 408. (3) Гимн пшеничному полю — 522
- 409. (4) Реквием — 524
- 410. (5) Ко дню рождения — 525
- 411. (6) Женщины моих минувших встреч — 526

Цикл стихотворений, посвящённых Есенину

- 412. (6) Поэт — 527
- 413. (7) Кукурузное поле — 528
- 414. (8) Хмельная родина — 529
- 415. (9) Путешествие скитальца — 530
- 416. (10) Жизнь прервалась — 531

Лян Сяо-мин (род. в 1963 г.)

- 417. Стекло — 533

Юрий Ключников (1930 г. р.)

- 418. Я путь прошёл — 535

ПРИЛОЖЕНИЯ:

Стихи-подражания

Венок сонетов по мотивам «Дао дэ цзина»:

- 419. (1) Читатель, прими эти строки мои — 536
- 420. (2) Забытая суть не является Дао — 537
- 421. (3) Сегодня не Дао — желанья и зло — 537
- 422. (4) Да, мутные воды бушуют повсюду — 538
- 423. (5) Так что же в итоге? Ведь Дао безмерно — 538
- 424. (6) А Дао — от «дать». Неуютное слово — 539
- 425. (7) Они не исчезли, те были и дали — 539
- 426. Дао (Отклик на «Дао дэ цзин») — 540

Переключки с «Дао дэ цзин»:

- 427. (1) «Мысль изречённая есть ложь» — 540
- 428. (2) Итак, во-первых, что такое Дао? — 541
- 429. (3) По сей причине Дао — только слово — 541
- 430. (4) Путь обозначенный — не настоящий Путь — 541
- 431. (5) У самого истока Тайны Два — 542
- 432. (6) Когда-то Суть, а ныне шелуха — 542

Юрий Ключников. Поднебесная хризантема

433. (7) Птицу влечёт на север — 542
434. (8) Муж совершенный не красноречив — 542
435. (9) Дао — тайна Земли, также Мира иного — 543
436. (10) В недеянии мудрый становится зрячим — 543
437. (11) Перелётная птица у цели движения — 543
438. (12) Зная меру, можно подготовиться — 543
439. (13) Того, кто видит Дао и в простом, и в малом — 543
440. (14) Имей в себе и мужа и жену — 543
441. (15) Для человека образец Земля — 544
442. (16) Не потеряй святую Простоту — 544
443. (17) Закрывать ворота можно без замка — 544
444. (18) Люди подчиняются всему — 544
445. (19) Кто слову не верен — 544
446. (20) Ураган не бесчинствует целое утро — 545
447. (21) Великий в сердце Образ молчаливый — 545
448. (22) Нас призывает синими глазами — 545
449. (23) Никто не может подарить везенья — 545
450. (24) Таинственное Дао ликование — 545
451. (25) Кто знает многое и многих — тот умён — 545
452. (26) Не сей вражду среди нищих похвальбой — 546
453. (27) Растенья, уходящие под снег — 546
454. (28) Наилучший из царей бывает тот — 546
455. (29) Есть в человеке Дао и не-дао — 546
456. (30) Не огорчайся, если в жизни бед — 547
457. (31) Во всех делах твоей земной юдоли — 547
458. (32) Не знает Дао, что такое мщенье — 547
459. (33) Хотя в сердцах у нас лишь искра Дао тлеет — 547
460. (34) Кто изменяет слову своему — 547
461. (35) Губительна храбрость, когда безрассудна — 547
462. (36) Расставлены повсюду Неба сети — 547
463. (37) Дереву необходим палач — 548
464. (38) Путь Дао — справедливые дары — 548
465. (39) Не знает Дао родственных симпатий — 548
466. (40) Древние старались промолчать — 548
467. (41) Не углубляйся в рассуждений лес — 548
468. (42) Путь мудрого — ни кем не враждовать — 548
469. (43) Во многознании нет мудрости и блага — 549

Указатель стихотворений

470. (44) *Ничего не знающий — не нужен* — 549
471. (45) Афоризм из «Книги Перемен» — 549
472. (46) Подражание Лао-цзы — 549
473. (47) Завет Конфуция — 550
474. (48) Подражание Ли Бо — 550

**Стихи французских поэтов, переведивших китайскую поэзию
(в переложениях Ю. М. Ключникова)**

Пьер Клодель

475. Ответ мудрого Цинь Юаня — 551

Сен-Жон Перс

476. Птицы — 552

Юрий Ключников

**ПОДНЕБЕСНАЯ
ХРИЗАНТЕМА:**

**30 ВЕКОВ
КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ**

*Вольные переводы.
Свободные переложения.
Стихи по мотивам*

Литературные редакторы:
первый секретарь Союза писателей России **Г. В. Иванов**,
литературный критик **М. С. Бушуева**

Ответственный редактор-составитель *С. Ю. Ключников*
Дизайн и верстка *И. К. Дергунова*
Переплет *С. А. Китов*
Корректор *Ж. К. Борисова*

Издательская лицензия ЛР № 066606 от 19.05.99
Формат: 70x100/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «NewtonС». 21,5 печ. л. Тираж 1000 экз. Зак. №

НПЦТ «Беловодье»

Тел.: +7-903-707-92-23. E-mail: belovodje@rambler.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
материалов в ООО Производственная фирма «Полиграф-Книга»
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, д. 3